

СТАРООБРЯДЧЕСТВО

ИСТОРИЯ
ТРАДИЦИИ
СОВРЕМЕННОСТЬ

2

Протопоп Аввакум. Икона нач. XX в.

**Редакционная
коллегия:**

*О.П.Ершова,
В.И.Осипов,
Е.И.Соколова*

Адрес:

107066 Москва,
ул. Новорязанская, д. 21.
Тел. (8-095) 267-03-42

**Макет и оформление
«БАРС»**

*При использовании
материалов сборника
«Старообрядчество: история,
культура, современность»
ссылка на источник обязательна*

«Старообрядчество: история, культура, современность»

Выпуск 2

Содержание

Статьи

- Богданов А.П. Старообрядцы 2
Керов В.В. Династии старообрядцев —
предпринимателей. Гучковы..... 22
Ершова О.П. Развитие законодательной системы
в области раскола в 50-60-е годы XIX в..... 26
Осипов В.И. Миссионерское противораскольничье
братство Александра Невского..... 32

Публикация архивных материалов 36

Памятные места Москвы

- Соколова Е.И. Протопоп Аввакум в Москве..... 39
Лукина М.И. Из истории Рогожского кладбища..... 42

Критика и библиография 47

Статьи

Богданов А.П.

Старообрядцы¹

В «Житии» и других сочинениях Аввакума описана внешняя сторона собора, приведены живые сцены состоявшихся на нем прений о вере, чуть было не кончившихся дракой. Прежде чем обратиться к документам, раскрывающим подоплеку событий, посмотрим, что происходило в зале, куда привели и поставили перед блестящим собранием иерархов «огнепального» протопопа.

Поиск глазами по трапезной, Аввакум не нашел в ней царя Алексея Михайловича. Это был дурной знак: царь умывал руки, предоставляя своего давнего знакомого, перед которым он чувствовал свою вину, на расправу никонианам. На миг протопоп дрогнул перед могуществом противостоявшей ему власти, явившейся здесь во всем великолепии, во главе со сверкающими драгоценным убранством вселенскими патриархами. Перед тем, как привести на собор, Аввакума уже немало мучили, уговаривали, уещали, чтобы он отказался от своих взглядов хотя бы по некоторым вопросам.

Некоторые из товарищей Аввакума сдались и публично принесли покаяние в своих «заблуждениях». Протопоп до сих пор был тверд и непоколебим, но перед невиданным в России собранием высших православных иерархов сомнение проникло и в его душу. Аввакум боялся не только и не столько за себя, сколько за жену и детей, до сих пор переносивших все кары вместе с ним. Он вспомнил, как когда-то в дикой Даурии, когда они шли по голому льду,

Царь Алексей Михайлович

полумертвые от голода и холода, жена его взмолилась:

— Долго ли муки этой, протопоп, будет?!

— Марковна, до самых до смерти! — отвечал Аввакум жене, и она снова поднялась и сказала:

— Добро, Петрович, ино еще побредем.

А в другой раз в Сибири сидел он печальный, размышляя о своей участи:

— Что сотворю? Проповедую ли слово божие или скроюсь где? Понеже жена и дети связали меня. И видя меня печальна,— вспоминал Аввакум,— протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне, или молчать? — связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь?... Аз ты и с детьми благослов-

ляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе, а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих на забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, обличай блудню еретическую!»

Протопоп еще раз окинул блестящую публику, сидящую на возвышениях. Выше всех находились патриархи Паисий и Макарий на золотых изукрашенных резьбой креслах. В лицах русских иерархов, группировавшихся по правую и левую руку от греков, Аввакум заметил что-то лисье. Это наблюдение окончательно вернуло протопопу мужество. Он усмехнулся и сказал про себя:

1) Продолжение. Начало см. Вып. 1.

— Любил, протопоп, со славными знаться, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «на начавший блажен, но окончивший!».

И тут «Бог отверз грешные мои уста», вспоминал потом Аввакум, говоря о себе словами псалмопевца Давида. При первых же словах вселенских патриархов, переводившихся толмачами, неистовый проповедник бросился в бой, изболочив заведенные Никоном в русской церкви новые греческие обряды. «И посрамил их Христос!» — гордо ...метил Аввакум. Это весьма похоже на истину, ибо состязаться с пламенной речью старовера Паисия и Макария было затруднительно. Записи прений не сохранились: церковным властям она была бы невыгодна, а Аввакум не стал повторять в «Житии» то, о чем не раз писал в полемических сочинениях. Легко, однако, представить себе стиль выступления протопопа, когда он, распаясь все больше и больше, переходил от начетнических аргументов к иронии и издевке.

— Есть же дело настоящее, — говорилось, к примеру, в его Беседе о иконном писании, — пишут Спасов образ Емануила: лице одуловато, уста червоная, власы кудрявые, рувки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишь сабли той при бедре не писано!... А все то кобель борзой Никон враг умыслил — (образы) будто живая писать, устроает все по-фряжскому, сиречь по-немецкому. Якоже фязи пишут образ Благовещения пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колени висит — во мгновения ока Христос совершен во чреве обретется!... Вот, иконники учнут Христа в Рождестве с бороною писать... так у них и ладно стало. А Богородицу чреватую в Благовещение, яко же и фязи поганья. А Христа на кресте раздутова: толстехунок миленькой стоит, и ноги те у него, что ступьчики. Ох, ох бедныя! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев!

— Пьян ты, — говорит Аввакум воображаемому никонианину в толкованиях псалмов, — упился еси от женылюбоденцы (это один из образов Ант. «христова царства». — Авт.)... Зело пьяно вино и пьяно питие у блядки. Нарядна вор-блядь... Упоила римское царство, и польское, и многие окрестные веси, да и на Русь нашу приехала во 160 (1652) году, да царя с царицею напоила: так он (Алексей Михайлович. — Авт.) и пьян стал, с тех пор не проспитя, беспрестанно пьет кровь свидетелей Иисусовых. Ну, разумеете ли про жену ту, чада церковная? Всякая ересь блядня глаголется. У еретиков у всех женская слабость: яко же блудница всякова осквернити желает, тако и отступник Никон...».

В «Житии», заметно смягченном по стилю, Аввакум передает спор с патриархами только по одному вопросу, но и этот рассказ свидетельствует, сколь жесткую позицию занимал на суде проповедник. Патриархи, по его словам, «Последнее слово ко мне рекли: «что-де ты упрям? Всяде наша Палестина, и серби, и албансы, и волохи, и римляне, и дяхи, — все-де тремя персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и креститься пятью персты! Так-де не подобает». И я, — пишет Аввакум, — им о Христе отвечал сице: «Вселенстии учителя! Рим давно упал и лежит невосклонно, и дяхи с ним же погибли, до конца враги быша христианом. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета — да и дивить на вас нельзя: немощны есте стали!»

— А впредь, — заявил Аввакум, — приезжайте к нам учителя: у нас, Божиею благодатию, самодержество. До Ни-

кона-отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь нематежна. Никон-волк со Дьяволом предали тремя персты креститца. А первые наши пастыри яко же сами пятью персты крестились, такоже пятью персты и благословляли, по преданию святых отец наших Метелия антиохийского, и Феодорита Блажаннаго епископа киринейского, Петра Дамаскина и Максима Грека.

— Еще же, — добавил Аввакум аргумент, казавшийся ему неотразимым, — московский поместный бывый собор при царе Иване (Грозном. — Авт.), так же слагая персты креститися и благословляти повелевает... Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий казанские чюдотворцы и Филипп соловецкий игумен от святых русских.

«И патриарси задумались, — отмечает Аввакум, — а наши, что волчонки, вскопча, завывли и блевать стали на отцев своих, говоря: «глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не ученые-де люди были — чему им верить?! Они-де грамоте не умели!»

Такое заявление со стороны русских иерархов глубоко потрясло Аввакума. «О, Боже святыи! — восклицает он спустя много лет в «Житии».

— Како претерпе святых своих толикая досаждения?! Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их колько мог и последнее слово рекл: «чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: «лучше един творяи волю Божию, нежели тьма безаконных!» (Сирах 16, 3. — Авт.)

Слова Аввакума взорвали собор, чуть было не завязалась драка. Действительно, иерархам было на что оскорбляться, ведь Аввакум перефразировал слова апостола Павла к иудеям, злословившим о Христе и апостолах: «он, отрасши одежды свои, сказал к ним: ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам» (Деяния 13, 6). В другом сочинении Аввакума — Беседе о внешней мудрости — проповедник рассказывает эту сцену подробнее, называет имена тех, кто «завыл» на него и дает понять, что он имеет в виду под словами «побранил их».

— Помните ли? — спрашивает Аввакум. — На соннице той лукавой пред патриархами теми вселенскими говорите мне, Иларион и Павел (архиепископ рязанский Иларион и митрополит крутицкий Павел. — Авт.): «Аввакум, милый, не упрямься, что ты на русских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему им верить!» Помните, чаю, не забыли как я бранить стал, а вы меня бить стали. Разумные свиньи! Мудрены вы со Дьяволом! Нечего рассуждать, да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олtare за афедрон (задний проход. — Авт.) хватать. А иное мне и молвить тово сором, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна, воры, прелагатаи (шпионы. — Авт.), другие немцы руския!

Теперь нам понятнее, почему, как рассказывает Аввакум в «Житии», участники церковного собора закричали: «Возьми, возьми его! Всех нас обесчестил!!!» Да и толкать, и бить меня стали, и патриархи сами на меня бросились. Человек их с сорок, чаю, было — велико Антихристово войско собралось. Ухватил меня Иван Уаров (видный никонианин дяк Иван Уарович Калитин. — Авт) да потащил.

— И я, — рассказывает далее Аввакум, — закричал: «по-

стой, не бейте! Так они все отскочили. А я толмачу-архимариту (Дионисию.— Авт.) говорить стал: «говори патриархам: апостол Павел пишет: «таков нам подобаше архиерей — преподобен, незлобив» и прочая. А вы, убивше человека, как литоргисать станете?» Так они и сели.

В этот момент Аввакум потряс собор еще раз. Не проявив никакого уважения к сану архиереев во время прений, он вновь демонстративно выразил им свое презрение: «И я отошел ко дверям да набок повалился: «посидите вы, а я полежу»,— говорю им. Так они смеются: «дурак - де протопоп - от! и патриархов не почитает!» — Но смеялись архиереи недолго.

— И я говорю: «мы уроды Христа ради; вы славны, мы же бесчестны; вы сильны, мы же немощны!» (перефраз слов апостола Павла, с горечью сказанных коринфским священнослужителями.— Авт.). Лежащий на полу Аввакум не только сделал бессмысленной тщательную продуманную и декорированную церемонию судилища, но и посрамил высокое собрание, показав, сколь далеко оно от апостольской проповеди.

Власти, уже, видимо, в не столь представительном составе, еще раз пытались спорить с Аввакумом о пении алилуйи, но получили столь аргументированный ответ со ссылками на Дионисия Ареопагита, что даже Евфимий Чудовский, тогда еще келарь, сказал протопопу: «прав де ты — нечева - де нам больше тово говорить с тобою». Аргументы Аввакума ничего не значили для церковного суда. Участь его и всех его сподвижников решалась на основе других, вовсе не относящихся к богословию соображений, а соборные заседания были фарсом, ширмой для закулисных решений.

Аввакум это отлично понимал — потому-то он и постарался сорвать маску с этого чинного сборища, выразить свое презрение марионеткам в драгоценных одеяниях. Собор же не нашел иного способа обращения с неистовым протопопом, кроме как приказать вновь бросить его в темницу. «Да и повели меня на чепь» — завершает рассказ Аввакум.

Восточные патриархи и архиереи, занимавшие наиболее почетное место на большом церковном соборе в Москве, интересовали Аввакума гораздо меньше, чем русские иерархи, среди которых протопоп отнюдь не случайно выделил Павла Крутицкого и Илариона Рязанского. Что это были за люди и почему именно они вызвали особую ярость Аввакума, неоднократно упоминавшего о них в своих сочинениях?

Отчасти это объясняется личными причинами. Так, Иларион некогда был приятелем Аввакума. «Ездил к другу своему Илариону игумну, — вспоминал протопоп, — ... (он) тогда добро жил — что ныне архиепископ резанский, мучитель стал христианской». Он мучил, например, товарища Аввакума Федора. «Был де я на Резани под началом, — записал протопоп рассказ Федора (к тому времени казненного повешением), — у архиепископа на дворе, и зело - де он, Иларион, мучил меня: реткой день, коли плетми не бьет, и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинству».

Именно к Илариону Аввакум обращает гневную проповедь «О Мелхиседеке», где описывает приход на Русь Антихриста, за которым «царь наш последует и власти со множеством народа». «Друг мой Иларион, архиепископ резанской! — писал Аввакум. — Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, езда! Да еще был царские породы. А ты хто? Воспомани-тко, Яковле-

вич, попенки! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставляя рожу, по площади, чтобы черницы ворухи унеятки любили.

— Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! Недостоин суть век твой весь Макарьевского монастыря единья ночи (во время дружбы с Аввакумом Иларион был макарьевским игуменом.— Авт.). Помнишь, как на комарах тех стояно на молитве? Явно ослепил тебя диявол! Где ты ум-то дел? Сколько добра и трудов погубил! На Павла митрополита что глядишь? Тот не живал духовно — блинами все торговал блюдолизить научился — не видал и не знает духовного тово жития. А ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял... А ныне уж сдружился ты с бесами теми, мирно живешь, в карете (бесы) с тобою же ездят и в соборную церковь и в Верх к царю под руки тебя водят, любим бо еси им.

— Как им тебя не любить? Сколько христиан прижег и пригубил злым царю наговором; еще же и учением своим льстивым и пагубным многих неисксных во Ад сведе! Никто же ин от властей, яко же ты, ухищрением басней своих и проницательством царя льстишь и люди божия губишь. Да воздаст ти Господь по делом твоим в день Страшного суда! Полно мне говорить. Хошу от вас ныне терпеть... Мне сие гораздо любо: Руская освятилась земля кровию мученическою!

— А о Павле Крутицком, — замечает Аввакум в другом сочинении, — мерско и говорить: тот явной любодей, церковный кроводец и навадник, убийца и душегубец, Анны Михайловны Ртищевой (жены видного советника царя Алексея Михайловича.— Авт.) любимой владыка, подпазушный пес борзой, готов зайцов Христовых ловить и во огонь сажать!»

В частности, Павел мучал на патриаршем дворе детей Аввакума и его духовную дочь монахиню Агафью. С Иларионом и Павлом сотрудничал Иоаким — чудовский архимандрит, позже ставший патриархом московским и всея Руси. Аввакум ставил ему в вину преследования боярыни Морозовой по приказу царя Алексея Михайловича. Здесь и кроется разгадка особого места, отведенного названной троице в публицистике Аввакума: Иларион, Павел и Иоаким, по отзывам многих современников, были креатурами царя, проводившего с их помощью собственную церковную политику.

Алексей Михайлович не случайно, вопреки требованиям русских архиереев, не поставил на патриарший престол нового человека после ухода Никона в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Ему были более удобны «царевы потаковщики: Павел митрополит Крутицкий и Ларион архиепископ резанский, — которые, по словам дьякона Федора, — не по святым правилом наскочиша на престолы архиерейския: попы убо быша в мире... и те убо два законопреступные архиереи утвердили все никонианство по хотению цареву, а прочие все власти нехотя последовали им, славы ради и чести временная». Также и пронира Иоаким сумел убедить царя в своей полной послушности — поэтому его и «поставили в Чудов монастырь архимандритом на Павлово место, — пришел вор на вора, — восклицает Федор, — а вси на Бога! Павла же поставили митрополитом на Крутицы, пасти ветры».

Во время подготовки большого церковного собора 1666-1667 годов царь Алексей Михайлович, решая сложную задачу осуждения Никона и одновременно утверждения его преобразований в области обряда, рас-

крыл своим подручным «тайну сердца своего, а они и прочих всех властей уже усвоюваху, и утверждаху всех на новинах стоять, а древнее предание все презирати и не во что же вменяти». Для этого они активно обрабатывали архиереев и книжников, собирая их на Крутицком поворье и в Крестовой палате Кремля.

Большая древность (и, следовательно, по понятиям того времени истинность) традиционного русского обряда была для отечественных архиереев достаточно очевидной. Тем большим цинизмом отличалась деятельность царских духовных слуг по ниспровержению этого обряда. «Сказа ми Павел архиерей, — с изумлением пишет дьякон Федор, — правду свою в Крестовой патриаршей (палата),... тихо и к слову некоему сказав: ... и мы, диаконы, знаем, яко старое благочестие церковное все право и свято и книги непорочны; да нам бы царя оправить, того ради мы за новья книги стоим, утешая его... Великий государь то изволил, а мы бы и ради по старым книгам пети и служить Богу, да его, царя, не смеем прогневати и сего ради угождаем ему; а за то уж Бог судит — не мы завели новое».

Желание царя утвердить новый обряд определялось многими соображениями, в частности — внешнеполитическими, Алексей Михайлович был убежден (не вполне справедливо), что православное духовенство Украины и южнорусских епархий, на которые уже поглядывало российское самодержавие, ориентировалось именно на новогреческий обряд в соответствии со своей подчиненностью патриарху константинопольскому. Внутри страны царю представлялось просто опасным признать правоту фанатичных защитников старого обряда, не менее Никона склонных диктовать свою волю самодержцу: предлагал же Аввакум «Роспись, хто в которые (епархии) во владыки годятца», указывая царю, кого куда следует назначить! Но после опыта с Никоном Алексей Михайлович хорошо усвоил значение послушной церкви и не жалел сил, чтобы иметь таковую.

Чтобы обеспечить нужное поведение российских архиереев на предстоящем большом церковном соборе, царь лично провел серию подготовительных мероприятий. Прежде всего, Алексей Михайлович потребовал от архиереев и настоятелей крупнейших монастырей дать ему письменный за собственноручной подписью ответ на три вопроса:

- 1) как относиться к четырем восточным патриархам?
- 2) как относиться к греческим книгам и обрядам?
- 3) как оценивать решения никонианского собора 1654 года, взявшего курс на церковные реформы в России?

Иными словами, архиереям было предложено покориться царской воле, вполне ясно переданной им Иларионом, Павлом и Иоакимом, или открыто письменно засвидетельствовать свое сопротивление самодержцу. Смелчаков не нашлось. Каждый из опрошенных согласился, что необходимо чтить православных восточных патриархов, их книги и обряды, и признал обязательными решения собора 1654 года.

Заручившись письменными ответами, 29 апреля 1666 года царь Алексей Михайлович открыл в Кремле собор русских архиереев своей речью, в которой изображал плачевное состояние церковных дел и призвал ревностно потрудиться для наведения в церкви порядка. Он особо обрушился на староверов, обвиняя их в богохульстве и мятеже и предупреждая собравшихся против «небрежения» в искоренении этих «дьявольских плевел». В знак покорности царской воле каждый участник собора рус-

ских архиереев должен был поцеловать греческую книгу, что присутствующие и осуществили. Успокоенный этим «единодушием», царь мог позволить себе не участвовать в следующих заседаниях собора, на котором главную роль играли его агенты Павел, Иларион и Иоаким.

На втором заседании собора архиереи дружно обрушились на вятского епископа Александра — известного противника Никона, позволявшего себе осуждать и никонианские книжные исправления. Запуганный епископ принужден был униженно каяться и дать письменное отречение от своих взглядов. Следующие заседания посвящались «увещанию» сторонников старого обряда, со всех сторон, из ссылок и тюрем свозившихся к Москве. «Обработка» вождей староверов продолжалась специально назначенными людьми и между соборными заседаниями, причем, согласно указанию Алексея Михайловича, духовные власти старались действовать в примирительном духе, мягко уговаривая если не принять новый обряд, то по крайней мере не хулить его.

Сами старообрядцы в своих сочинениях неоднократно признавали, что власти беседовали с ними «тихо», уважительно, «кротко». Даже неистовый Аввакум записал, как ему говорили: «Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!» — Я отрицаюся, — продолжал протопол, — как от бесов, а оне лезут в глаза! Сказку им тут с бранью с большою написал... И в Крестовой, стязався власти со мною, ввели меня в соборной храм и стригли, ... потом и проклинали; а я их проклинал сопротив; зело было мятежно в обедню ту тут!».

Однако подобных мятежников оказалось немного. Лишь Аввакум, Лазарь, дьякон Федор и подьяк Федор из множества вызванных на собор наотрез отказались от примирения с официальной церковью. Такой успех православных архиереев объясняется не только и даже не столько формой, сколько содержанием их «увещаний с любовью». Собор русских иерархов принципиально не хулил старые книги, чины и обряды, не называл их еретическими и более того, не порицал державшихся их. Собор призвал следовать новым обрядам, а от сторонников старых обрядов требовал, строго говоря, одного: отказаться от утверждения, что русская церковь утратила православие и в мире наступают времена Антихриста.

Примером этого здравого и плодотворного в предотвращении раскола подхода может быть соборный приговор Аввакуму. Что было поставлено в вину лидеру староверов? Очень немногое. Собор осудил его ругань на новый символ веры, троеперстное крещение, редактирование книг и самих редакторов, на новую манеру пения. Аввакум, по словам участников собора, оклеветал московских священников, будто бы они не веруют в воплощение и воскресение Христа, не исповедуют его божественную природу и Святого духа и т.п., а к этой клевете «приложил, как эпилог, матерщину, запрещая православным христианам принимать божественные тайны от священников, употребляющих при службе новоисправленные книги. Об этом всем, — констатирует документ собора, — (Аввакум) от священного собора распрошен был, и не покорился, клеветник и мятежник, еще больше злобу к злобе прилагая, укорил в лицо весь священный собор, всех неправославными называя».

Позиция собора, сводившаяся к прекращению открытой войны внутри церкви и постепенному внедрению новых обрядов и книг, была четко выражена в обширном соборном воззвании к пастырям церкви. В нем также

указывалось на необходимость водворения более строгого благочиния в церковной службе, исполнении церковных треб и поведении священнослужителей, поскольку именно деятельность духовенства щедро снабжала староверов материалом для критики официальной церкви. Собор не ограничился общими пожеланиями, но сделал немало конкретных распоряжений для укрепления благочиния.

Когда примерно месяц спустя первого заседания собор русского духовенства завершил свою работу, большой шаг в деле преодоления возможности раскола церкви был сделан. При этом, как и планировал царь Алексей Михайлович, лидеры старообрядцев были осуждены и лишены возможности восстановить свое влияние в церковных кругах. Но опасность никонианского движения за самостоятельность церкви относительно светской власти, на взгляд царя, еще не была вполне преодолена. Это должен был сделать тщательно подготавливавшийся большой церковный собор с участием восточных иерархов, открывшийся в Москве 29 ноября 1666 года.

Царь и его правительство опять оказались прозорливыми и правильно предвидели развитие событий. 14 января 1666 года, в ответственный момент подписания соборного осуждения патриарха Никона, русские архиереи взбунтовались. Иларион и Павел показали, что они выступали марионетками самодержца прежде всего из тактических соображений. Под их предводительством многие архиереи отказались ставить подписи под приговором Никону, пока собор не утвердит главную идею низвергаемого патриарха — о превосходстве духовной власти над светской!

Этот удар, не оказавшись светские власти подготовленными к нему, мог бы принести самодержавию немало затруднений и, кто знает, возможно, изменить дальнейшую историю России. По понятным соображениям сведения о бунте архиереев не были включены в деяния большого собора, однако, события подробно описаны советником восточных патриархов Паисием Лигаридом в сочинении о суде над Никоном, в котором он принимал самое активное участие, отстаивая интересы самодержавия.

Еще перед большим собором, готовя низложение Никона, царь Алексей Михайлович получил с Востока соборную грамоту патриархов о соотношении светской и духовной власти. Отвечая на прямые вопросы русского самодержца, оспастлившего их щедрой милостью, патриархи утверждали абсолютное превосходство царской власти. По их словам царь есть «глава и верх всем членам, подчиненным ему», «царь есть господь всех подданных своих, ожидающих от него дарований и добротворений, противных паки — казни. А если кто царю видится противен быти, хотя есть и лицо церковное высокого достоинства» — такой творит зло, ибо царь есть наместник божий.

Как Бог всевластен на небесах, так самодержец единовластен на земле, утверждали восточные патриархи, а сопротивляющиеся царю недостойны звания христиан как неуважающие божьего помазанника. В доказательство патриархи приводили исповедание (присягу) византийских патриархов императору, содержащую обещание церковных владык «быть под повелительством, и заповедью, и под манием царского достоинства, ... под изволением и прописанием твою царския светлости. Обещаваю, — гласила присяга, — мя подлагати под суд и соответствующие ему казни по предложению и повелению

твоего царского престола».

Царское повеление — закон, которому никто не смеет противиться, ни церковный иерарх, ни сам патриарх под угрозой законного низвержения с занимаемой степеней и даже казни! Священнослужители всех степеней, гласила патриаршая грамота, подлежат царскому суду наравне с другими подданными и должны нести кару за всякое сопротивление царским повелениям. Не удивительно, что составленный в духе патриаршей грамоты доклад Паисия Лигарида о низвержении Никона вызвал взрыв возмущения русских архиереев. Как ни погрязли в холопстве Павел и Иларион, они не могли подписаться под словами, полностью отдающими священнослужителей в подчинение светской власти: «един государь владычествует всеми вещами богоугодными, патриарх же послушлив ему как пребывающему в большем достоинстве и наместнику Божию».

Расчет русских иерархов был очевиден: используя крайнюю заинтересованность царя в формальном низвержении Никона выторговать хотя бы теоретическое признание самостоятельности, независимости священства от царства. Но на большом соборе не зря присутствовало столь необычайно большое количество иностранных иерархов, напрямую зависимых от царских субсидий. Как только Иларион, Павел и их сторонники покинули зал заседаний, громко хлопнув дверью, патриархи Паисий и Макарий распорядились прервать работу собора на два дня с тем, чтобы все участники представили письменные мнения о соотношении духовной и светской власти.

Самодержавие получило необходимое время для нажима на архиереев. Требовалась большая смелость, чтобы лично и письменно засвидетельствовать свою приверженность идее «двух мечей» (независимых светских и духовных властей). Тем не менее среди русских архиереев нашлись люди, не испугавшиеся давления. Неизвестно, каким образом на последующие заседания собора оказались не допущены Иларион и Павел — инициаторы сопротивления царю — но их место во главе противников самодержавного всевластия занял Симеон архиепископ вологодский. Его поддерживали с мест, прерывая разглагольствования греков и приводя аргументы, другие русские архиереи.

С самого начала восточные патриархи и Лигарид захватили в свои руки инициативу, «докладывая» собору соборные мнения, но не целиком и последовательно, а в скомканном и сокращенном виде, стараясь умягчить, извратить и максимально затемнить представленную русскими аргументацию. Этому способствовало и то, что патриархи говорили по-гречески, а Лигарид — по-латыни. Соответственно, русские записки переводились на эти языки, а затем обратно. Тем, кто желает полно представить картину этих напряженных соборных прений, совету обратиться к исследованию профессора Н.Ф.Каптерева. Для нас достаточно отметить, что и в таких условиях русские архиереи долго не сдавались, прерывая намеренно витиеватые, продолжительные и утомительные речи греков серьезными аргументами и замечаниями.

«Для чего же ты не привел положенного в начале изречения Златоуста, — спрашивали, например, Лигарида, хитроумно выбросившего важнейшую цитату Иоанна Златоуста, — «священство, которое столько превосходнее всех других достоинств, сколько дух превосходит тело?» «Вот слова Златоуста яснее солнца утверждают, что степень священства выше степени царского!» — заявил архиепископ Симеон, укоряя Лигарида в том, что будучи

архиереем, тот превозносит «права самодержавных».

«Требую объяснения, для чего приведено это место?!» — спрашивал тянущего время Лигарида суздальский архиепископ Стефан, не позволяя увести прения в сторону. «Отвечай, газский епископ (Лигарид.— Авт.),— требовал собор, загнав греков в угол,— не яснее ли сонца высказывается здесь искомое: что престол святительский выше всякого другого престола, а следовательно и самого царского достоинства?» При всех риторических вывертах, используя свое право прерывать и переносить прения, греки с заметным трудом продержались в прениях два дня, пока не подоспела долгожданная помощь царя.

В ночь после второго заседания страшно запуганные Павел и Иларион пали на колени в палатах восточных патриархов, умоляя греков заступиться за них перед царем Алексеем Михайловичем и спасти от жестокой казни. Следует отметить, что даже в этот момент Павел и Иларион сохраняли надежду отстоять свое мнение, убедить патриархов Паисия и Макария стать на их сторону. Они вновь приводили слова Иоанна Златоуста о первенстве священства перед царством, напоминали древний обычай, когда поставляемый в должность архиерей становился ногами на двуглавого орла — римский знак самодержавной власти, убеждали, что преступно архиереям целовать руку царя, не имеющую права благословлять, ссылались на многих авторитетных богословов.

Интересы греков, которых в Москве долго упрекали в утрате благочестия из-за отсутствия у них православного самодержавия, должны были, казалось, толкнуть их навстречу русским архиереям. Уповая на это, Павел и Иларион произнесли пламенную речь, которая даже в передаче Лигарида сохраняет свою остроту.

— Вы,— говорили Павел и Иларион патриархам,— вы, находясь под владычеством христоненавистных агарян, за свое терпение и страдание несомненно имеете получить награду и венец от... Спасителя. А мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся в самых недрах христианства, терпим великую нужду в своих епархиях, и всякие затруднения, и много тяжкого поневоле терпеливо переносим от властей. Но страшимся еще худшего впереди, когда утверждено будет, что Государство выше Церкви. Хотя и не имеем в уме той мысли,— лукавили архиереи,— чтобы пришлось нам терпеть такие несправедливости и оскорбления в благополучное царствование... государя Алексея Михайловича — боимся за будущее, опасаемся, чтобы последующие государи, не зная смысла патриаршего постановления, не погрешили, просто следуя букве, которая часто убивает.

Как в воду глядели Павел и Иларион, говоря о наследниках Алексея Михайловича: явственно проглядывает в их пророческой речи свирепый лик Петра Алексеевича с его Всепянейшим собором и Святейшим синодом! Не менее четко видится будущее и в ответной речи, которой разразился Паисий Лигарид, не дав ничего сказать патриархам.

— Погибла ты, истина! — возопил он,— Господствует ныне ложь!... Недостойны русские такого царя!... (далее следует безудержное восхваление Алексея Михайловича и самого себя). Поистине наш державнейший царь государь Алексей Михайлович столько сведущ в делах церковных, что можно было бы подумать, будто целую жизнь был архиереем, посвящен во все тайны иерархического служения, от малых ногтей воспитывался в храме, как Самуил. Почему не стыдятся возвращаем, что лобызаем щед-

родаровитую десницу такого царя.

— Да, да! Целую и лобызаю руку, обогащающую странных, пекущуюся о сиротах, руководствующую слепых... Да, да! Лобызаю десницу, ...пишущую спасительные заповеди... Да, да! Лобызаю бранноносную руку, ...подвигающуюся за благочестие...

— Не к бесчестию, но к благой похвале полагается орел под ноги хротонисуемого (поставляемого.— Авт.) архиерея. По праву становится он на него: ...этим он показывает, что будет тверд в вере самодержца, ...что будет во всем покорен и послушен царю!...

— Вы боитесь будущего, чтобы, то есть, какой-нибудь новый государь, сделавшись самовластным и соединяя самоуправство с самозаконием, не поработил церковь российскую. Нет, нет! У доброго царя будет еще добрее сын, его наследник... Он будет... иереем и царем. Да и у римлян, как и у египтян, царь соединил в себе власть священства и царства...

К тому все и шло и это-то более всего беспокоило русских архиереев, но они вынуждены были смириться. На следующем заседании собора восточные иерархи во главе с патриархами, сделав вид, что идут на уступки, сломили последнее сопротивление. Формально было «признано заключение, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх в церковных». Реально речь шла о полном и безоговорочном политическом подчинении церкви государству. Это было подчеркнуто оглашением на соборном заседании некоего «списка», выдаваемого за «патриаршее александрийское собрание законов», где утверждалось, что заговорщики и мятежники подвергаются анафеме, церковному проклятию. Иными словами — проклят должен быть каждый, кто противится самодержавной власти!

Возражения русских архиереев по поводу этого странного узаконения, лишаящего священство всякого суверенитета, вызвали столь резкую реакцию греков, что они, похоже, не вполне отдавали себе отчет в произносимом. «Кто не любит царя, тот не любит Господа Иисуса Христа» — заявлял Паисий Лигарид и не только заявлял, но пытался обосновать это положение. «По сим и подобным причинам,— завершал он пространные рассуждения,— царь именуется Богом (так! — Авт.). И ты, богоподобный Алексей Михайлович, имеешь право на такое богоименование!...» По соображениям Паисия и восточных патриархов «царь не подлежит законам», а распоряжения его «всевластны».

Немая сцена последовала за такими выступлениями греков... «Что скажете на это? — произнесли патриархи после продолжительного молчания,— убедилесь ли сказанным, или еще желаете других свидетелей? (Вроде того, что Синедрон позволил иудейскому царю иметь 18 жен, Артаксеркс убивал всех увидевших его, а Дарий не разрешал себе противоречить.— Авт.)». — «Предовольно и сказанного», — уныло ответили русские иерархи, подписывая приговор Никону и последним намекам на самостоятельность православной российской церкви.

Возможно, они надеялись взять реванш после окончания собора и отъезда столь ретивых в служении царю греков, когда на престоле будет сидеть собственный патриарх. Не исключено, что в этом была причина довольно скорого (за четыре дня) «покаяния» местоблюстителя патриаршего престола митрополита Павла и архиепископа Илариона. Но тягаться с искусственным в политических делах аппаратом светской власти церковным деяте-

лям было не под силу.

Прежде всего были выведены из игры Павел и Иларион. Неожиданно, вечером 24 января 1667 года на собрании в палатах восточных патриархов из уст Паисия и Макария прозвучали три зловещих вопроса: 1) Как наказать того, кто обесчестил собор? 2) Какому наказанию подлежит не оказавший уважения вселенским патриархам, подписавшим приговор Никону? 3) Какому наказанию должен подвергнуться тот, кто не слушается христианского царя?

Вырвав у участников собора признание необходимости церковного наказания таких «злодеев», патриархи послали за Павлом и Иларионом. Возражения заочно осужденных русских архиереев (довольно сильные) не были, разумеется, приняты во внимание. «Свят самодержавный наш», впадая в патетику говорил александрийский патриарх Паисий, «те никонствуют и папствуют, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство». Обоим обвиняемым была запрещена церковная служба.

«И они, — пишет довольный Паисий Лигарид, — вышли из патриаршей кельи не без слез. А прочие (русские иерархи. — Авт.) пришли в страх от сего неожиданного наказания и от тяжести сей епитимии... Отсюда уразумели, что имеют над собой начальников и высших предстоятелей и те, которые уже с давнего времени привыкли быть непокорными по причине зазорного отсутствия Никона и последовавшего затем бесчинного безначалия.

А поелику митрополит Павел крутицкий был местоблюстителем патриаршим, — разъясняет Лигарид смысл этого превентивного удара, — то на его место избран Архангельского собора архиерей кир Феодосий (бжавший на Русь бывший сербский митрополит. — Авт.), который и управлял краткое время делами патриаршескими, всем благоугождая Богу и людям». После ухода Павла и Илариона патриархи немедленно объявили о предстоящем избрании патриарха московского...

Слова Паисия Лигарида подтверждает и дополняет официальный документ, гласящий, что 25 января, в пятницу, «Павлу митрополиту отказано правление в дому пречистыя Богородицы в соборе и в дому патриархов; а приказно Феодосию митрополиту сербскому. Илариону архиепископу рязанскому також отказано от службы, что и Павлу митрополиту, с тем однако, чтоб оба из дворов не выезжали» — то есть находились под домашним арестом и не могли помешать выборам нужного царю патриарха.

«Выборы» были организованы настолько четко, что уже в первом списке из 12 кандидатур было только трое епископов (остальные — архимандриты и игумены). Из трех отобранных затем «не без ведома» царя Алексея Михайловича кандидатов все были архимандритами — и именно самодержец указал «призвать» на патриарший престол самого дряхлого старца, не имевшего (как признает известный историк церкви митрополит московский и коломенский Макарий) «ни учености, ни способности к церковным делам». Так был «избран» российский патриарх Иоасаф. Цель была достигнута — и русских архиереев можно было «простить», что и произошло 3 февраля 1667 года.

Так на соборе 1666-1667 годов самодержавие сумело отбросить и Никона, и, сохранив его обрядовые реформы, староверов во главе с Аввакумом, и русских архиереев, которые помогали царю в низвержении Никона, чтобы сохранить его достижения в самоутверждении православного священства. Как видим, протопоп Аввакум был

прав в утверждении, что Павел, Иларион и другие русские архиереи сыграли весьма незавидную роль. Еще более оправдано было презрение, выраженное «огнепальным» протопопом к представителям и восточного православия, перед золотыми тронами которых Аввакум демонстративно лег на пол. Духовный вождь старообрядцев не считал даже нужным ругать «палестинских» (как он называет восточных патриархов, Паисия Лигарида и иже с ними) — он почти не упоминает о них в своей публицистике.

Дело было не только в свойственном староверам чувстве превосходства над «утратившими благочестие греками». Перед Аввакумом не были открыты государственные архивы, документально свидетельствующие о сущности взаимоотношений приезжих греков со светской властью, но шло в мешке трудно было скрывать даже тогда: протопоп видел перед собой не настоящих духовных лиц, а нарядно обряженных кукол, марионеток, недостойных не только уважения, но и простого внимания. Для нас, к счастью, архивные документы открыты (во многом благодаря прекрасным исследованиям профессора Н.Ф.Каптерева) и мы можем фактически проверить эти ощущения неистового протопопа.

Множество духовных лиц с православного Востока находило в XVII столетии Москву, ища материальной и политической поддержки богатого северного соседа. Немало среди них было авантюристов, потерявших возможность делать карьеру на родине, но и официальные лица греко-кафолического вероисповедания, оказавшись в Москве, не всегда вели себя с должным достоинством. Тяжелое положение православного духовенства под властью турок, бедность восточных епархий, раздиравшие греческий клир междоусобия и интриги накладывали свой отпечаток на представления приезжих о морали. Для российского самодержавия эти особенности восточных посетителей Москвы оказались весьма удобными.

Царь Алексей Михайлович и его окружение могли почувствовать это еще в 1660-м году, когда была совершена первая серьезная попытка соборного осуждения патриарха Никона. Собор русского духовенства, продолжавшийся с 16-февраля по 14 августа — целых полгода — был хорошо юридически подготовлен. Собранным тринадцати архиереям, 29 архимандритам, 13 игуменам, 5 протопопам и ученому старцу Епифанию Славинецкому (доверенному лицу царя) было представлено множество письменных свидетельских показаний об оставлении Никоним патриаршества. Собранные обсуждали церковно-правовые документы и казусы, доложенные специальной комиссией (с участием Илариона и Павла), и приняли решение об отставке Никона и поставлении нового патриарха. Большинство русских духовных лиц — участников собора — не только не желало возвращения Никона на патриаршество, но и настаивало, в соответствии с желанием царя, на лишении его архиерейства.

Камнем преткновения оказался вполне понятный страх духовенства перед произволом, его ярко выраженное стремление поступить с Никоним «по правилам». Поэтому поданная царю записка (вероятно — Епифания) с сомнениями относительно правомерности низложения Никона поместным собором, а не собором восточных иерархов, и избрания нового патриарха при жизни Никона, чуть было не сломала отлично налаженный механизм суда.

Тут-то на помощь светским властям пришли бывшие в Москве греки: архиереи Парфений фивский, Кирилл ан-

дросский и Нектарий погоянинский, — которых царь Алексей Михайлович приказал призвать на собор, чтобы они изрекли приговор Никону по греческим правилам. Правила эти, как и следовало ожидать, оказались гибкими. Архиереи отметили, что им лично близок Никон с его грекофильской политикой, но его судьбу, как и судьбу патриаршего престола в Москве, имеет полное и нераздельное право решать сам самодержец: хочет — низложит, хочет восстановит.

В соответствии с этими «правилами» собор постановил: «чужду быти Никону патриаршескаго престола чести, вкупе и священства, и ни чим не обладати». Греки горячо поддержали это решение, подав государю особые мнения, в которых каждый старался обвинить и унижить Никона. Между прочим они заметили, что, во-первых, новопоставленный после Никона патриарх должен считать четырех восточных патриархов выше себя; во-вторых, что следует изменить порядок поставления патриарха в пользу царя. Вместо избрания по жребию следовало, по мнению греков, избирать на поместном соборе три кандидатуры, из которых самодержец должен самолично выбрать лучшего!

В своем рвении, однако, греки зашли слишком далеко. Епифаний Славинецкий, поверивший им и подписавший решение собора о лишении Никона патриаршества и архиерейского сана, будучи человеком любопытным, стал читать греческую книгу, содержащую, по словам приезжих, соответствующее (шестнадцатое) правило первого и второго вселенского собора. С глубоким изумлением Епифаний такого правила «не обрел»: оно было попросту выдуманно греками в угоду царю! Возмущенный Епифаний подал государю заявление, в котором отказывался от своей подписи под приговором Никону. Это заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы — решение такого важного для русских иерархов дела оказалось основано на вранье — и приговор не вступил в силу. К тому же архимандрит полоцкого Борисоглебского монастыря Игнатий Иевлевич произнес перед собором страстную речь, говоря о невозможности заочного осуждения Никона без участия вселенских патриархов (по крайней мере константинопольского). Не признал правомерность решения собора 1660 года и Никон.

Первый блин греков вышел комом, но светская власть уже увидела огромные возможности «сотрудничества» с приезжими. Вскоре, 12 февраля 1662 года, в Москву прибыл прекрасно подготовленный к подобным делам в иезуитской коллегии Паисий Лигарид, именовавший себя митрополитом города Газа. Свой символ веры он немедленно обозначил, обратившись к московскому правительству за деньгами. Предлоги просьб о воспомоществовании были разные. Прежде всего, Паисий живописал ужасное положение христиан его епархии под властью турок и просил ежегодно вручать ему 500 ефимков (крупных серебряных монет), необходимых как дань мусульманским властям. Затем грек просил увеличить ему содержание из казны, чтобы его слуги и лошади не помирали с голоду. Поскольку греческий митрополит прибыл в Москву без соответствующего одеяния, он попросил затем выдать ему архиерейские одежды, саккос и митру. Все было дано с прибавкой против просимого.

Паисий Лигарид недолго удивлялся щедрости московского правительства: попросил карету и лошадей с новой упряжью. — Они были даны. Тогда он вместе со своим дьяконом Агафангелом купил по цене лома 250 вышед-

ших из обращения медных рублей и просил заменить их серебром. — Все было дано. Дают — бери, — решил Лигарид и кровью сердца написал прошение о том, что его епархия уже три года, пока он живет в Москве, не выплачивала дани туркам и подати иерусалимскому патриарху (для чего прихожане заняли 1700 ефимков). Не задумываясь, куда митрополит дал выплаченные прежде деньги, российское правительство согласилось оплатить эти расходы христиан города Газа. Лигарид просил «легкости ради» выдать эту сумму золотом — и эта просьба была удовлетворена: вместо 1700 ефимков серебром ему выдали «850 золотых червонных».

К расходам казны на Лигарида следует отнести и немалые косвенные потери: широкую торговлю Паисия соболями, покровительство купцам, которые, являясь якобы «племянниками» митрополита, уклонялись от уплаты таможенных пошлин, маклерскую деятельность. Кроме того, правительству было известно о взимаемых Лигаридом взятках за покровительство приезжавшим в Москву греческим купцам и духовным лицам, об ограблении им с сообщниками архимандрита Христофора, вещи которого были найдены в келье Паисия при обыске («золотые, и ефимки, и соболи, и перстень»). Тем не менее московские власти не только смотрели сквозь пальцы на «шалости» Лигарида, но и постоянно снисходили к его просьбам за различных лиц, укрепляя влияние митрополита, который очень быстро стал как бы полномочным представителем греков в России.

Разумеется, царь Алексей Михайлович и его казначей не зря тратили на Лигарида и его компанию, крайне истощенные войной с Речью Посполитой, средства. Деньги в России считать умели еще со времен Ивана Калиты и если платили — то за дело. Что это было за дело — трудно догадаться. Буквально с приезда Лигарида взялся помочь царю решить церковную распрю и проявил в этом деле изрядное рвение. Уже 29 мая 1662 года он подал докладную записку, требуя запретить Никону всякие архипастырские действия до решения церковного суда. 15 августа того же года он представил письменный ответ на серию вопросов о Никоне, составленных по поручению государя боярином С.Л.Стрешневым. «Я хочу правду говорить и умру для правды Божии», — гордо заявил Паисий — и выслуженный, составив целое обвинительное заключение против Никона.

Увидав такое рвение, царь особым указом от 29 декабря 1662 года повелел при архиепископе Иларионе и светских чиновниках прочесть Паисию материалы собора 1660 года — и не раскаялся, поскольку тот дезавуировал действия Епифания Славинецкого, назвав его «врагом царю, и правде, и всему собору», и призвал к осуждению Никона. Но как это было сделать? — И тут Лигарид пришел на помощь царю, предложив организовать в Москве новый суд с участием восточных патриархов. (Правда, решение о созыве такого собора царь принял еще 21 декабря, но Лигарид словно «прочитал в мыслях» у своего щедрого патрона).

Тонкость ситуации состояла в том, что царь не хотел явно показывать свою заинтересованность в деле, стремился представить его чисто церковным. Поэтому на Востоке должны были действовать не царские дипломаты, а некие неофициальные лица. Паисий брался это осуществить. С царскими грамотами к восточным патриархам отправился иеродиакон Мелетий — высокообразованный и умный человек, земляк и друг Лигарида. О его способно-

стях ходили легенды, одну из которых излагал царю опальный патриарх Никон: «он есть злой человек, на все руки подписывается и печати подделывает, и здесь, не солгу, такое дело за ним было, чаять и ныне есть в Патриаршем приказе, а известно то дело Арсению Греку и иным, их же он весть».

Дело о подделке Мелетием патриарших подписей действительно существовало — и недаром Лигарид заблаговременно постарался оклеветать перед царем Арсения Грека (в августе 1662 года). Даже Алексея Михайловича взяли сомнения, когда он вопрошал Паисия: «А кто поручится за него (Мелетия), что воротится, если он человек двоедушный и почти что сам за себя ручается?!» Но Лигарид убедил царя, что такой-то посланец им и нужен...

Миссия Мелетия не была столь блистательной, как планировалось. Хотя еще по пути его на Восток среди греческих иерархов ходили фантастические слухи о суммах, которые он везет для подкупа патриархов (назывались числа в восемь и двадцать тысяч золотых на патриарха, тогда как казна считала достаточными суммы в 400 золотых константинопольскому и по 300 золотых остальным патриархам), Мелетий добился сравнительно немногого.

В оплату присланных сумм патриархи написали в Москву грамоты о преимуществе светской власти перед духовной (о которых мы уже упоминали). Но иерусалимский патриарх Нектарий в грамоте от 20 марта 1664 года написал Алексею Михайловичу, что не видит за Никоном вины, не считает возможным его низвергнуть и просит царя «не преклонять слуха своего к советам мужей завистливых, любящих мятежи и возмущения, а наипаче — если таковые будут из духовного сана». Осудил гонения на Никона и действия Лигарида также преемник Нектария на иерусалимском патриаршем престоле Досифей. Все восточные патриархи отказались ехать в Москву или прислать своих наместников (эксзархов) для суда над Никоном.

Не удачнее оказалось и положение Мелетия в Москве, где иконийский митрополит Афанасий убеждал царя от имени своего дяди константинопольского патриарха Дионисия «помириться со святейшим патриархом московским Никоном», так как их распря роняет авторитет православия между иноверцами на Востоке. В 1664 году, когда Мелетий вернулся в Москву, Афанасий публично опроверг подлинность привезенных им грамот восточных патриархов. Не сумев отнести обвинение в подделке грамот и подписей к ним, Мелетий и Лигарид сфабриковали грамоту патриарха Дионисия, в которой Афанасий назывался орудием Дьявола и «сосудом злосмердящим», отлученным от церкви. Однако и таким путем уничтожить Афанасия не удалось. Приготовления к осуждению Никона и староверов вновь зашли в тупик.

Выход из него Паисий Лигарид видел в массивном воздействии на восточных патриархов и применении своих специфических средств. Летом 1664 года из Москвы выехала сразу группа посольств, снаряженных из ставленников Лигарида. Первое из них направлялось в Молдавию, где находился тогда иерусалимский патриарх Нектарий. Оно позорно провалилось. Нектарий наотрез отказался судить Никона лично или через своего эксзарха.

Отказался ехать в Москву и константинопольский патриарх Дионисий, к которому прибыл друг Паисия грек Стефан с царской грамотой, содержавшей просьбу в случае невозможности поездки назначить константинопольским эксзархом в Москве... Лигарида. 12 ноября 1665

года Стефан вернулся в Москву с блистательной победой: целыми тремя грамотами, свидетельствующими о назначении Лигарида эксзархом! Грамоты утверждали, что Дионисий поручает Паисию суд над Никоном. Царь торжествовал, Лигарид начал активно обличать Никона но... вновь возникший на горизонте иконийский митрополит Афанасий заявил о поддельности всех привезенных Стефаном грамот!

Это было уже слишком. После бурной сцены во дворце, где Афанасий и Стефан обвиняли друг друга во всех смертных грехах, неуместного обличителя убрал: «иконийский на время отправлен был на успокоение в Симонов монастырь, в котором и пребывал до славного прибытия патриархов или, лучше сказать, до упокоения и безвременных своих похорон», — удовлетворенно писал Лигарид. Но с удовлетворением он поторопился.

Как ни необходимо было царю Алексею Михайловичу преодолеть проблемы со священством, он не мог добровольно идти на явный подлог. Самодержец пожелал убедиться в полномочиях митрополита Паисия и послал, наконец, на Восток русского — келаря Чудовского монастыря Савву. Во избежание осложнений миссия Саввы была тайной: «отправление его более походило на бегство, чем на посольство», — писал обиженный Лигарид, не сумевший применить к Савве свои меры, — так тайно произошло оно, что только трое знали о нем...».

Соответствующий был и результат: Савва выяснил, что Стефан вообще не бывал у патриарха Дионисия и не получал от него никаких грамот. Более того, Дионисий никогда не согласился бы назначить Лигарида своим эксзархом: «я его и православна не нарицаю», — говорил царскому посланцу патриарх, — что слышу от многих, что он папешник и лукав человек... газский Паисий Лигарид рукоположенец папин и по многих лятцких (польских — Авт.) костелах служил за папу литургию».

Грамоты о царской и патриаршей власти, привезенные Мелетием, оказались подлинными, а митрополиту иконийскому Афанасию (к слову сказать, оказавшемуся в весьма далеком родстве с Дионисием) патриарх никакой миссии в Москве не поручал: тот сбежал из Константинополя от долгов. В «Третьем Риме», как выяснилось, собралась целая группа авантюристов, среди которых один стоил другого. Но для Лигарида итог был печален — он был полностью дезавуирован и уже считал за лучшее унести ноги из Москвы, когда судьба снова повернулась к нему лицом. Иеродиакон Мелетий ехал на Русь с богатой добычей — сразу двумя восточными патриархами!

21 июня 1666 года в Астрахань прибыла группа людей в монашеских одежнях. Прибытие их не отличалось пышностью. По внешнему виду прибывших трудно было заключить, сколь высокие церковные иерархи находятся в землях Росийского государства и сколь важную роль предстоит им вскоре сыграть в истории русской православной церкви. Лишь один из тех, кто отправился представляться астраханскому архиепископу Иосифу и воеводе князю Я.Н.Одоевскому, сиял, не в силах сдержать торжества — это был иеродиакон Мелетий, предвкушавший богатейшую царскую награду за блестяще выполненную на Востоке миссию.

Хотя патриархи константинопольский и иерусалимский наотрез отказались поехать в Москву или послать своих эксзархов для суда над Никоном и староверами, Мелетий не сдавался и его труды окупились сторицей. Он нашел патриарха Паисия александрийского и «после

многих оборотов в речах (как пишет Паисий Лигарид.— Авт.) достиг желаемого»: то есть прельстил владыку богатой и обильной царской милостыней. Развивая успех, Мелетий прибыл на Синайскую гору «и убедил тамошнего архиепископа Ананию медовыми речами явиться в Московию для личного присутствия на замышляемом синоде»; уговорить удалось также бывшего трапезундского митрополита Филофея, которому все равно уже нечего было искать на Востоке.

Удача ждала Мелетия и на обратном пути в Москву. В Грузии он повстречал... патриарха антиохийского Макария, собиравшего там денежные пожертвования. Стремления царского двора и антиохийского патриарха совпали — одному нужен был церковный авторитет, другому — деньги, которые Мелетий щедро обещал, — и не обманул.

Золотой дождь пошел над патриархами еще в Астрахани (где духовные и светские власти организовали его своими силами) — и лил беспрестанно все время пребывания их в России. Немедля по прибытии патриархов в русские пределы царь Алексей Михайлович выслал им по 200 рублей серебром, отрезы атласа, тафты и, разумеется, меха. На первом представлении царю в Москве Макарий и Паисий получили четырехфунтовые серебряные золоченые кубки, свертки бархата черного, вишневого рытого, зеленого, отрезы атласа, камки, два «сорока» (больших связки) соболей, по 300 рублей денег.

Приезд патриархов оставил глубокий след в расходных книгах царской казны: выдачи «подарков» приурочены были буквально ко всем публичным действиям Паисия и Макария, их выходам, службам, посещениям царского двора, причем помимо драгоценных тканей и соболей немалую часть подношений составляли деньги. Так, на первое января Алексей Михайлович одарил каждого патриарха по 200 рублей, после службы на Сретение Макарий (Паисий болел) получил 200 же рублей и т.д. По беглому подсчету так было роздано патриархам по две тысячи рублей серебром: огромная сумма для России XVII века, где несколько рублей стоила лошадь! Это, разумеется, был аванс, ибо основная награда дождалась приезжих по выполнении ими необходимых самодержавной власти мероприятий. В соответствии с вкладом каждого при отъезде из России Макарий антиохийский получил «милостыню» в шесть тысяч рублей, а Паисий александрийский мехов на девять тысяч рублей (по русским расценкам, колоссально повышавшимся на восточном рынке).

Царю Алексею Михайловичу было очень важно, чтобы приезд патриархов был высоко оценен в России, чтобы Паисий и Макарий имели авторитет, соответствующий возложенной на них миссии. Сразу по прибытии патриархов со свитой в русские пределы государь лично продиктовал (и более того — собственноручно отредактировал!) грамоты русским архиереям Питириму новгородскому, Павлу крутицкому, Илариону рязанскому и чудовскому архимандриту Иоакиму о встрече восточных гостей. Царь не случайно обращался к архиереям, служившим рупором его идей, задавая тон в отношении к Паисию и Макарию.

— Ныне, с Божией помощью, — писал Алексей Михайлович, — Рай отверзся, правда обрелась и те два великих светила радостно и дерзостно являютя, прославляются и проповедаютя... Здесь воистину спасение миру и союзу духовному укрепление, плевалникам и врагам супротивным рассеяние, а нам все оживление. Благословен Бог наш, изволивший так!

Голос царя был услышан и понят русскими священнослужителями. Помимо царицы, царевен и царевичей, бояр, окольничих и других знатных лиц двора, приезжих спешили одарить русские митрополиты, архиепископы, епископы, настоятели всех крупных монастырей. Золото и серебряная монета, меха, дорогие ткани и драгоценные иконы широким потоком устремлялись в походные кладовые патриархов и членов их свиты. Не желая утомлять читателя подробностями, занимающими в документах не одну сотню страниц, приведу небольшой отрывок из архивных материалов о путешествии патриарха Макария из Москвы в Астрахань (подробно исследованных Н.А. Гибенетом).

При отъезде из столицы 7 июня 1668 года Макарий из своего кремлевского подворья завернул в Новоспасский монастырь, где получил от архимандрита Иосифа икону, обложенную серебром, 20 ефимков, запас хлеба, рыбы и питья, а от Павла крутицкого икону в серебре и отрез зеленого атласа. На следующий день в Симонове монастыре Макарий получил икону в серебре, 10 рублей и новые продовольственные запасы, а в Даниловом монастыре — икону и хлеб. 9 июня в Коломенском от государя патриарху передали восемь сороков соболей в 400 рублей. Далее на Угреше Макарий получил образ в серебре, хлеб и рыбу, в Коломне от епископа — образ в серебре, серебряный золоченый кубок, вишневую камку, зеленый атлас и пять золотых, от жителей — продукты, а от голутвинского игумена — икону в серебряном окладе и пять ефимков. В Рязани, помимо продуктов от населения, от архиепископа Макарию вручили образ в серебре, четки, серебряный золоченый кубок, атлас лазоревый, камку зеленую, 50 золотых, связку соболей и обитые золоченой кожей кресла... Всего до Астрахани, не считая огромного количества мехов, кубков и штук материи, патриарх получил (не считая упомянутого), около 150 золотых и более 200 рублей серебром. Поскольку на Востоке очень ценились русские иконы, патриарх специально просил царя о пожаловании ими в дополнение к тому, что ему дарилось!

В России восточные патриархи и их спутники не ограничивались богатейшим жалованием, хитроумно изобретая другие способы наживы. Так, они продавали щедро отпускавшийся им «корм». Например, при отъезде из Астрахани к Москве Паисию, Макарию и свите было отпущено церковного вина 10 ведр, вина двойного столько же, а простого 30 ведр, меда: паточного и вареного по 20 ведр, расхожего 75 ведр, пива 235 ведр, квасу 100 ведр — с соответствующим количеством лучшей провизии. Между тем, патриархи и свита питались как гости в городах и монастырях... В Москве они также получали богатые подношения и могли смело класть в карман ежедневно отпускавшиеся им рубль и 14 денег наличными, реализуя на рынке излишки «корма», который только из казны составлял 5 кружек меду, 6 кружек пива, ведро квасу и т.п. Соответственно рангу дневной «корм и пожалования получали все члены свиты патриархов, обязанные, по греческому обычаю, выплачивать некую толику своему начальству.

Помимо духовных лиц патриархов сопровождала большая светская свита — так называемые родственники, «племянники», слуги. В действительности это были купцы, пользовавшиеся случаем беспощинно провезти свои товары в Москву, а закупленное в России так же беспощинно вывезти на Восток. Как люди патриархов, они содержались на казенный счет и получали государст-

венный транспорт». Так, когда Паисий и Макарий сошли с волжских судов, чтобы посуху добираться до Москвы, их свите потребовалось 400 подвод. Патриархи получали от купцов немалую мзду и сами участвовали в торговых операциях как пайщики, давали и получали векселя, а Макарий, как свидетельствуют документы, вел собственную торговлю, причем не только в России, но и в Польше.

Оказавшись в выгоднейшем положении третейских судей в русских церковных делах, александрийский и антиохийский патриархи постарались извлечь из него максимальную прибыль. Уезжая из Москвы, Паисий испросил у государя жалованную грамоту со сторублевой золотой печатью на право александрийского патриаршего престола каждые три года присылать в Москву за милостыней. Двум египетским православным монастырям жаловалось право присылать за милостыней раз в шесть лет. Паисий попросил, чтобы последний срок был сокращен вдвое и в грамотах была указана точная сумма милостыни.

— И это было исполнено. Патриарху показалось мало — по пути из России он еще не раз посылал в Москву просьбы о выдаче денег его людям, присылке ему трех пудов слоновой кости и т.п. — Царскому правительству приходилось платить.

Московские казначеи облегченно вздохнули, когда Паисий вернулся в Александрию — но, как выяснилось, рано, ибо патриарх попал в тюрьму по обвинению в присвоении чужого добра, судился на заемные деньги, а вексель на 1500 талеров отослал для оплаты в Москву, сопроводив его новой просьбой о деньгах.

Макарий антиохийский тоже писал с дороги царю Алексею Михайловичу и главе Посольского приказа боярину А.С.Матвееву, прося новых пожалований по поводу смерти царицы Марии Ильиничны, обещая за нее помолиться. Патриарх слезно описывал свои убытки в дороге, и вскоре по возвращении послал в Москву за новой милостыней. Царь Алексей Михайлович в ответной грамоте посочувствовал ему, но отметил: «и мы, великий государь наше царское величество, бесчисленное нашего царского величества жалованье роздали нашим... войскам, также и на искупление пленных. Однакож мы, великий государь наше царское величество, с христианского нашего государского милосердия послали к вашему блаженству нашей царского величества милостыни триста золотых червонных да соборей на семьсот рублей...».

Как видим, протопоп Аввакум не случайно говорил о «палестинских» (как он предпочитал называть вселенских патриархов) словами апостола Павла, намекая на то, что они подкуплены. Ветхое рубище Аввакума было гораздо честнее сверкающих одеяний патриархов и их свиты, ибо восточные гости-судьи были не только купленные, но и ряженые. Ряженные в прямом смысле — приходо-расходные книги Патриаршего приказа, Оружейной и Мастерских палат детально сообщают нам, как изготовлялись для греков все предметы их драгоценного одеяния и прочее, необходимое для придания ведущим участникам большого церковного собора достойного для Москвы вида: кресла, кресты, панагии, посохи, книги (писавшиеся, по условиям игры, по-гречески, одна из которых была в спешке переплетена «вверх ногами», чего никто так и не заметил), ларцы, обувь и т.п.

Это весьма занимательные документы, разоблачающие комедию суда не хуже, чем улегшийся на пол протопоп Аввакум. Например:

— Октября в 26 день (1666 г.) куплено живописцу Кондрату Иевлеву для золоченья ш(ес)ти маковок деревянных точеных к трем креслам вселенским патриархам по ево, Кондратовой, сказке двести листов золота...да глошка клею.

— Октября (в) 31 день куплено Ивану Филатову живописцу на большой стол, который делан вселенским патриархам, четырнадцать фунтов сурику кашинского,....да три фунта белил добрых,.... да два фунта бакану немецкова... Того ж числа куплено живописцу Кондрату (Иевлеву) сто листов сусального золота...

— Генваря в 1 день (1667 г.) куплено к креслам в Оружейную палату двадцать колодок луженова гвоздя... и отданы Федору Сянушеву. Деланы строить кресла вселенским патриархам в собор. Да к тем же креслам куплено на маковки сто листов сусального золота.

— Февраля в 10 день куплено Семену нижегородцу десять листов сусального золота, дано три алтына две деньги,— золотить ключик к раковинному ларцу, где лежали греческие книги.

— Июня в 25 день куплено оклейщику Мишке Колупаеву для оклейки двух лагалищ (футляров.— Авт.) деревянных, одново бархатом (к) кресту благославляющему, а другое к деомиде вселенскому Макарию патриарху, фунт клею карлуку, дано шесть алтын четыре деньги... К деомиде святейшему вселенскому патриарху Макарию на лагалище деревянное липовое для оклей(ки) с лица сафьян красной... Того ж числа куплено подельщику Сеньке нижегородцу к лагалищу на замочки святейшим вселенским патриархам к митрам золотым с камнем четверть гривенки меди красной.

Протопоп Аввакум достаточно разбирался в обычаях московских властей, чтобы догадаться о сказанном нами и без чтения финансовых документов. Но даже он — и по прямоте характера, и по недостаточной информированности — не мог предположить того, о чем прямо и недвусмысленно заявил его враг Никон: приезжие судьи были ряженными не только в прямом, внешнем смысле — они были ряженными и внутренне, по существу. Попросту говоря, Паисий александрийский и Макарий антиохийский были не теми, за кого себя выдавали.

Не случайно, представ перед большим церковным собором, Никон прежде всего осведомился: «Есть ли с вами, вселенскими патриархами, совет и руки (то есть подписанное согласие.— Авт.) святейших патриархов царградского и иерусалимского о том, что им ево, Никона, судить? А без их де совету пред ними ему, Никону, отвечать немочно, потому что де хиротонисание (поставление) на патриаршеский престол (есть привилегия) тех святейших — царградского и иерусалимского патриархов». В чем-в чем, а в каноническом праве Никон был достаточно сведущ!

Паисий александрийский и Макарий антиохийский утверждали, что такое согласие у них есть. В приговоре Никону прямо говорилось, что они прибыли на суд «с волею и советом других двух наших святейших патриархов, братьев и сослужителей», то есть константинопольского и иерусалимского. Но требование Никона предъявить свои письменные полномочия Паисий и Макарий выполнить не смогли. Таких полномочий у них не было.

Если протопоп Аввакум выразил свое отрицание авторитета церковного суда тем, что попросту улегся перед ним, патриарх Никон, не тратя времени на словесную перепалку и не надсаживая горло, спокойно заметил: он

слышал, что в Москву приехали не истинные патриархи, то есть люди, лишенные своих патриарших престолов; пусть его судьи поклонятся на Евангелии, что это не так.

Реакцию участников собора на этот демарш нетрудно представить. Впечатление от заявления Никона, сделанного в присутствии царя, было усилено ответом Паисия и Макария. Они отказались клясться на Евангелии и сумели пролепетать только, «что они истинные патриархи, и неизверженные, и не отрекались престолов своих. Разде-де турки что без них учинили...».

Разумеется, светские власти и их подручные на церковном соборе не позволили расследовать вопрос о том, не являются ли двое главных судей самозванцами, не по праву возложившими на себя патриаршие (к тому же казенные) облачения. Но характерно, что у самого Алексея Михайловича давно были сомнения на этот счет. Не случайно, сразу по пересечении Паисием и Макарием русской границы, он приказал приставленным к ним людям тайно выведать, «держат ли едущие патриархи свои кафедры, и нет ли иных на их место, и от всех вселенских патриархов есть ли какой наказ с ними к великому государю?» (как говорилось в инструкции приставам).

Слова Никона на соборе и жалкие оправдания Паисия и Макария подтвердили худшие предположения царя. Отступать было нельзя: машина была уже запущена на полный ход, Алексей Михайлович мог превратиться в пошмишце (особенно неудобное в условиях малоудачной войны с Речью Посполитой, финансового кризиса, внутренних волнений, религиозного разномыслия). Тут-то светская власть и показала в полной мере свои чудодейственные возможности.

В декабре 1666 года Посольский приказ получил задание посадить Паисия и Макария на патриаршие престолы в Александрии и Антиохии! Нисколько не смущаясь необычностью проблемы, опытные дипломаты приступили к ее решению. Виновниками лишения их патриарших санов были, по словам Паисия и Макария, турки. Поэтому воздействовать необходимо было на турецкого султана, точнее — на его правительство (ибо по имевшимся сведениям султан уже не оказывал определяющего влияния на государственные дела). Решать вопрос надо было быстро и безошибочно, поэтому Посольский приказ разработал сразу комплекс мер, чтобы не привлечь большого внимания Дивана (совета) Оттоманской Порты «утрасти» проблему на административном уровне.

В царской грамоте на имя султана приход Паисия и Макария в Россию был представлен как обиденное мало-значительное дело: находились де возле русской границы, заехали «ради милостыни», а царь пишет в основном для того, чтобы впредь облегчить православным такие поездки. Кстати, царь Алексей Михайлович сообщает, «что на места вышеупомянутых патриархов Паисия и Макария Бог весть кто поставил иных двух патриархов» и просит о небольшом одолжении, принятом среди монархов: повелеть упомянутым патриархам снова занять свои кафедры.

Государственные чиновники прекрасно знали, что без «смазки» в Османской империи не сдвинется с места и малейший вопрос. Ходатаями должны были стать правители Молдавии и Валахии, с которыми были налажены связи и наместники играли видную роль при Стамбульском дворе. Инструкция русскому посланнику конкретно указывала, через кого следует действовать «для того, что они у молдавского владетеля ближние люди и всякую

мочь имеют». Ходатаем должен был стать и константинопольский патриарх Парфений, для чего к нему и другим греческим архиереям были составлены особые грамоты с обещанием, что «царское величество иметь пожаловать тех, которые достойны суть его царской милости». Все они через свои каналы должны были выйти на османских чиновников, а те за полученные суммы... Судьба православных иерархов, занимавших вместо Паисия и Макария александрийский и антиохийский престолы, московское правительство не интересовала.

В Посольском приказе все уже было готово к действию, когда заграничная агентура внесла существенные коррективы в разработанный план. Как выяснилось, турки не имели никакого отношения к лишению Паисия и Макария престолов. Отставку двум патриархам дал собор восточных архиереев во главе с константинопольским патриархом Парфением, дал по праву и именно за то, что Паисий и Макарий бросили свои епархии (в чем они обвинили Никона) и отправились в Россию судить патриарха, много сделавшего для сближения русской и греческой церквей. Осужденные и низвергнутые приехали судить и низвергать! Положение правительства Алексея Михайловича усложнилось, но оно недолго пребывало в растерянности.

Если нельзя было с помощью православных уговорить мусульман, то почему бы не договориться с турками, чтобы они приказали своим подданным-христианам исполнить волю московского царя?! 30 июня 1667 года Алексей Михайлович подмахнул указ, а 12 июля посольство Афанасия Нестерова и дьяка Ивана Вахрамеева выехало из Москвы в Стамбул с государевыми грамотами и точными инструкциями.

На имя султана царь писал, что патриархи приехали в Россию по его, государя, личному предложению, что будучи в Москве они всячески старались укрепить между мусульманским и христианским владыками самую искреннюю братскую дружбу и любовь. Именно ради этой «братской дружбы и любви» царь просит султана вернуть Паисию и Макарию их престолы. В аналогичной грамоте великому визирию Магмет-паше просьба царя Алексея Михайловича подкреплялась многозначительным обещанием: «а впредь наше государское жалованье (так!) учнем держати по твоей к нам, великому государю, службе; и служба твоя и раденье у нас, великого государя, в забвении не будет». Просьбу посособствовать решению дела послал своему старому знакомому молдавскому воеводе Ионе Ильяшу тогдашний глава Посольского приказа боярин А.Л.Ордин-Нащокин. В грамотах к греческим архиереям на этот раз не видели необходимости.

Константинопольский патриарх Парфений, сместивший Паисия и Макария, поставил на александрийский патриарший престол родосского митрополита Иоакима, но заместить вакантный антиохийский престол уже не успел. Греческий переводчик при турецком правительстве Панагиот (по совместительству — московский агент) быстро нашел ему укорот. По указу султана от 11 ноября 1667 года, объявленному стамбульскому православному духовенству муляньским правителем князем Радулом, Парфений отправлялся в ссылку, а православным властям повелевалось избрать нового патриарха. Указы мусульманских властей требовали быстрого исполнения — и 13 ноября константинопольским патриархом был уже ираклийский митрополит Мефодий.

22 декабря русские послы получили приглашение при-

ехать к султанскому двору в Адрианополь. 14 января они удостоились аудиенции у султана, а 19 января состоялась обстоятельная беседа по существу дела с Каймаканом-пашей (замещавшем отсутствовавшего великого визиря) и великим муфтием (главой мусульманского духовенства). Любопытно, что великий муфтий выразил недоумение, как могли «христианского закона духовного чина начальные люди-патриархи» самовольно оставить свою паству и свои обязанности, чтобы без разрешения султана ехать за тридевять земель бог знает зачем?! Однако в целом переговоры шли успешно, нужные чиновники получили свое, с политической точки зрения вопрос для Османской Порты был слишком мелок, чтобы не разрешить его «для дружбы царя». Словом, весной 1668 года послы отправились домой с целым ворохом султанских фирманов.

Паисий и Макарий восстанавливались указами турецких властей на своих местах. Особая грамота наместнику Египта Ибрагим-паше приказывала ограбить и сослать александрийского патриарха Иоакима и посадить на его место Паисия. По приказу султана константинопольский патриарх Мефодий также написал грамоту о смещении Иоакима и утверждении на патриаршем престоле Паисия. Разумеется, обо всем этом Османская Порта официально извещала московского царя. Алексей Михайлович мог, казалось бы, успокоиться, но опыт предыдущих затруднений заставлял его вновь и вновь подстраховывать достигнутый успех.

По православному Востоку был выпущен еще один залп грамот из Москвы. Царь дважды писал новому константинопольскому патриарху Мефодию, желая, чтобы Паисий и Макарий благополучно вернулись на свои престолы и, таким образом, тот факт, что на соборе в Москве председательствовали экс-патриархи, можно было представить как недоразумение местного (восточного) значения. Грамоту Мефодию направил новый патриарх Иоасаф московский и всея Руси (вернее, она была написана от его имени). Грамоты Мефодию и иерусалимскому патриарху Нектарии написали перед отъездом из Москвы также Паисий и Макарий. Все названные сочинения были приправлены изрядной дозой более или менее замаскированной лжи. Как бы то ни было, инцидент был исчерпан благополучно для московских властей, хотя одобрения своим действиям на московском соборе и тем более на Востоке от константинопольской и иерусалимской патриархий они, конечно, не дождались.

Любопытно, что в еще более сложном положении русское правительство оказалось из-за Паисия Лигарида — его признанного консультанта по церковным вопросам. Если Паисий и Макарий были попросту жертвами своей любви к золотому тельцу и интриг среди восточного православного духовенства, то их ближайший советник и помощник на большом церковном соборе Паисий Лигарид оказался самым настоящим и притом отъявленным авантюристом.

Обвинение Лигарида в неправославии, выдвинутое патриархом Никоном, правительству удалось отвести. На соборе 1666-1667 годов митрополит сарский и подонский Павел представил созданное под его руководством «мыслимое дело о газском митрополите Паисии, что он православен». «А хотя бы он, газский митрополит, и не еретик был, — не сдавался Никон, — и ему де на Москве долго быть не для чего, я де его за митрополита не ставлю, и него де и ставленные грамоты на свидетельство нет. И

мужик не наложит на себя мантию, и он де таков же митрополит!»

Обвинение Паисия Лигарида как самозванца не могло не обеспокоить московское правительство, тем более, что оно имело основания признать правоту Никона. Не следует думать, что прежние «шалости» Лигарида ускользнули из памяти царя Алексея Михайловича. Особое впечатление произвел ярко выраженный страх Лигарида перед приездом в Москву двух патриархов. Не случайно царь велел заблаговременно, еще при отправлении патриархов из Астрахани в столицу, вызнать у них «Нет ли патриаршего гнева какого на газского митрополита Паисия?» — При этом царь заранее просил патриархов не спешить с проявлением этого гнева.

В соответствии с царской волей Макарий антиохийский заявил на соборе, что Лигарид является православным: «газский митрополит во дьяконы и в попы ставлен в Иерусалиме, а не в Риме — про то де он, антиохийский патриарх, ведает подлинно». Гораздо дальше пошел в защите Лигарида царь Алексей Михайлович, объявивший участникам большого церковного собора, что газский митрополит «живет истинно... и грамота у него поставленная есть и свидетельствована, о (об) отлучении его от иерусалимского патриарха грамоты не бывало». — Как видим, Алексей Михайлович покрыл Лигарида, но в его словах прозвучал новый мотив — об отлучении первого царского и патриаршего советника от церкви! Возражая, царь невольно выдал то, о чем было известно лишь узкому кругу членов правительства и сотрудников Посольского приказа.

Как бы то ни было, заступничества царя и восточных патриархов оказалось достаточно, чтобы Лигарид воспрянул духом. На большом церковном соборе он держался хозяином, выступал самоуверенно, как признанный учитель неразумных россиян, с апломбом перебивал и поправлял других, в том числе самих патриархов. Истинное лицо этого самозванца вскрылось только по окончании собора, когда и Никон, и старообрядцы были осуждены и репрессированы, во многом благодаря усилиям Лигарида.

29 июня 1669 года в Москву пришла грамота иерусалимского патриарха Нектария, в ведении которого находилась газская митрополия. Паисий Лигарид, уведомлял Нектарий, бросил свою епархию 14 лет назад и отправился в волошскую землю. Он был не только лишен митрополии, но отлучен от церкви и проклят еще предшественником Нектария, патриархом Паисием иерусалимским. Между прочим, специальной грамотой из Иерусалима об этом был извещен и патриарх Паисий александрийский, скрывший этот факт от большого церковного собора в Москве (и не случайно, ибо подружился с Лигаридом еще в Валахии, где они промышляли на пару).

Решив отправиться на Русь, Лигарид по пути, на Украине, подделал свои документы (на которые, как мы помним, ссылался Алексей Михайлович). Факт подделки был установлен точно, поскольку ни Паисий, ни Нектарий проклятому архиерею их не выдавали, а человек, осуществивший подделку (архимандрит Леонтий), находится ныне в распоряжении Нектария. Втершись в доверие московского двора, Лигарид, полученные якобы для своей епархии деньги, отсылая к себе домой на остров Хиос. Он попросту спекулировал на желании русских людей попом притесняемым мусульманами единоверцам!

Итак, писал Нектарий, «даем подлинную ведомость, что он отнюдь ни митрополит, ни архиерей, ни учитель, ни

владыка, ни пастырь, потому что он столько лет отстал (от православного архиерейского служения.— Авт.) и по правилам святых отец есть он подлинно отставлен и всякого архиерейского чина лишен, только именуется Паисий». Православной церковью он проклят, зато «латыни свидетельствуют и называют его своим и папа римский берет от него на всякий год по двести ефимков». То есть московские деньги шли отчасти анафемствованному изгоя, отчасти папе римскому, которого в Москве считали чуть ли не первым врагом православия!

Царское правительство не привыкло церемониться с самозванцами, казнокрадами и в особенности с теми, на кого падала хоть тень подозрения в уклонении от православного единомыслия (тем более в латинство). Множество виноватых и безвинных людей оказалось при царе Алексее Михайловиче в тюрьмах и ссылках, причем не только русских, но и иноземцев. Наказанию подвергались даже греческие архиереи, чьи взгляды показались в чем-то сомнительными — им пришлось после теплых вод Средиземного моря познакомиться с Соловками... Десятой доли вины Лигарида было бы достаточно, чтобы простой смертный сгнил в заточении. Но что не позволено человеку — позволено верному царскому прихвостню, и богомольный «тишайший» царь Алексей Михайлович не только не разгневался (думаю, он знал подноготную Лигарида заранее), но устремился на спасение проклятого и перешедшего в латинство самозванца.

Поначалу все шло удачно. 13 июля 1669 года царь написал патриарху Нектарию «о митрополите газском Паисии, которого мы имеем в царском нашем дворе как великого учителя и переводчика нашего,— да возымеет первую честь и славу как и было, поскольку некоторые, радуясь злу, от зависти злословили его пред святительством вашим, и бесчестили, и извергли». Отмечая большие заслуги Паисия на церковном соборе в Москве, царь лично просит патриарха, чтобы Лигарид на Востоке «был принят с прежней честью... И так молим, да примется прощение наше, ведая, что (бы) ни учинилось — и то учинилось от зависти». Также московский патриарх Иоасаф просил в своей грамоте простить Лигарида и выслать на Русь «писанием своим архиерейским прощение и благословение», ибо премногие труды его (Лигарида) премудрые многую пользу церкви великороссийской принесли». В сочетании и царскими и патриаршими пожертвованиями иерусалимской церкви эти грамоты должны были оказать свое действие.

Успеху предприятия по восстановлению Паисия в Газе способствовало добровольное оставление Нектарием своего престола. С 23 января 1669 года иерусалимским патриархом стал Досифей: ревностный противник католичества, сильно нуждающийся в русской помощи. Это сочетание хорошо отразилось в его ответном послании в Москву.

— Прочитали о газском митрополите, чтоб мы его простили,— писал Досифей,— и что будто не имеет вины на себе. А он, Лигарид, имеет многие великие вины и согрешения, которые, написав, послал (я) было к тебе, великому государю, свидетельства ради; только стыд послать нас не допустил, отчего и возвратили (Досифей действительно старался не допустить до России вести о преступлении в недрах греческой церкви, боясь окончательного падения ее авторитета.— Авт.).

— Только одно говорим,— продолжал патриарх,— что кир Нектарий патриарх не таковский, чтобы писать или

говорить ложно, но такой в правиле, что ныне иного такого архиерея разумного и богобоязненного не будет!

Далее Досифей осуждал «неподобные, хульные, непотребные и превознесенные слова» Паисия Лигарида о патриархе Нектарии и завершал свою грамоту... обещанием полного прощения Лигарида вкупе с восстановлением его в достоинстве газского митрополита.

Скрытый в столь странном построении письма намек был мигом расшифрован в Москве, и в Иерусалим поехали связки соборей на 1300 рублей по московской цене. Отвечая на намек намеком, Посольский приказ сообщал Досифею, что дары посланы «по челобитью газского митрополита Паисия». Царь просил их принять, «имея добрую надежду иное и большее воспринять, когда сбудутся наши желания о газском митрополите... и на прежнее будет возвращен достоинство, и разрешение совершенное получить».

В ответ из Иерусалима 24 января 1670 года пришла разрешительная грамота патриарха Досифея, освобождавшая Паисия Лигарида от церковного отлучения и восстанавливавшая его в архиерейском достоинстве. Выполнив желание царя, Досифей, однако, самому Лигариду прислал письменный выговор, сообщая, что если бы не ходатайство государя, не видал бы тот святительского сана, как своих ушей. С удивительной откровенностью Досифей признает, что простил и восстановил в сане того, «кто работает на папешей (католиков.— Авт.) хийской, и оставил свою паству на 15 лет без пастыря». «Ты не столько велик,— пишет Досифей Лигариду,— сколько глуп, безчеловечен и безстыден — только место, где пребываешь, есть двор царский», — и этим объясняется снисхождение патриарха.

Казалось бы, Алексей Михайлович разрешил и этот скользкий вопрос, но не прошло и двух месяцев после получения в Москве разрешительной грамоты Досифея, как в Иерусалиме вскрылись новые преступления Лигарида и он снова был отлучен от церкви — на этот раз окончательно. Даже царь устыдился вторично просить за изгоя, а попытка воздействовать на Досифея через валашского воеводу Иоанна Дуку оказалась неудачной. Еще менее уместно было держать запрещенного архиерея в Москве, напоминая всем, что организатором осуждения Никона и староверов был авантюрист. 4 мая 1672 года Паисия отправили из Москвы в Палестину, снабдив богатым жалованием и 12-ю подводами для вывоза его имущества.

Лигарид понимал, что на Востоке ему делать ничего. Он выехал из Москвы только в феврале 1673 года (причем получил еще одно пожалование на отъезд, в половину прежнего), но зацепился в Киеве, не желая покидать русские пределы. Царским указом ему было это разрешено, но письма Паисия за границу не выпускались, а самого его велено было стеречь «всякими мерами накрепко». Сообщник в темных делах все более пугал царя, к тому же из Стамбула переводчик-агент Панагиот предупреждал государя, «чтоб не велел газского митрополита с Москвы отпускать, чтоб не учинил в Цареграде и в иных местах какого дела с простодушия своего».

Живя в Киеве, отставной интриган находил утешение в многочисленных доносах «наверх» на украинское духовенство и местную администрацию, в том числе просил учинить розыск, куда киевский митрополит обращает свои доходы. Он настолько надоел властям, что 21 августа 1675 года в Киев был послан строгий указ о высылке

Лигарида в столицу, хотя бы и против его воли. В Москве Паисий содержался под арестом, но 1 сентября 1676 года добился — таки разрешения уехать в Палестину. На этот раз жалования на отъезд он не получил. Впрочем, и в Палестину Лигарид не уехал. 24 августа 1678 года старый авантюрист скончался в Киеве, надолго унося с собой тайны большого церковного собора в Москве, организация которого, во всей ее неприглядности, вылилась на свет только после открытия государственных архивов.

Но вернемся к протопопу Аввакуму, улегшемуся, как мы теперь понимаем, не перед высшими церковными иерархами, а перед простыми слугами царского престола. Этот жест столь понравился Аввакуму, что позже, давая советы своим единомышленникам — староверам как избавляться от непрошенных гостей — никонианских священнослужителей (которых он тоже считал продажными) — протопоп писал: «он, сидя, исповедывает, а ты ляг перед ним, да и ноги вверх подыми, да и слину попусти, так он и сам от тебя побежит: черная — де немочь ударила. Простите — су Бога ради, согрешил я перед вами. А што? Уже горе меня взяло от них, от блядиных детей. Плюйте на них, на собак!».

Действительно, Иларион, Павел, Иоаким — эти обманутые государем в их надеждах слуги государя, Паисий, Макарий, Лигарид — иностранные наемники, мало отличающиеся от авантюристов, стремившихся попасть в русскую армию, молчаливое большинство церковного собора, молча устрашающееся царского гнева и молча же готовое голосовать за что угодно, — все они вместе составляли малопривлекательную картину, которую не могли скрасить все драгоценности церковной и государственной казны.

Но, на мой взгляд, у нас недостаточно оснований, чтобы говорить о полной управляемости членов церковного собора. Мы видели, что не все русские иерархи и не во всех вопросах были просто холопами самодержавной власти. В отношении же восточных архиереев настораживает поведение самого царя Алексея Михайловича, явно неуверенного в их полном подчинении его воле. Хотя, например, Паисий александрийский сразу по приезде в Россию выразил царю изумление и восхищение щедростью, с которой царский посланник Мелетий грек расходовал на него и его свиту денежные средства в дороге («сотворил ради нас бесчисленную проторь»), и обещал в благодарности за это свою верную службу «богочестному вашему царству», царь отнюдь не был спокоен.

Были приняты экстраординарные меры, чтобы восточные патриархи до личных переговоров с царем не имели контактов в России ни с кем, кроме доверенных людей самодержца. Они даже не должны были знать, зачем приглашены в Россию и ради чего, собственно, из них израсходованы средства.

Архиепископу Иосифу астраханскому — видному участнику собора 1660 года против Никона — царь послал инструкцию насчет общения с патриархами. «И будет они, патриархи, учнут тебя спрашивать, для каких дел к Москве им быть велено? — гласил наказ. — И ты б им говорил, что Астрахань от Москвы удалена и для каких дел указано им быть, про то ты не ведаешь. А чаешь де ты того, что велено им быть для того: как бывший патриарх Никон с патриаршества сошел и для иных великих церковных дел. А будет что и иное небольшое доведется с ними поговорить, и ты б говорил, будто от кого что слышал, а не собою». Вообще,

указывает царь, Иосифу при приеме патриархов следует «во всем быть опасну и бережну» (как будто он принимает опасных врагов!).

Архиепископ должен был проследить, чтобы сопровождающие патриархов мирские и духовные лица с патриархами и их свитой ни о чем не говорили «и были во всем опасны!» Этого царю было мало: приставам из стрелецких командиров и подъячего, посланным по обычаю для сопровождения гостей к Москве, был дан такой наказ, как будто они везли бомбу. Они должны были «держат о патриархах всякое бережение и учтивость» и в то же время «смотреть и беречь накрепко, чтоб к патриархам ни от кого ни с какими письмами никто неподъезжал, также бы и от них, патриархов, ни к кому никаких писем в посылке не было».

Дьякон Мелетий грек должен был с помощью агентуры, наемной в свите патриархов, шпионить за Паисием и Макарием, «смотреть и беречь накрепко» общезвестную «тайну» о готовящемся суде над Никоном и староверами. Царская инструкция рекомендовала Мелетию подкупить племянника Макария, архидьякона Павла, чтобы он следил за перепиской дяди и при необходимости перехватывал письма, а также попытаться подкупить племянника патриарха Паисия. Жалование главным шпионам полагалось больше, чем лучшим военным разведчикам — до тридцати золотых!

К тому времени, когда патриархи доехали почти до Владимира, царь Алексей Михайлович еще более обеспокоился. Видимо, агентура, приставленная к Никоному, известила его о сомнениях русского патриарха относительно полномочий его предполагаемых судей. К Паисию и Макарию был послан стрелецкий полковник А.С.Матвеев (доверенное лицо царя, будущий глава правительства). Он должен был, как мы помним, расследовать, являются ли патриархи патриархами и имеют ли они грамоты от патриархов константинопольского и иерусалимского. «А провеживать про то в разговорах неявным обычаем».

Матвеев также должен был негласно перетрасти свиту патриархов с целью выявления людей, подосланных от Никона и некоторых других лиц, перечисленных в царской инструкции. «Остерегать накрепко с большим опасением» следовало любых контактов Паисия и Макария с внешним миром. Даже при патриаршей службе в попутных соборах, Матвееву полагалось допускать к благословению воевод, приказных и иных чинов знатных людей только в своем присутствии. О всем замеченном и выданном следовало немедленно сообщать государю лично.

Наблюдение за патриархами оказалось нелегким, хотя и не в том аспекте, который предполагал царь Алексей Михайлович. Паисий и Макарий с самого начала повели себя вольно, настолько вольно, что приняли в свою свиту сыльных.

— Нам, великому государю, — писал по этому поводу Алексей Михайлович, — ведомо учинилось, что вселенские патриархи везут с собою из Астрахани к Москве Печатного двора наборщика Ивана Лаврентьева, которого по нашему... указу велено сослать из Астрахани на Терек за воровство, что он... на Печатном дворе завел латинское воровское согласие и римские многие соблазны.

— Да они ж, — продолжал рассерженный государь, — везут с собою к Москве гостя Васильева человека Шорина Ивашку Туркина, который писал к воровским казакам воровские грамотки — и по тем его воровским Ивашковым грамоткам те казаки наш, великого государя, насад

(большое грузовое судно.— Авт.) и торговых многих людей суды (пограбили) и многих людей побили до смерти. И тебе б (Мелетию греку.— Авт.) им, вселенским патриархам, говорить о том, чтоб они с нами, великим государем, не ссорились, тех воров, Иванку Лаврентьева И Ивашку Туркина, с собою к Москве не возили».

Патриархи не только не выполнили пожелание государя, но кроме И Лаврентьева и И Туркина привезли с собой в Москву еще 20 человек, не числившихся в свите. Не считался Паисий и Макарий и с церковным правилом, запрещающим епископу действовать архиерейски в чужой епархии без согласия и разрешения местного архиерея. По пути в столицу они творили суд и расправу над русским духовенством, экзаменовали священников, лишали их сана и даже сажали в тюрьму. Царю же в Москву они послали требование, чтобы к их прибытию были приготовлены «многие великие дела» по части исправления русской церкви, а также «изготовлена судебная палата».

Эти требования и вообще поведение патриархов крайне обеспокоили московское правительство. Сами экстраординарные меры ограждения Паисия и Макария от контактов, окружение их шпионами по дороге в Москву и особенно в столице, постоянное беспокойство царя относительно тех или иных шагов и заявлений гостей — свидетельствуют, что царь Алексей Михайлович отнюдь не был уверен, что держит главных участников собора в своих руках. Объективно всесильная, светская власть субъективно трепетала перед авторитетом духовных лиц. Осуществляя описанные выше малопривлекательные с моральной точки зрения мероприятия, российский самодержец и его слуги оставались глубоко, даже фанатично верующими людьми.

События 60-х годов XVII столетия невозможно понять, не учитывая этот феномен общественного сознания: сочетание непосредственного, часто грубого прагматизма с мышлением и чувствованием в религиозных рамках, со страхом перед Страшным судом и Высшим судией. Над бездной смерти люди лихорадочно искали возможности за что-то зацепиться, чем-то защитить себя — и в духе своего времени хватались за ритуалы, правила поведения, букву учения, за что-то конкретное и обозримое. Того, кто знал жизнь больше, она с точки зрения вечности больше и страшилась, пугала возможностью гибельной для души ошибки.

Не случайно царь Алексей Михайлович, подготовив заранее, обсудив с восточными патриархами и русскими архиереями комедию суда над Никоном, встал, когда низвергаемый патриарх вошел в зал соборных заседаний. Вопрос о том, следует ли вставать при появлении Никона, специально обсуждался собором и все, во главе с царем, решили не вставать. Но самодержец не смог удержаться и за ним встали все остальные! Далее, Никон отказался садиться, ибо, как он заявил, не увидел подобающего места. Тогда Алексей Михайлович, к ужасу устроителей церемонии, встал с трона, спустился к Никону и встал у стола, над которым возвышались патриархи Паисий и Макарий. Царь сделал все, чтобы осудить Никона — но не почтить его не мог. Самодержец купил содействие восточных патриархов — но стоял перед ними, как перед авторитетами, обязанными произвести суд над спором русского самодержца с русским патриархом.

Характерно, что добившись низложения Никона, царь Алексей Михайлович до конца своих дней проявлял к нему почтение и всячески старался улучшить его положение

в ссылке. Умирая, Алексей Михайлович продиктовал в духовном завещании слова, перечеркивавшие его победу над Никоном. Он просил «прощения и разрешения» «от отца моего духовного великого господина святейшего Никона иерарха и блаженного пастыря, аще и не есть на престоле сем!» Сын его, царь Федор, не жалел средств, чтобы выполнить предсмертную просьбу отца и получить Никону у восточных патриархов разрешительные грамоты, то есть уничтожить приговор собора 1666-1667 годов. Царское посольство везло четырем патриархам богатую милостыню «и сверх того, — за разрешительные грамоты, — ...по двести по пятидесяти рублей патриарху... И если крепко и упорно станут и не похотят того учинить — и по самой конечной мере дать по пятисот рублей патриарху. А буде и по тому... не учинят, и по самой нужде дать по тысяче рублей человеку, только б учинили и в грамотах своих написали имянно!» Благодаря искусству русского посла Прокофья Возницына Никону был официально возвращен патриарший сан сразу пятью восточными патриархами (антиохийских оказалось двое и посол взял грамоты обоих). При этом, как гордо заметил дипломат, «учинил он то неусыпным своим промыслом и рачением, без великих дач, а велено было от того дать и многую дачу» (смета расходов Возницына опубликована Н.Ф.Каптеревым).

Трепетал царь и перед Аввакумом, осужденным следом за Никоном. Уже после вынесения приговора к закованному в кандалы и ждущему ссылки в Заполярье протопопу не раз приходили царские комнатные слуги, передавая слова Алексея Михайловича: «Протопоп, ведаю — де я твое чистое, и непорочное, и богоподражательное житие, прошу — де твоево благословения и с царицею и с чады — помолися о нас!» — Кланяючись посланник говорит. И я по нем, — писал Аввакум в «Житии», — всегда плачу; жаль мне сильно ево. И паки он же: «пожалуй — де послушай меня: соединишь со вселенскими теми хотя небольшим чем!» И я говорю: «аще и умрети ми Бог изволит, с отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь, — а им до тебя какое дело? Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить суды приволоклися! Я, реку, не сведу рук с высоты небесных, дондеже Бог тебя отдаст мне». И много тех присылков было. Кое о чем говорено. Последнее слово (царь) рек: «где — де ты не будешь, не забывая нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешной, елико могу, о нем Бога молю».

Однако судьба Аввакума оказалась много трагичнее судьбы Никона. Он сохранял жизнь — но находился в жестоком заточении, его не убивали — но протопоп становился свидетелем все новых и новых зверских казней своих родных, близких, друзей, единомышленников: Аввакум, в отличие от Никона, находил возможности и в нечеловеческих условиях писать, защищая свои взгляды, свое мировоззрение — и видел, как оно планомерно и неумолимо искореняется в России силой той самой самодержавной власти, которая была, в его понимании, гарантом благоверия и душевного спасения...

Поворотным пунктом в трагической судьбе Аввакума и его сторонников, одним из важнейших, если не определяющих действий в трагедии русской православной церкви и русского народа, стало решение большого церковного собора 1666-1667 годов о старом обряде и старообрядцах. На вопрос, что происходит в поместной церкви — внутренние споры, еретическое движение или раскол — был дан четкий и однозначный ответ: церковь, сооб-

щество верующих, раскола, не существует более как духовное и организационное единство, как организм.

Поскольку это решение не только перечеркивало, но и в корне противоречило решению собора русских церковных иерархов 1666 года, его инициаторами и вдохновителями принято считать восточных патриархов (причем одни авторы пишут об этом с одобрением, другие с осуждением). Приехали иноземцы — и просветили; приехали иноземцы — и все испортили. — Схема достаточно знакомая, но не слишком ли простая для объяснения сложного исторического процесса, в который были вовлечены огромные силы Российского государства? Как бы то ни было, мы должны решить этот вопрос, опираясь на конкретные факты.

Прослеживаемый в источниках ход событий свидетельствует, что восточные патриархи и вообще приезжие греки сыграли в раскольническом решении собора активную роль. Маловероятно, чтобы Паисий александрийский и Макарий антиохийский до приезда в Россию серьезно разбирались в русском религиозном разномыслии. Тем важнее были данные им в Москве консультации, первая из которых была получена от Паисия Лигарида, специально приставленного к патриархам царем Алексеем Михайловичем для ознакомления их с состоянием русских церковных дел.

Протоколов совещаний патриархов с Паисием, естественно, не сохранилось, но мы имеем свидетельство самого Лигарида, описавшего эти совещания. Не отличаясь скромностью, Паисий Лигарид основное внимание обращает именно на то, что он говорил патриархам, и его речь была столь своеобразна, что не может быть позднейшим литературным домислом. Смуту в русской церкви Лигарид характеризует как «какой-то всенародный избыток соков, причинивший неисцелимую болезнь православной русской церкви...».

Суть этой «неисцелимой болезни», бациллами которой Лигарид считает Аввакума, Лазаря, Епифания и других видных старообрядцев, состояла в «извращении древних нравов церковных и обычаев отцовских», в «несказанных нововведениях», выливающихся в неправовере и ересь. И так, во-первых, старообрядцы, по Лигариду, не защищали старые обряды, а выдумывали нечто новое. Во-вторых, их главный удар был направлен против греческого авторитета в восточной православной церкви. Аввакум и иные «многоглаголющие мужи... по-видимому обличали Никона, а по существу — ромеев (греков), как бы уклонившихся от православия, от преданной отцами веры, от совести». Именно «против нас», говорил Лигарид патриархам Паисию и Макарию, староверы написали «бездну лжи».

Подготовленные таким образом, патриархи получили от своего переводчика Дионисия, официально приставленного московским правительством, более подробное сочинение о сущности русского старообрядчества. «Сия прелесть», утверждал Дионисий, пошла в России с тех пор, как ее митрополиты перестали ходить для поставления на свой престол в Константинополь и, таким образом, не могли достаточно учиться у греков. Действием Дьявола и католиков русские, по своему неразумию и темноте, впали во многие ереси, примерами которых автор считает отвергнутые Никонем старые обряды. Дионисий многословно заверял патриархов, что все особенности русского церковного обряда создавались исключительно на русской почве благодаря невежеству русского духовенства, склонного к еретичеству, и, следо-

вательно, имеют неправославный характер.

Влияние сочинения Дионисия на патриархов и других членов большого собора безусловно. Оно сказалось не только на духе соборных решений о старообрядцах, но многие статьи этих решений представляют собой цитаты из Дионисия. Большой собор объявил весь старый обряд (то есть все, чего касались изменения Никона) неправославным и безусловно запретил его употребление. Собор утверждал, что все книги, все частные и коллективные постановления, все решения русских соборов, подтверждающие благочестивость старого обряда, есть «только суемудрие, мятеж и раскол».

Отсюда следовало безусловное запрещение употреблять старый обряд или как-либо защищать его всем без исключения. «Аще же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой восточной церкви и сему священному собору, — гласил приговор, — или начнет претивить и противиться нам, — и мы такого противника данной нам властью, ... аще ли будет от священного чина — извергаем и обнажаем его всякого священнодействия и проклятию предаем; аще же от мирского чина — отлучаем и чужда сотворяем, ... и проклятию и анафеме предаем как еретика и непокорника, и от православного всеобщения и стада и от церкви Божия отсекаем...».

Этого было мало. Собор специально рассмотрел вопрос, достаточно ли церковного наказания «еретикам и раскольникам», самим же собором отсеченным от русской православной церкви? — Нет, ответили духовные отцы, «подобает их наказать и градским наказанием» «и казнить их разным томлением и различными муками, и так: кому языки отрезать, кому руки отсекают, кому уши и носы, и позорить их на торгу, и потом ссылать в заточение до кончины их».

«Так, — заключает профессор Н.Ф.Каптерев, — двумя восточными патриархами и другими бывшими тогда в Москве греческими иерархами соборно был утвержден в русской церкви раскол, — единая дотоле русская церковь, благодаря соборному провозглашению старого русского обряда еретическим и наложению анафемы на всех державшихся старого обряда, раскололась теперь на две враждебные одна другой части, причем вражда между ними продолжается и доселе» (писалось в начале XX века).

Огромные массы населения страны, в особенности сельского, составлявшего подавляющее большинство, малоосведомленные о московских нововведениях, формально оказались отделенными от официальной церкви лишь потому, что следовали традициям. Церковные проклятия и государственное насилие, шедшие, согласно решению большого церковного собора, рука об руку, устрашали многих, заставляя спешно усваивать новые правила. Но повсеместно, и чем дальше, тем больше, принуждение рождало сопротивление местных священнослужителей и прихожан. Придворная история Никона и Аввакума в условиях массового принуждения имела массовое повторение. Стихийный протест против условий жизни в «богоспасаемом» государстве находил выход в защите традиционной русской старины, веры отцов, укреплялся народными поверьями о счастливой «золотой старине», блаженных докрепостнических временах Ясного солнца Владимира и русских богатырей.

Ярость церковной и светской власти, огнем и мечом насаждавших «благочестие» в крестовом походе за новую веру, лишь консолидировала отторгнутую часть русской православной церкви. Сочинения Аввакума и его сорат-

ников, уже ко времени большого собора создавших целую полемическую литературу с разработанной аргументацией позиции староверов, в условиях широкомасштабного насилия приобрели огромный резонанс, стали мощным средством агитации среди униженных и оскорбленных. Каждый новый мученик, вместо того, чтобы устрашать народ, вызывал из его среды последователей и подражателей. Каждый удар властей укреплял сопротивление. Чем ниже опускались власти в своей бессмысленной жестокости, тем выше становился дух новых страдальцев за веру, которые в условиях непрекращающихся преследований возрождали и создавали новые культурные традиции, обогатили Россию великолепной литературой и замечательными произведениями искусства. Сверхмощному карательному аппарату староверы противопоставили уникальные организационные структуры, перед которыми столетиями оставалось бессильно военное-полицейское государство и которые неизменно проявлялись в движениях протеста, начиная с Соловецкого восстания, войны Степана Разина и т.д.

Раскол — слишком серьезное явление в русской истории, чтобы принять на веру версию о его случайном возникновении благодаря своекорыстным действиям небольшой группы иноземцев. Роль греков и в реформе Никона, и в решениях собора 1666-1667 годов неоспорима, но ее следовало бы уточнить, четче очертить границы их влияния на события. Мы видели, что будучи купленными и ржеными царем Алексеем Михайловичем (и даже покрываемыми им самозванцами), греки были способны на несанкционированные и даже идущие против воли государя действия. Собственная воля восточных патриархов получила явное отражение в решениях большого церковного собора, особенно относительно оценки знаменитого и высокопочтимого русской церковью Стоглава.

Стоглавый собор 1551 года с участием церковных и светских властей под председательством царя Ивана Грозного и митрополита Макария отрицал в своих постановлениях мысль о государственной и религиозной независимости, зрелости России, не нуждающейся более в опеке и советах кого бы то ни было, в том числе современных греков. Он утверждал, в частности, идею первенства и утраты греками истинного обряда под владычеством мусульман. Именно самостоятельность русского собора, обошедшегося без «свидетельства» вселенских патриархов, возмущала греков и именно это основание было указано в приговоре большого собора для осуждения Стоглава!

Достаточно прочесть соответствующую статью приговора, чтобы явственно увидеть в ней руку пришельцев с Востока. «А собор,— гласит документ,— иже был при...царе и великом князе Иоанне Васильевиче...от Макария Митрополита московского,— и что писали...— писано неразумно, простотою и невежеством, в книге Стоглаве, и клятву, которую без разсуждения и неправедно положили, мы, православные патриархи, Кир Паисий, папа и патриарх александрийский и судия вселенский, и Кир Макарий, патриарх антиохийский и всего Востока, и Кир Иоасаф, патриарх московский и всея России, и весь освященный собор — ту неправедную и безрассудную клятву Макариеву и того собора разрешаем и разрушаем, и тот собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, яко же и не бысть: потому что тот Макарий митрополит и иже с ним мудрствовали невежеством своим

безрассудно, как восхотели, сами собою, не согласясь с греческими и древними пергаменными славянскими книгами, ниже со вселенскими святейшими патриархами о том советовались и ниже совопросились с ними».

Как бы далеко не зашли русские иерархи в отрицании старого обряда, они не могли столь резко отозваться о своих предшественниках и высокопочтимом митрополите Макарии. Не мог и царь Алексей Михайлович оскорбить память Ивана Грозного, превозносившегося Романовыми в качестве образцового самодержца. Не случайно, когда Никон лишь упомянул в письме о митрополите Филиппе, «его жу мучал царь Иван неправедно»,— Алексей Михайлович публично взорвался: «для чего он, Никон, такое безчестье и укоризну блаженные памяти великому государю — великому князю Ивану Васильевичу всея Руси написал?!»

Маловероятно, чтобы русские участники собора самостоятельно решились хулить повесть о белом клобуке, освященную авторитетом Максима Грека и служившую с давних пор подтверждением притязаний России на первенство в православном мире. Между тем приговор большого собора гласит: «повелеваем,...до никто сему писанию веру имеет, потому что лживо и неправо есть, как яснее возобличатся прочие его блядослови: во ином писании». Но вот снять белый клобок с русского архиерея не могли и восточные патриархи: «обнако мы благословляем,— утверждают участники собора,— всех митрополитов Великороссийского государства, да носят белые клобуки...ради древнего обычая, а не ради лживого писания».

Итак, восточные патриархи и их советники располагали определенной степенью свободы и на большом церковном соборе имели возможность проводить собственные, не свойственные русским участникам собора мнения. Но сомнительно, чтобы они могли диктовать свою волю царю и русским иерархам (исключая те случаи, когда царь действовал на своих иерархов через греков) по главным, принципиальным вопросам. Патриархи (хотя они строго говоря не были патриархами во время собора) пользовались большим авторитетом, однако от них ждали вполне определенных суждений. Характерный эпизод, позволяющий почувствовать атмосферу во время большого собора, приводит осужденный на нем дьякон Федор.

Знаменитый старообрядец Лазарь, по словам дьякона, смело заявил на соборе перед патриархами: «Молю вас, крайних пастырей, повелите мне идти на судьбу Божию в огонь, и если сгорю — то правы новые книги, если же не сгорю — то правы наши старые отеческие книги, иже древле переведенные с ваших книг греческих непороченных!» Восточные патриархи ухватились за это предложение, видя возможность разом покончить с «заблуждениями» староверов. Они подробно изложили свое согласие на предложение Лазаря, мотивировав его тем, что если народу нужно чудо — пусть так и будет: как в древности Русь крестилась, увидев, что Евангелие не горит в огне, так ныне пусть Лазарь сгорит — никто его к этому не принуждал!

Царь не знал, что сказать на это, русские же иерархи были смущены героическим вызовом старовера. Суеврия были тогда весьма сильны (им был подвержен даже образованнейший и умнейший князь В.В.Голицын), все вспоминали за собой грехи — думали втайне: А ну, как не сгорит!? Короче говоря, русские участники собора долго обхаживали восточных патриархов и их приближенных, чтобы избежать божьего суда. Наконец, они решили дей-

ствовать через известного нам переводчика, архимандрита Дионисия. Тот, зная и своих хозяев в Москве, и приезжих, произнес перед Паисием и Макарием выдающуюся по откровенности речь:

— Отцы святые! Заезжие вы люди здесь: если так станете судить здесь без помазания — и вам чести большой, и милостыни довольной, и даров не будет от великого государя и от всех властей тоже, но сошлют вас в монастырь, как и нашего Максима Грека святогорца, и в свою землю не отпустят вас, если в задор станет дело! Как им надобно — так и пушайте!

«Патриархи же послушали его, — констатирует дьякон Федор, — и творить так стали, а не спорили ничего, только потакали». Достоверность этого рассказа укрепляется тем, что старовер не старается выгородить восточных патриархов или показать, что они были обмануты никонианами. Паисий александрийский и Макарий антиохийский действительно считали старый обряд еретическим новообразованием. В этом смысле соборный приговор вполне соответствует их взглядам. Следует, однако, учитывать, что это были взгляды приехавших в Москву греков, греков нанятых, а не греческого (точнее — восточного православного) духовенства вообще.

Не следует думать, что обрядовое безумие и стремление истребить малейшее обрядовое иномыслие охватывало в XVII веке не только Россию, но и весь православный Восток. Здравый и совершенно справедливый даже с точки зрения сегодняшнего богословия взгляд на обрядовые различия авторитетно выразил в 1555 году константинопольский патриарх Паисий, писавший от своего имени и от лица константинопольского собора. Отвечая на множество вопросов, заданных Никоном, Паисий указал, что волнующая Никона разница в обрядах не только не предосудительна, но нормальна, естественна и закономерна; она ни коим образом не может вызывать разделения и свар в единой православной церкви.

Единение православия, — писал константинопольский патриарх, состоит «в одном и том же исповедании веры, с одним разумением и с одной мыслью... Ты жалуешься сильно на несогласие в кое-каких порядках, существующих в поместных церквах, и думаешь: не вредят ли эти различные порядки нашей вере? В ответ на это мы похвалим мысль, ... но исправляем опасение... Если случится, что какая-нибудь церковь будет отличаться от другой какими-либо порядками, неважными и несущественными для веры, или такими, которые не касаются главных членов веры, а относятся к числу незначительных церковных порядков, каково, например, время совершения литургии, или вопрос о том, какими перстами должен благословлять священник и подобные, — то это не должно производить никакого разделения, если только сохраняется неизменно одна и та же вера.

— Это потому, — объясняет патриарх, — что церковь наша не с самого начала получила тот устав чинопоследований, который содержит в настоящее время, а мало по малу». Что-то устаревает, что-то вводится вновь, справедливо приводит примеры Паисий. «При всем том, так как различие в чинопоследованиях не могло тогда служить основанием признавать их еретическими или схизматическими. Не следует нам и теперь думать, будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование, несколько отличающееся в вещах, которые не принадлежат к числу существенных — или членов веры: лишь бы соглашался в важных и глав-

ных с католической церковью» — то есть с православным исповеданием.

Не раз и не два патриарх втолковывает Никону, что поднятые им вопросы не имеют значения, что креститься и благословлять можно, в конце-концов, любыми пальцами, «лишь бы только благословляющий и благословляемый имели в мысли, что это благословение исходит от Иисуса Христа при посредстве руки священника», и так по все вопросам... «Что же касается полемики, — пишет Паисий, — ...то умоляем именем господина нашего Иисуса Христа, да прекратит ее твое блаженство, со свойственной тебе рассудительностью, рабу бо Господню не подобает свариться (2 Тим. II, 24), и особенно в вещах, которые не принадлежат к числу главных и существенных и членов веры!».

Не следует забывать, что неоднократно приглашаемые участвовать в русской обрядовой полемике восточные патриархи отказывались делать это даже за большие деньги, а те, кого удалось все-таки завлечь золотым тельцом в Москву, были извержены восточным духовенством и судили, будучи лишенными сана. Строго говоря, не греки прибыли в Россию проводить свою церковную линию, а Москва получила то, что хотела и чего была достойна. Чего стоит, в конце-концов, восстановление Паисия и Макария на патриарших престолах с помощью турок и мусульманского великого муфтия! Паисий Лигарид и бывший архимандрит афонского Иверского монастыря Дионисий, кормившийся в Москве более пятнадцати лет (с 1655 по 1669 годы), конечно, имели свои соображения, но все-таки в первую очередь они являлись слугами (вернее даже прислужниками) российского самодержца. Можно ли было ожидать, что в существенном вопросе они все пойдут против воли своего нанимателя (располагавшего в качестве одного из аргументов Сибирью)?!

Роковое решение о старом обряде и старообрядцах, официально расколовшее русскую православную церковь, было принято на основе «сердечного согласия» греков и русских. Возможно, молчаливое русское большинство на соборе 1666-1667 годов и не одобряло столь крутого решения (чем может объясняться относительная мягкость решений русского собора 1666 года). — но Павел, Иларион, Иоаким и иже с ними, активно выступавшие от имени русской церкви, могли ли они не одобрять жестокой расправы над староверами, которую сами неукоснительно вел: до соборного приговора и которую с удвоенной свирепостью продолжали после собора?! Помимо того, что соборное решение не было бы принято без одобрения царя Алексея Михайловича, оно никогда не было бы реализовано без его сознательного и целеустремленного содействия. Именно царские воеводы хватали и казнили староверов, именно царь отдал приказ о разрушении русской святыни — Соловецкого монастыря — и с его одобрения каратели вешали монахов за ребра. То, что он из sentimentalности или в страхе перед грядущей расплатой щадил Аввакума, несколько не помогает переложить вину за раскол русской церкви с царских плеч на плечи нанятых им иноземных судей.

Наконец, очевидно, что из решений собора 1666-1667 годов выполнялись лишь те, что пришлись по душе, вызвали одобрение служителей официальной церкви. Так, осуждение Стоглава никогда не действовало, авторитет Максима Грека несколько не пострадал, а повесть о белом клобуке, это «лживое писание» по выражению соборного приговора, продолжала оставаться одним из вы-

сокочитимых произведений: на нее ссылался и ее использовал даже Игнатий Римский-Корсаков, один из образованнейших полемистов и активнейших преследователей старообрядчества. Решение же большого церковного собора о расколе оказалось живым и действенным — это главное, что не позволяет даже при большом желании приписать его исключительно проискам заезжих греков.

Кого же, если не экс-патриархов Паисия александрийского и Макария антиохийского вкупе с Паисием Лигаридом и подобными, мы должны назвать раскольниками? Думаю, сказанного достаточно, чтобы ответить на этот вопрос. Это самодержавная власть: царь Алексей Михайлович со своими подручными и своими предшественниками, утверждавшими единомыслие и единообразие как единственные формы законной мысли и жизни. Это многие представители русского духовенства, зависимые от светской власти и тщетно пытавшиеся преодолеть эту зависимость, но требующие «не рассуждать!» в духовной сфере. Это патриарх Никон и его единомышленники, посеявшие зерна зла, поднесшие фитиль к пороховой бочке, на которой сами же сидели. Это вожди староверов, первыми объявившие никонианскую церковь антихристовой и своим поведением подчеркнуто разжигавшие церковную вражду (в чем не раз с чувством вины признавался сам Аввакум). Это используемые и использовавшие ситуацию греки — корыстолюбцы и аван-

тюристы. Словом — справедливо было бы называть раскольниками всех героев этого рассказа. Все они внесли свой вклад в трагедию, которая, как пожар, который не тушат, но еще пуще разжигают, захватывала все большие пространства и уносила все больше жизней. Россия покрывалась кострами и светилась огнем горящих в церквях самосожженцев. Звенели оковы, палили мушкеты стрельцов, рыскали по лесам воинские команды, свирепствовали, как орды Батыея, петровские драгуны, звали к смерти фанатичные проповедники. Совместными усилиями раскол непрерывно поддерживался, развивался и укреплялся.

Преследование инакомыслия и убийство инакомыслящих оборачивалось для русской православной церкви самоубийством. Церковный кризис, ярчайшей страницей которого стал раскол, оборачивался кризисом религиозного мировоззрения. В тех рамках, куда оказалось загнано религиозное мышление, общение оказывалось уже невозможным. Необходимую платформу для диалога, для общения без взаимоубийства, и тем самым для возрождения, передовые русские писатели стали искать в области рациональной мысли, в отказе от догмы, в исследовании и аргументации по законам человеческого разума. Путь этот был тернист и кровав, но он должен был быть пройден.

Керов В.В.

Династии старообрядцев — предпринимателей. Гучковы

В последние годы наша общественная мысль снова и снова обращается к тому аспекту отечественной истории, который многие десятилетия если и изучался, то в ракурсах, определенных далеко не научными кругами и организациями. Речь идет об истории православия и церкви в России. При этом официальной Русской православной церкви посвящено немало работ как до-революционных, так и советских историков. Другая же ветвь русского православия, старообрядчество, сыгравшее значительную роль в нашей истории, оставалась и остается «Золушкой» отечественной историографии.

Впрочем, дело не только в идеологических ограничениях советского периода. Недостаточная исследованность старообрядческой тематики связана и острым дефицитом источниковедческой базы. Из недр староверческих общин в мир выходили лишь отдельные документы и материалы. Лишь в период 1906-1917 гг. список источников по истории прежде всего «поповщины» существенно пополнился.

В этой связи проблемы, ждущие своего изучения историками старообрядчества, многочисленны. Одним из важнейших вопросов является анализ предпринимательской деятельности представителей этого социально-религиозного течения, явившегося, по мнению современных специалистов, одним из факторов буржуазного, капиталистического развития /1/. Проблема факторов, обусловивших широкое участие старообрядцев в торговле и промышленности, требует специального исследования. Но первоначально необходимо выяснить действительные масштабы староверческой предпринимательской деятельности.

Здесь возможен анализ как отдельных отраслей производства, отдельных географических регионов, так и деятельности крупнейших промышленников-старообрядцев. Очевидна польза и от изучения династий таких предпринимателей, семей, хранивших «дело отцов» и их веру.

Из старообрядчества вышли многие именитые роды московских купцов и текстильных фабрикантов. В первой половине XIX в. «все почти крупнейшие торговые и промышленные фирмы Москвы находятся в руках старообрядцев» /2/. Это Морозовы, Рахмановы, Шелапутины,

А.И. Гучков

Рябушинские, Хлудовы и многие другие. Достойное место в этом ряду занимали и Гучковы, давшие стране не только промышленников и купцов, но и выдающихся общественно-политических деятелей.

Особенно значимым было участие староверов в создании и развитии московской текстильной промышленности. Из 17 крупных текстильных заведений Лефортова, первого московского фабричного пригорода, не менее 12 (не о всех есть данные) принадлежало старообрядцам /3/.

Во второй половине XVIII в. крестьяне, приверженцы старой веры, бежали не столько на окраины империи, сколько в города и торгово-промышленные села. Многие из них принадлежали к федосеевскому толку беспоповщины. Они концентрировались в

Лефортовской части, в районе Преображенской и Семеновской солдатских слобод /4/. В 1760-х гг. здесь был создан молеальный дом Федосеевцев. В 1771 г. во время эпидемии чумы, жертвами которой стала третья часть всех москвичей, была основана община, организовавшая «пристанище для умирающих и кладбище для умерших. Многие в последние дни, часы, а иногда и минуты своей жизни «покаялись» и перешли в беспоповщину /5/. Немалое число из них завещало свое имущество общине. Тогда же при общине были основаны женская и мужская обители. Ее авторитет возрос, а в 1809 г. после «дарования» Александра I старообрядцам, за Преображенским кладбищем, как часто называли общину, всеми «иногородними обществами» федосеевцев было признано право поставлять наставников во все такие общины России /6/.

Значение Преображенского кладбища определялось не только духовной деятельностью его «наставников». Сердцем общины являлась текстильная промышленность. Многие федосеевцы занимались предпринимательством, на «кладбищенские деньги» ими организовывались крупные и мелкие текстильные фабрики и мастерские. Некоторые заведения быстро росли. На фабрики стекались сотни крестьян окрестных деревень. Община зависела от фабрик и использовала их для укрепления своих финансовых ресурсов, для увеличения числа при-

хожан. Действительно, ряд соседних приходов синодальной церкви пришел в упадок /7/.

Связи общины и фабрик имели характер взаимозависимости. Весь товар сбывался по линиям контактов с федосеевцами в других регионах. Была создана торговая сеть с полноценной инфраструктурой, совпадавшая со схемой федосеевских обществ. В случае разрыва духовно-организационной связи прекратился бы сбыт, стали бы фабрики. Распалась бы община.

К руху одству общины, не признававшей церковную иерархию, пришли «капиталисты» федосеевцы. Был среди них и Ф.А.Гучков.

В конце 1780-х гг. пришел в Москву Федор Алексеевич Гучков, дворовый человек надворной советницы Белавиной, помещицы Калужской губернии, Малоарслановского уезда /8/. Здесь он перешел в учение Феодосия Васильева и в 90-х годах открыл небольшую шерстобрабатывающую фабрику в Преображенском /9/. Община дала кредит, помогла встать на ноги. Природный предпринимательский талант, организационные способности, старание в вере и благорасположение руководителей Преображенского кладбища выдвинули Гучкова в ряды «первейших» московских промышленников. В 1814 г. он переписался из дворовых крестьян в московские купцы /10/, а позже стал членом I гильдии.

Ф.А.Гучков вошел в состав Совета общины, состоявшего из 26 «жертвователей» /11/. В 30-е гг. он приобрел значительное влияние в Совете, установил тесные связи с Семеном Козьминым (учеником С.С.Гнусина), исполнявшего обязанности настоятеля, а в 1836 г. ставшим настоятелем Преображенского кладбища /12/.

В 1831 г. земли, дома, луга, заводы Преображенского Богодельного дома, не имевшего права собственности на недвижимость, была продана губернским правлением с аукциона за 130 тыс. рублей. Община позаботилась, чтобы в торге не участвовали «чужие» и все было продано Ф.А.Гучкову (по настоянию Козьмина), с которого денег не взяли под поручительство двух других «столпов» Преображенского кладбища, купцов М.Григорьева и А.Никифорова /13/. Впрочем доход от этих земель передавался Гучковым в казну общины. Так же и в 1840 г. под угрозой конфискации со стороны властей община «вверила» Гучкову на хранение ценности и деньги на 12 млн. рублей /14/.

Гучков превратился в фактического руководителя общины /15/. В начале 1840-х гг., используя средства, связи и торговую сеть общины, он стал крупнейшим шерстобумажным фабрикантом. Его личный капитал достигал нескольких миллионов рублей, а на его фабрике шерстяных, шелковых и бумажных изделий — самом крупном промышленном предприятии Москвы — работали в 1843 г. 964 рабочих. Ему принадлежало 40 десятин земли в Лефортово /16/. Впрочем большая часть этих земельных владений фактически находилась в собственности Преображенского кладбища.

Одним из важных направлений деятельности Ф.А.Гучкова, как и многих других крупных промышленников-федосеевцев, являлось насаждение вокруг Преображенского кладбища сети мелких заведений, связанных с фабриками. Община подчас бесплатно отдавала помещения для небольших мастерских. Хозяевам таких предприятий выделялись кредиты, причем беспроцентные, и дотации. Во многих мастерских, принадлежавших членам общины, обрабатывалось сырье для фабрики Гучкова, а главное, производились готовые изделия из тканей гуч-

ковской фабрики. Изготовленные шали и прочий товар продавались торговым домом Гучкова /17/.

Росту состояния Гучкова способствовала и строгая дисциплина среди рабочих фабрики, отсутствие проявлений рабочего протеста /18/. Подавляющее большинство занятых на гучковской фабрике, в том числе все квалифицированные опытные рабочие и все служащие, также принадлежали к федосеевской общине.

Это были крепостные крестьяне, выкупленные Ф.А.Гучковым на волю (иногда он выкупал целыми группами) /19/ с условием перехода в беспоповщину федосеевского толка. Много оставалось на фабрике беглых, укрывавшихся руководителями Преображенского кладбища. Жители окрестных деревень, в большинстве своем занимавшихся отхожими промыслами, также составляли значительную часть рабочих.

Некоторые из них перекрестились, попав в общину (беглые и бывшие крепостные). Другие перешли в «древнюю веру» уже на фабрике, где имела должность экономки, главной обязанностью которой являлось обращение фабричных работников обоим пола /20/.

Почти все рабочие фабрики (все федосеевцы) (800 из 946 в 1843 г.) жили в домах, принадлежавших Гучкову и числились в полицейском управлении как «жильцы» /21/. Молился фабричный люд в молельных домах, созданных Гучковым и другими фабрикантами в тех же зданиях, где находились жилые помещения.

В 1830-1840 гг. старое поколение мануфактуристов, основателей своих заведений, стали терять могущество с введением новых импортных машин, применением новых технологий на более «молодых», также старообрядческих фабриках. Экономическая мощь многих «преображенцев» была подорвана. Сыграло здесь определенную роль и то, что в соответствии с требованиями веры, федосеевцы отвергали браки и наследование. Постаревшим Алексею Никифорову, Григорию Матвееву и др. некому было передать свое дело, дела на их фабриках шли хуже и хуже, они находились на грани разорения.

Гучков же еще до «покаяния» был женат и имел двух сыновей. Ефим и Иван Гучковы уже с 1825 г. управляли фабрикой отца, способствовали ее модернизации. Причем Ефим приобретал все большее влияние, не являясь членом общины, Е.Ф. Гучков воздействовал на решения Совета через отца, зависимых от Гучковых руководителей федосеевцев и распоряжался средствами Преображенского кладбища /22/. Именно он наследовал энергию, деловые качества и таланты своего отца. Когда, в период репрессий против старообрядчества, Ф.А.Гучкова в конце 1840-х гг. сослали в Петрозаводск, братья Гучковы и юридически встали во главе дела. Ефим стал членом общины и Совета ее попечителей — это было необходимо для дела.

После выделения части наследства отца младшему брату, Е.Ф.Гучков, получивший фабрику и большую часть торгового дела, основал торговый дом «Ефим Федорович Гучков» /23/.

Под воздействием преследований со стороны властей и в результате кризиса федосеевщины, многие крупные купцы, в том числе братья Гучковы, перешли в поморскую общину Древнего согласия. Эта община признавала браки, наследование и приняла все государственные порядки. Восстановлено было и моление за царя. При этом Е.Ф. Гучков продолжал пользоваться выполнением в Преображенском богаделенном доме и даже распоряжаться

деньгами его общины. Связано это было с тем, что многие члены руководства Преображенского кладбища находились в тесной связи с гучковским производством и торговлей и фактически зависели от Ефима Гучкова.

Несмотря на переход в Древнее согласие Е.Ф.Гучков продолжал, как и его отец, активно использовать федосеевскую веру в отношениях с рабочими. На фабрике и в своих домах он организовал (часть — еще в начале 1840-х гг., до выхода из Преображенской общины) несколько моленных домов для рабочих. Богослужение в моленных вели рабочие и служащие фабрики, а по праздникам — главный проповедник федосеевского толка Егор Гаврилов, активно использовавший эсхатологические аспекты староверия /24/.

Возрождая идеи С.С.Пусина, Гаврилов проповедовал необходимость неучастия рабочих в делах «антихристового мира», окружавшего их. Близкий, в соответствии с концепцией Е.Гаврилова, конец света должен был привлечь внимание рабочих к вопросам веры, заставив их соблюдать «нормы и традиции» истинно древнего вероучения, в том числе безбрачия, подчинения авторитету старшего и наставников и т.д.

Но сам Е.Ф.Гучков, как и его брат, по свидетельству современников, уже не соблюдали всех норм старообрядчества. Одевались они по европейской моде, посещали клубы, курили, употребляли алкогольные напитки, не чужды были интереса к прекрасному полу. Правда, за свои «прегрешения» они исправно платили штрафы «наставникам».

Оба брата имели большие семьи, особенно Иван, у которого было 5 сыновей и три дочери /25/. Гучковы дали детям хорошее образование. Данных об образовании самих Ефима и Ивана Гучковых не имеется, но П.И.Липранди, лучший специалист Министерства внутренних дел по старообрядчеству, назвал в 1853 г. братьев Гучковых образованными людьми. По информации Липранди, к которому стекались все сведения о «раскольниках» и сектантах, Гучковы были знакомы с 1840-х гг. со многими славянофилами и участвовали в диспутах с ними во время частных бесед /26/.

Развитие российского общества и внутренний кризис федосеевщины и некоторых беспоповщинских общин привел и к тому, что в середине XIX в. Преображенское кладбище зачахло. Этому способствовали и меры правительства. «Раскольникам» запрещалось владеть недвижимой собственностью, фабриками, торговыми фирмами. В декабре 1853 г. братья Гучковы, вместе с многими другими купцами, перешли в так называемую Единоверческую церковь, написав в своем заявлении, что их старая вера «не согласуется с коренными правилами государственного благоустройства» /27/.

Урегулировав, таким образом, отношения с властями, Е.Ф.Гучков активно занялся общественно-деятельностью. Он дважды, в 1857 и 1859 гг., избирался городским головой /28/.

После его смерти 29 сентября 1859 г. его сыновья Иван, Николай и Федор наследовали дело. Фирма стала называться «Ефима Гучкова сыновья». Наиболее активно занимался делами Федор и Иван Ефимовичи. В 1896 г. Гучковы закрыли фабрику, но торговое дело не бросили /29/. Дети Николая Ефимовича, умершего в 1884 г., Николай, Василий, Вера и сын Федора Ефимовича — Федор — предпринимательство оставили. Но сам Ф.Е.Гучков являлся директором торгового дома «Ефима Гучкова сы-

новья». Сыновья его брата Ивана (умер в 1904 г.) — Николай, Федор, Александр и Константин, входили в состав правления /30/.

Ф.Е. и И.Е.Гучковы участвовали в работе Московского биржевого общества и постоянно избирались членами Московского биржевого комитета (до 1903 г.) /31/.

Через два года после смерти Федора Ефимовича, умершего в 1909 г., торговая фирма была ликвидирована. Федор и Константин отошли от предпринимательства. Федор занялся политической деятельностью, стал членом Московского ЦК партии «Союз 17 Октября» /32/.

Продолжателем торгово-промышленных традиций Гучковых стал Н.И.Гучков. Кроме участия в родовом торговом доме, он уже в 1900 г. являлся директором Товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья» /33/. В 1897 г. он впервые выдвигался кандидатом в члены МБК, вместе с отцом и дядей, и не прошел, но позже все же избирался в МБК /34/. К 1914 г. Н.И.Гучков участвовал в руководстве шести предприятий, в том числе Санктпетербургского международного банка, Нижегородско-Самаринского банка, Северного страхового общества, частного коммерческого банка и др. /35/.

Как многие предприниматели того времени, Н.И.Гучков после завершения высшего образования, одновременно с торгово-промышленной деятельностью, находился с 1887 г. на государственной службе. В 1907 г. он получил чин действительного статского советника на посту Почетного мирового судьи Московского столичного округа и члена Совета Московской глазной больницы. К 1912 г. он был награжден орденами св. Анны III степени, св. Владимира III степени, св. Станислава I степени и высочайшей благодарностью, а также медалями, в том числе за участие во Всероссийской переписи населения 1897 г. /36/.

С 90-х гг. XIX в. Н.И.Гучков избирался гласным Московской городской думы, а 7 лет (с 1906 по 1913) занимал должность городского головы. По отзывам современников он «очень много сделал для своего города: при нем городское хозяйство стало на тот широкий путь, который сделал Московское городское управление первым по всей России» /37/. За развитие связей Москвы и Бухары Н.И.Гучков был награжден в 1912 г. орденом Бухарской золотой звезды с алмазами /38/. Николай Иванович относил себя к свободомыслящим людям своего времени. Он активно участвовал в земских и городских съездах 1904-1905 гг., в либеральном движении /39/.

После 1913 г. Н.И.Гучков посвятил себя одному лишь торгово-промышленному делу и работе в различных организациях промышленников и торговцев. В 1914-1917 гг., в период Первой мировой войны, он возглавлял Хлопчатобумажный комитет, организуя поставки для нужд фронта /40/.

Последним ярким и наиболее известным представителем династии Гучковых является Александр Иванович Гучков. Он родился в 1862 г. в московском Лефортове. Окончив гимназию, поехал учиться в Германию и в 1881 г. вернулся на последний курс историко-филологического факультета Московского университета. Затем снова вернулся в Германию в Берлинский и Гейдельбергский университеты, где изучал философию и историю Древней Греции и участвовал в студенческих дуэлях /41/. В 1886 г. Гучков сделал выбор в пользу гражданской службы, оставив научную стезю. Он работал мировым судьей (1886-1892), чиновником по продовольствию и благотвори-

тельности при нижегородском губернаторе. С 1893 г. Гучков уже в Москве — в городской управе. Активность и инициатива позволили ему в 1896 г. исполнять обязанности городского головы. В 1897 г. Александра Ивановича избрали гласным городской Думы. Он был награжден орденами св. Анны III степени и св. Станислава II степени /42/.

Но служба не занимала все полигоны Гучкова. В 1897 г. он записался офицером в казачью сотню охранной стражи КВЖД, в Маньчжурии. Вернувшись в Москву, А.И.Гучков в 1900 г. уехал с братом Федором на Бурскую войну, где был ранен. В 1905 г. Гучков, находясь на Дальнем Востоке, остался в Мукдене после занятия его японцами, чтобы следить за исполнением международных соглашений о передаче раненых пленных.

Оказавшись в мае 1905 г. в Москве, Гучков был встречен рукоплесканиями членов Думы. Он активно включился в политические процессы и стал одним из организаторов партии «Союз 17 Октября».

Его общественно-политическая деятельность получила широкое освещение в литературе. Гучков — либерал, октябрист; Гучков — деятель, а затем и председатель Государственной Думы, Гучков — фрондер, бросающий обвинение царским сановникам и Гучков — военный и морской министр Временного правительства, председатель Центрального Военно-промышленного комитета (с I съезда ЦВПК в 1915 г.), является объектом анализа многих исторических монографий и статей в академических и популярных журналах, но семейные традиции нашли свой отклик и в его деятельности. Хотя в московских торгово-промышленных кругах А.И.Гучкова считали «политиком» /43/, он и после ликвидации торгового дома Гучковых не прекращал и предпринимательства, как директор правления крупнейшего в стране страхового общества «Россия», управляющий Московского учетного и ссудного банка /44/ и др. А.И.Гучков не наследовал предпринимательского таланта своих предков, современники отмечали его «неделовитость» /45/. Но несмотря на то, что энергия Гучкова поглощалась сферой политики, Александр Иванович, благодаря своему участию в работе ряда предприятий, смог купить дом с землей в Петербурге на Фуришадской, 36, сделать другие приобретения /46/.

После Октябрьской революции и гражданской войны А.И.Гучков в 1920 г. поселился со своей женой и дочерью в Париже, мечтал о возвращении в Россию. 14 февраля 1936 г. А.И.Гучков умер. На кладбище Пер-Лашез окончилась 250-летняя история рода Гучковых.

Примечания

1. Русское православие: веки истории.— М.: 1989 г., с. 568.
2. Рындзюнский П.Г. Старообрядческие организации в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории Московской общины федосеевцев в 40-х гг. XIX в.). Вопросы истории, религии и атеизма.— М., 1950, с. 191.
3. Там же.
4. Предания о московских беспоповщинцах Федосеевцев. История Преображенского кладбища (сборник правительственных сведений о раскольниках) сост. В.Кельсиев.— Лондон, 1860. Вып. I, с. 6.
5. Рустик О. Старообрядческое Преображенское кладбище (как накапливались капиталы в Москве). Борьба классов.— 1934. № 7-8, с. 74.
6. Проворихина А.О. Московское старообрядчество. Москва в ее прошлом и настоящем.— М., 1916. Вып. XII, с. 55.
7. Рустик О. Старообрядческое... С. 71.
8. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая.— М., 1990, с. 177.
9. Щукин П.И. Воспоминания.— М., 1912. Ч. III, с. 13.
10. Рустик О. Старообрядческое... С. 72.
11. Рындзюнский П.Г. Старообрядческие... С. 203.
12. Предания... С. 71.
13. Предания... С. 70-71.
14. Проворихина А.О. Московское... С. 60.
15. Рындзюнский П.Г. Старообрядческие... С. 203.
16. Рустик О. Старообрядческое... С. 72, 76.
17. Рындзюнский П.Г. Старообрядческие... С. 207.
18. Рындзюнский П.Г. Старообрядческие... С. 196.
19. Рустик О. Старообрядческое... С. 78.
20. Рустик О. Старообрядческое... С. 72.
21. Рындзюнский П.Г. Старообрядческие... С. 204.
22. Рындзюнский П.Г. Старообрядческие... С. 203, 204.
23. Бурыйшкин П.А. Москва... С. 177.
24. Рындзюнский П.Г. Старообрядческие... С. 217, 218, 236-238.
25. Щукин П.И. Воспоминания. С. 13.
26. Липранди /П.И./. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении.//Сборник правительственных сведений...— Вып. II, с. 167.
27. Рындзюнский П.Г. Старообрядческая... С. 246.
28. Щукин П.И. Воспоминания. С. 13.
29. Бурыйшкин П.А. Москва... С. 177.
30. ЦГИА г. Москвы.— Ф. 143. Оп. 1. Д. 245, л. 11, 61; Д. 203, л. 1.
31. ЦГИА г. Москвы.— Ф. 143. Оп. 1. Д. 203, л. 17, 23, 30.
32. ЦГАОР СССР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 6, л. 2.
33. ЦГИА г. Москвы.— Ф. 143. Оп. 1. Д. 203, л. 5.
34. ЦГИА г. Москвы.— Ф. 143. Оп. 1. Д. 203, л. 23.
35. Бурыйшкин П.А. Москва... С. 178; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в., 1914 г.).— М., 1992. С.203 и др.
36. Список гражданским чинам первых четырех классов. Чины четвертого класса.— П.Г., 1915. С. 1635.
37. Мимоков П.Н. Воспоминания (1859-1917).— М., 1990. Ч. II, с. 400; Бурыйшкин П.А. Москва... С. 178.
38. Список гражданским чинам... С. 1635.
39. Мимоков П.Н. Воспоминания... Ч. II, с. 400.
40. Бурыйшкин П.А. Москва... С. 178.
41. Мимоков П.Н. Воспоминания... Ч. I, с. 138.
42. Политическая история России в партиях и лицах.— М., 1993, с. 281.
43. Бурыйшкин П.А. Москва... С. 177
44. ЦГИА г. Москвы.— Ф. 143. Оп. 1. Д. 245, л. 8; Страховая справочная книга (сооб. Шварцман И.Л.).— Тула, 1913. С. 669.
45. Аврех А.Я. Распад третьионийской системы.— М., 1985. С. 243-244.
46. Боханов А.Н. Крупная... С. 236.

Ершова О.П.

Развитие законодательной системы в области раскола в 50-60-е годы XIX в.

Положение граждан в государстве, их взаимоотношения, права и обязанности регулируются законом. Однако в России правовая система была развита крайне слабо: после Соборного уложения 1649 г. до первой половины XIX века российское законодательство не подвергалось общей систематизации. Хотя при Екатерине II и Александре I кодификационная работа велась достаточно активно (было создано последовательно 10 комиссий), но результатов она не имела.

К началу XIX в. неразбериха в законодательстве дошла до предела /1/. Для того чтобы завершить дело составления свода отечественных законов, по указу Николая I в 1826 г. было создано Второе Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии /2/. Работу по систематизации законодательства возглавил видный государственный деятель, недавно возвращенный из ссылки, М.М.Сперанский.

Николай I, понимая, что это единственный человек, способный довести труд до конца, не доверил ему, однако, официальное руководство Вторым Отделением, которое было возложено на М.А.Балуцкого /3/.

Свод законов Российской империи был издан в 1832 году в 15-ти томах. Сюда вошли законы, принятые после создания Соборного уложения 1649 г., но не позднее 1 января 1832 года.

Официально Свод законов Российской империи вступил в действие 1 января 1835 года и подчинение ему было обязательным для всех подданных, проживающих на территории страны. Законоположения, принятые после 1 января 1832 года, помещались в Приложениях, которые издавались ежегодно.

Второе издание свода было осуществлено в 1842 году и последнее, третье, в 1857 году. Соответственно с момента выхода в свет, свода законов 1842 и 1857 гг. вступали в силу, официально отменяя действие предшествующих сводов. В дальнейшем предпринимались официальные и неофициальные издания, но уже не полного свода законов Российской империи, а отдельных его частей.

Составной частью кодификационной работы первой половины XIX в. явилось приведение в соответствующий порядок законодательства о старообрядцах, необходимость в систематизации которого была очевидна: с XVII в. в этой области накопился значительный актовый материал.

Основная часть законов данного направления вошла в третий раздел Устава о предупреждении и пресечении преступлений (XIV т. свода), который назывался так: «О предупреждении и пресечении распространения расколов и ересей между православными» /4/.

Данный раздел законодательства относился к уголов-

ному праву.

Рассмотрим более подробно статьи интересующего нас третьего раздела Устава о предупреждении и пресечении преступлений и сгруппируем их таким образом, чтобы можно было выделить основные направления законодательной деятельности правительства в отношении старообрядчества.

Основой их взаимоотношений с государством должна была стать первая статья раздела, которая гласит, что раскольники не преследуются за мнение их о вере, но им запрещается совращать и склонять кого-либо в раскол, «чинить какие-либо дерзости противу православной церкви» или священнослужителей и вообще уклоняться от законных правил. (Впервые закон был принят 17 июня 1667 года. Эта статья без изменений вошла во все три свода: за 1832 г.— ст. 46 /5/, за 1842 г.— ст. 60 /6/, за 1857 г.— ст. 60 /7/). Положение, сформулированное таким образом, являясь основой взаимоотношений государства и старообрядцев, синтезирует в себе всю ту двойственность и неопределенность, которая была свойственна в целом политике государства в этом вопросе. В законе не раскрыто, какой смысл вкладывается в понятия «совращать и склонять в раскол» (любая беседа может трактоваться как попытка склонить собеседника в свою веру) или «чинить дерзости противу православной церкви», а тем более «уклоняться от общих правил благоустройства», что не только предоставляло возможность трактовать достаточно широко закон, но и лишало его практического значения: право придерживаться своего мнения о вере сводилось к тому, что человек не имел возможности каким-либо образом проявлять свою приверженность этой вере, что само по себе является абсурдом.

Остальные статьи, касающиеся раскольников, можно объединить в несколько групп, первая из которых посвящена организации старообрядческой церковной жизни. Закон, запрещающий раскольникам основывать скиты, обители или что-либо подобное, был принят 13 мая 1745 года (ст. 47 по Своду 1832 г. /8/, ст. 61 — по Своду 1842 г. /9/ и ст. 61 по Своду 1857 г. /10/). А 7 ноября 1817 года было принято постановление, запрещающее раскольникам строить для своих нужд церкви, часовни и молитвенные дома. Дополнено оно было 17 сентября 1826 г., когда разрешено было без изменений оставить здания, построенные до этой даты, но впредь не разрешалось не только строительство, но и переделка или возобновление старых зданий (ст. 48 по Своду 1832 г. /11/, ст. 62 по Своду 1842 /12/ и ст. 62 по Своду 1857 г. /13/).

К этой же группе следует отнести ст. 52 свода законов 1832 г. (ст. 68 по Своду 1842 и 1857 гг.) /14/, в которой речь шла о раскольнических священниках. Под угрозой обращения с ними как с бродягами, им запрещались ка-

кие-либо передвижения не только из губернии в губернию, но даже из уезда в уезд, с целью исправления треб. Закон был принят 24 мая 1827 г., двойственность его также очевидна: передвижение старообрядческих священников способствовало, без сомнения, распространению раскола, что и преследовалось. Но допускалось само их существование, следовательно, поповцам (речь шла, видимо, о них, т.к. у беспоповцев, отвергающих церковную иерархию, были наставники и учителя, выбранные из членов общины) необходимо было проявить определенную проворность, переманить к себе православного священника, что было не просто, но возможно, и находиться при этом под охраной закона.

В отношении старообрядческих книг ситуация была сходной: законом 1818 года их не разрешалось печатать, продавать и ввозить из-за границы /15/. Но допускалось печатать книги, сходные со старообрядческими, в специальной московской типографии. Однако закон не оговаривал признаки схождения. Так как старообрядцы не признавали новшеств в религиозной жизни, речь, вероятно всего, шла о соответствующем оформлении и использовании шрифта, принятых на Руси до реформ патриарха Никона.

Тем самым, законом допускалось существование у раскольников и специальной литературы, и священников, но делались оговорки и ограничения, как правило, не достаточно определенные и логичные.

Вторая группа статей касалась уже не столько самих раскольников, сколько тех органов, которые занимались расколом на местах. Речь идет о ведении метрических книг и о действиях, которые предписывались духовным и гражданским властям в отношении старообрядцев.

До 1839 года метрические книги вели раскольнические священники, представляя ежегодно ведомости гражданскому начальству /16/. 9 мая 1839 г. был принят закон, согласно которому вести именные списки о рождающихся и умирающих раскольниках вменялось в обязанность местной полиции (соответственно городской, земской или местной). Она же занималась учетом численности раскольников и ведомости подавались ежегодно гражданскому начальству /17/.

В марте 1841 года становится законом система, призванная следить за состоянием раскола на местах /18/. В ней имеет смысл выделить две ступени: на нижней главная роль отводилась духовной власти, на верхней — гражданскому начальству. О состоянии раскола на местах священники доносили епархиальному Преосвященному, описывая свои действия и получая от Преосвященного наставления в «сем важном предмете служения его». Если же возникала угроза к «внешним оказательствам ереси и к действиям, могущим производить соблазн», а также оскорбления в адрес церкви, то в свои обязанности должны были вступать местные губернские власти. В статье, однако, не оговаривается, какой характер могут носить действия гражданского начальства, что и позволяло осуществлять мероприятия далеко не мирным путем.

В следующей затем статье речь идет, по существу, об этом же предмете, разница лишь в том, что ст. 74 трактуется о действиях в отношении раскольников, а ст. 75 — в отношении православных, совратившихся в раскол /18/. К последним власти относились всегда с большим вниманием, т.к. существовала возможность вернуть их в лоно православной церкви, их отличали от раскольников по рождению. Схема действий сохранялась: вначале с на-

ставлениями и увещаниями выступали местные священники, если возникала необходимость, их вызывали в духовное правление или консисторию. Вернувшиеся в православие не подвергались преследованиям, о тех же, для кого эти меры оказывались безрезультатными, сообщалось гражданскому начальству, т.е. они попадали под бдительное око полиции.

В третьей группе можно объединить статьи, которые носили откровенно дискриминационный характер. Статья 78 /19/ содержит требование, чтобы выбранные к общественным должностям лица предварительно давали подписки в том, что они не принадлежат ни к одной из раскольнических сект. Закон был принят 31 декабря 1842 года.

Согласно 81-й статье /20/ запрещалось приписываться к городским обществам в Бессарабской области и в пограничных Западных губерниях раскольникам всех сект и согласий.

Российская законодательная система предусматривала не только предупреждение и пресечение преступлений но и наказание за них. Более того, исследователи считают, что систематизация законов в области уголовного права пошла дальше, чем в других областях /21/. Итогом явилось издание 15 августа 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Проект Уложения был утвержден указом императора и введен в действие 1 мая 1846 года. В 1857 году Уложение было внесено в XV том Свода законов.

Отделение о «ересях и расколах» вошло во второй отдел Уложения, который назывался «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений».

По существу, статьи Уложения о наказаниях, касающиеся старообрядцев, явились продолжением тех, которые составляли Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Разница между ними лишь в том, что одни носили запретительный характер, а другие определяли меру наказания за свершенное преступление.

Самое строгое наказание налагала статья 206, согласно которой, виновных в распространении существующих старообрядческих и сектантских учений, а также в заведении новых сект приговаривали к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение. В отношении совратившихся предусматривалось только увещание и вразумление духовным начальством /22/. Так как сам факт совращения в раскол не считался по закону преступлением, преследовались лишь его распространители, то о действиях в отношении православных, перешедших в старообрядчество или секты, речь шла в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений (ст. 75) /23/.

Ссылка в Закавказский край или в отдаленные места Сибири становилась безвозвратной, если совращение в раскол было повторным (ст. 213) /24/.

Денежному взысканию подвергались лица, изблеченные в издании старопечатных книг не в московской синодальной или единоверческой типографии, а также изблеченные в продаже, распространении или приобретении раскольничьих книг. Штраф возрастал по мере количества изблечений. Изблеченные три раза подвергались заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев (ст. 214) /25/. Тюремному заключению на срок от одного года до двух лет подвергались раскольники, уличенные в заведении раскольничьих скитов, в построении новых или починке старых зданий для службы и

моления по раскольничьим обрядам, за устройство престолов в существующих уже часовнях и за обращение крестьянских изб в публичные моельни (ст. 215) /26/.

Таким образом, законодательство в отношении старообрядцев являлось отражением той позиции официальных органов, которая была доминирующей в указанный период. Напомним, что раскол рассматривался правительством как временное зло в государстве, подлежащее уничтожению. Соответственно и правовая система носила ограничительно-запретительный и карающий характер. Сам факт вхождения данных юридических норм в уголовное законодательство явился следствием того, что старообрядчество в России было гонимой религией.

В этом, видимо, состояла основная слабость правовой системы: она была оторвана от реальности, рассматривая старообрядцев, главным образом, как преступников. Хотя согласно первой статье раздела раскольники и не последовали за свои убеждения, но ей противоречили остальные статьи, ограничивающие тем или иным образом деятельность староверов.

Между тем, численность приверженцев раскола, распространенность его по территории страны, убеждают в том, что это было далеко не временное зло, а реально существующее явление.

Если сравнить три Свода законов (1832, 1842 и 1857 годов), последовательно имеющих законодательную силу в России, то станет очевидным, что государство со второй четверти XIX в. постепенно, но неуклонно пыталось взять этот вопрос под свой контроль, усиливая полицейскую функцию. В связи с этим были отменены права, дарованные раскольникам Екатериной II (это касается строительства молитвенных домов, запретов в отношении старообрядческой литературы, передвижения старообрядческих священников и т.д.). Однако неэффективность вновь принимаемых законов была, видимо, предопределена тем, что они не учитывали сложившейся к этому времени ситуации. На протяжении нескольких десятилетий, пока раскольники пользовались определенными правами, выросло поколение, воспитанное на терпимом к себе отношении. За этот период было построено значительное количество старообрядческих скитов, часовен, молитвенных домов, которые невозможно было ликвидировать единовременным актом. Несмотря на запрет строительства новых зданий подобного типа, старые продолжали удовлетворять потребности старообрядческого населения.

В России традиционно светские власти проявляли повышенное внимание к вопросам, связанным с религией и церковью. При изучении законодательной системы складывается впечатление, что они испытывали зачастую панический страх перед какими-либо неурядицами в этой области. Подтверждением тому является и схема, которой придерживались составители Устава о предупреждении и пресечении преступлений и Уложения о наказаниях.

Первый раздел посвящен вопросам предупреждения и пресечения преступлений против веры; второй — общественного порядка и учреждений правительства; третий — беспорядков при публичных собраниях, увеселениях и т.д.; четвертый — личной безопасности. Приоритет вопросов вероисповеданий несомненен, ему уступали все остальные, касающиеся общественной жизни.

И все-таки, при том, что государство придавало столь большое значение вопросам веры, законодательство в

отношении старообрядцев продолжало оставаться слабо разработанным, противоречивым, не учитывающим существующего положения, с расплывчатыми формулировками.

Главная причина сложившейся ситуации заключена, видимо, в том, что при действующей в России политической системе (наличие самодержавной власти, не ограниченной Конституцией) законодательство было не в состоянии в полной мере осуществлять предписанную ему функцию.

Положение усугублялось наличием разветвленной бюрократии, позволяющей себе достаточно вольное обращение с законами. Подтверждается это следующим фактом: в 1854 г., когда готовилось продолжение свода законов, главноуправляющий II Отделением собственной Е.И.В. Канцелярии сделал запрос в Особый Секретный Комитет по делам раскола относительно постановлений по данному ведомству. Был дан ответ, что нет надобности вносить их в Свод законов, так как принятая система в отношении к раскольникам должна оставаться «до времени Государственной тайною». Кроме того, Комитет, вдохновленный переходом части раскольников в православие, надеялся, что, «может быть надобность в некоторых мерах прекратится, таким образом, сама собой» /27/.

В этом документе обращает на себя внимание то, что люди, по долгу службы призванные заниматься расколом, обнаруживали некомпетентность в данном вопросе, выражая надежду на то, что в результате определенных действий, раскол может прекратить свое существование. Рассмотренное выше законодательство, сложившееся в 50-е годы XIX в., не оставалось неизменным. Новые законы в отношении старообрядцев принимались на протяжении второй половины XIX в., изменяя тем или иным образом действующую систему.

Как уже упоминалось, последнее издание свода законов Российской империи было подготовлено и осуществлено в 1857 году. Поэтому источником для анализа законодательства 60-х гг. служат постановления, вошедшие во Второе Полное собрание законов Российской империи.

Хронологически принятие законодательных актов, касающихся положения старообрядцев, было ограничено четырьмя годами — с 1863 по 1866 гг. Создается впечатление, что в начале и в конце десятилетия вопрос о расколе вообще не стоял на повестке дня. Можно предположить, что в начале 60-х годов внимание правительственных кругов было сосредоточено на решении крестьянского вопроса, на фоне которого проблема раскольников несколько теряла свою актуальность. Однако все более активизирующееся общественное мнение, а также поведение старообрядцев во время событий 1863 г., когда они проявляли патриотические настроения, делали невозможным игнорирование беспорядочного положения в церковной и гражданской жизни столь значительной части подданных Российского государства. Поэтому правительство было вынуждено решать некоторые вопросы в этой области.

К 1866 г. возможности действовать в духе реформ были исчерпаны, чему способствовало наступление реакции во внутренней политике, и до середины 70-х годов XIX в. в отношении старообрядцев правительством не принимались какие-либо значительные решения.

В 60-е годы одним из главных стал вопрос об упорядочении деятельности административных органов в отно-

шении старообрядцев. С этой целью в 1863 г. было принято два постановления относительно освидетельствования тел умерших раскольников. Первое, от 26 апреля за № 39547 /28/ касалось раскольников, проживающих в селениях крестьян временнообязанных и собственников; второе, от 4 октября за № 40094 /29/ — селений ведомства государственных имуществ.

Суть дела состояла в том, что еще в 1838 г. было принято постановление, согласно которому хоронить раскольников можно было только после освидетельствования тел полицией городской или сельской. Нетрудно предположить, что сразу же появились злоупотребления со стороны полиции, т.к. уже год спустя Высочайшим повелением было сделано разъяснение, что освидетельствование должно состоять в простом осмотре, нет ли следов насильственной смерти, в случае чего предписывалось проводить расследование. Однако ситуация для старообрядцев не улучшилась, потому что со временем право освидетельствования тел умерших раскольников (что было, видимо, весьма доходно) присвоила себе земская полиция. В результате этого возникли «многосторонние неудобства и злоупотребления» /30/. Постановления № 39547 и № 40094 предписывали волостным и сельским начальствам «разрешать собственною властью и без всякого промедления предание земле тел раскольников». Препятствием могли служить только признаки насильственной смерти, лишь в этом случае необходимо было привлекать полицию, что соответствовало общим законам.

Данные постановления распространяли упорядоченную систему на все крестьянские сословия, делали ее единообразной, приближая к законному течению дел. Для положения старообрядцев это было, несомненно, положительным фактом, они освобождались от определенной части административного контроля.

В этом же году раскольникам были дарованы некоторые гражданские права. 29 ноября было принято постановление № 40334 /31/, разрешающее им быть избранными в общественные должности волостного и сельского управления государственных крестьян. До 1863 года раскольники вредных сект и вообще неприемлющие священства (т.е. все, кроме поповцев), этого права не имели, допустимо было лишь назначать их в полесовщики, десятские и сторожа. Отныне раскольники из государственных крестьян и временнообязанные могли быть избраны на общественные должности, за исключением городского головы и сельского старшины, хотя и оговаривалось, что предпочтение при выборах должно предоставляться православным. Это положение касалось Великороссийских и Западных губерний, где часть населения составляли православные, а другую раскольники. Еще более расширялись права старообрядцев в шести западных губерниях (Виленской, Витебской, Ковенской, Гродненской, Минской и Могилевской), где население состояло из раскольников и людей других вероисповеданий, кроме православного. Здесь крестьяне могли быть избраны во все сельские должности. В данном случае предпочтение отдавалось интересам государственной стабильности, даже в ущерб традиционной политике в области вероисповедания.

Таким образом, наделение раскольников гражданскими правами шло очень медленно, принимаемые меры оговаривали преимущества православного населения перед старообрядческим, так что можно говорить не

столько о наделении правами, сколько об уступках, которое делало правительство под влиянием сложившихся обстоятельств. Тем не менее, даже в таком урезанном виде, постановление имело, несомненно, положительную направленность, позволяя хотя бы части раскольников включаться в деятельность выборных органов.

Более радикально решался вопрос, когда речь шла о Западных губерниях. Здесь необходимо привести мнения двух высших чиновников относительно раскольников, населяющих эти губернии. Во-первых, мнение министра Государственных Имуществ, по записке которого готовилось данное постановление. Он считал, что необходимо еще больше расширять права старообрядцев в тех волостях, где «раскольники поселены среди враждебного России католического населения и неоднократно заявили свою неизменную преданность Правительству» /32/.

Второе мнение принадлежало главному начальнику Западных губерний. При обсуждении постановления, он заявил, что находит «означенную меру особенно полезною и необходимою в западном крае, где раскольники составляют русский элемент и неизменно преданы правительству» /33/.

Следовательно, в это время в правительственных кругах не только высказывались, но и находили поддержку мнения о том, что раскольники принадлежат к той части населения, которая не встанет при тех или иных условиях на путь предательства государственных интересов. Более того, правительство не просто доверяло им, но и делало их как бы проводниками своей политики в тех районах, где раскольники составляли единственный русскоязычный элемент. Это совершенно новый подход к проблеме старообрядчества со стороны официальных властей, но распространялся он лишь на часть раскольников, практически доказавших свою лояльность. Кроме того, здесь видится вынужденность такого подхода: западные области необходимо было укреплять любыми средствами, т.е. обстоятельства, продиктованные интересами политическими, сыграли решающую роль в изменении отношения к раскольникам. В других же частях страны оно не претерпело столь значительных перемен.

О том, насколько изменилась политика правительства за десять лет свидетельствует постановление от 27 декабря 1851 г. Оно было подготовлено министром внутренних дел и речь в нем шла о воспрещении раскольникам приписываться к городским обществам в Бессарабской области и Измаильском градоначальстве. Император, утверждая, приписал: «и не в которую из пограничных западных губерний...» /34/.

Этот указ аннулировал постановление, так же подписанное Николаем I, от 28 апреля 1850 г. /35/. Согласно этому постановлению, раскольникам менее вредных сект дозволялось переселяться в города западного края и причисляться в купцы и мещане, пользуясь льготами.

По времени разница между двумя постановлениями составляет чуть больше полутора лет, по содержанию они прямо противоположны. Это обстоятельство еще раз подтверждает мысль о невозможности создания развитой законодательной системы в условиях существования неограниченного самодержавия и о том, что политика в отношении раскольников могла принимать самые непредсказуемые повороты.

Возвращаясь к деятельности правительства в 60-е годы, подчеркнем, что определенная часть гражданских прав раскольников в этом время была возвращена.

В этот период русское общество все больше внимания уделяло развитию образования и народного просвещения. Существовало мнение, что именно просвещение способно содействовать снижению привлекательности раскола в глазах народа, уменьшить число его приверженцев, сократить количество уклоняющихся от православной церкви в старообрядчество.

В связи с этим был принят ряд законов, которые должны были содействовать развитию народного просвещения. Закон от 27 февраля 1866 г. № 43053 /36/ обязывал православное духовенство в проповедях и поучениях стараться располагать крестьян к грамотности и обучению. В семинариях отменялось преподавание медицины, сельского хозяйства, естественной истории и взамен вводилась педагогика, как предмет более необходимый при общении с прихожанами.

Закон № 43059 от 1 и 14 марта 1866 г. /37/ постановил увеличить средства из государственного казначейства для улучшения содержания духовно-учебных заведений, выделив пособие в 1 млн. 500 тыс. рублей.

Делу просвещения должны были служить и многочисленные братства, которые в это время создавались в крупных городах России. Деятельность этих братств находилась в компетенции духовного ведомства. Однако светские власти с самого начала встали на путь подчинения новых организаций своему контролю и 8 мая 1864 г. было утверждено императором положение Комитета министров «О правилах для учреждения Православных церковных братств» /38/. Среди прочих целей, которые ставили перед собою братства, были противодействие посягательствам на права Православной церкви со стороны раскольников, а также распространение и утверждение духовного просвещения.

Каждому братству предписывалось иметь свой устав, в котором оговаривались цели его создания, условия деятельности, обязанности членов. При этом не допускалось расширять сферу действия этих организаций сверх очерченного регламента, а также использовать такие «выскакания» или принудительные меры, которые могли бы исполняться лишь с содействия Правительственной власти. Утверждали устав и давали разрешение на учреждение братства епархиальный архиерей и начальник губернии.

Становится очевидным, что этим постановлением правительство ограничило деятельность новых организаций рамками благотворительности и просвещения среди раскольников, сразу же предотвратив превращение братств в органы с полицейскими функциями.

Вполне соответствовало духу времени изменение, сделанное в Своде законов постановлением № 40215 от 4 ноября 1863 года. Оно касалось статьи 75 /38/, в которой речь шла о порядке воздействия на православных, уклонившихся в раскол. Статья 75 предусматривала многоступенчатые назидания и увещания: вначале местными приходскими священниками, затем епархиальным начальством через тех же священников. Если меры оказывались безуспешными, то совратившихся вызывали в духовное правление или в консисторию, где, если это было необходимо, увещания проводил сам архиерей. Отдельно оговаривались меры воздействия и наказания в отношении совратителей.

Вся эта сложная схема действий в 1863 г. была отменена и отныне статья 75 звучала следующим образом: «Православные, в случае совращения в раскол, назидаются, по

усмотрению духовного начальства, в истинной вере и увещаются через местных священников, миссионеров или других лиц, назначаемых епархиальным начальством. Но такие увещания и назидания производятся без отлучения от места жительства и от обыкновенных трудов и занятий» /40/.

Можно предположить, что духовное воздействие со стороны клира на совратившихся было малоэффективным, хотя Синод провозглашал его основным методом борьбы с расколом. Более того, отлучение от обычных крестьянских забот, или вызов в город служили поводом для недовольства, озлобления совратившихся, способствуя усилению фанатизма. Цели, таким образом, достигались прямо противоположные тем, которые ставились.

Совсем отказываться от системы воздействия на раскольников правительство не могло, но совершенно правомерно она упрощалась и акцент делался на сохранение интересов самих совратившихся.

Рассмотренные законодательные акты позволяют сделать вывод о том, что реформаторская деятельность правительства, осуществляемая им в некоторых областях жизни русского общества, ни в коей мере не коснулась раскольников.

Несомненно положительным фактом является то, что принятые постановления не имели запретительного, ограничительного или, тем более, карающего характера. Все они были направлены на то, чтобы в той или иной степени облегчить положение раскольников. Однако значение их снижалось из-за того, что отсутствовала система, четкая линия в проводимой политике. Поэтому законодательные акты затрагивали частные вопросы, которые нельзя назвать самыми важными. Снижалось значение постановлений также и из-за условий, которые оговаривали их действие.

Влияние проводимой правительством крестьянской реформы сказывалось в том, что основная часть законодательных актов касалась положения раскольников-крестьян.

Однако, как уже отмечалось выше, правовая система в России была развита весьма слабо. И хотя, по замыслу М.М.Сперанского, в Полное собрание законов Российской империи должны были входить все законодательные постановления, это было далеко не так, особенно в отношении тех дел, которые считались секретными.

Неэффективность законодательной системы в отношении старообрядцев подтверждается тем, что ей в данном вопросе отводилась второстепенная функция. Даже когда речь шла о запрещении той или иной деятельности староверов, местные власти далеко не всегда апеллировали к законам. Тем более они не могли служить основой политики правительства в области раскола.

В XIX в. решающее значение приобретают специально разрабатываемые программы, составлением которых ведало, главным образом, Министерство внутренних дел. Именно этому учреждению предписано было заниматься делами о расколе, с целью его пресечения.

Примечания:

1. Чистяков О.И. Введение: Российское законодательство X-XX вв. в 9-и т.— М., 1988. Т. 6, с. 17.
2. Корево Н. Об издании законов Российской империи.— СПб., 1987. С. 1.

3. Чириков С.А. Великий русский реформатор.— М., 1989. С. 129-142.
4. Свод законов Российской империи.— 3-е изд. СПб., 1836. Т. 14, ч. 4, с. 189-361; Свод законов Российской империи.— СПб., 1842. Т. 14, ч. 4, с. 1-112; Свод законов Российской империи.— СПб., 1857. Т.14, тетрадь 3, с. 1-201.
5. Свод законов Российской империи.— 3-е изд. СПб., 1836. Т. 14, с. 202.
6. Свод законов Российской империи.— СПб., 1842. Т. 14, с. 10.
7. Свод законов Российской империи.— СПб., 1857. Т. 14, с. 13.
8. Свод законов Российской империи.— 3-е изд. СПб., 1836, с. 202.
9. Свод законов Российской империи.— СПб., 1842. С. 11.
10. Свод законов Российской империи.— СПб., 1857. С. 14.
11. Свод законов Российской империи.— 3-е изд. СПб., 1836. Т. 14, с. 202.
12. Свод законов Российской империи.— СПб., 1842. С. 11.
13. Свод законов Российской империи.— СПб., 1857. С. 14.
14. Свод законов Российской империи.— 3-е изд. СПб., 1836. С.203.
- Свод законов Российской империи.— СПб., 1842. С. 11.
- Свод законов Российской империи.— СПб., 1857. С. 15.
15. Свод законов Российской империи.— СПб., 1836. Т. 14.— Ст. 49 и 50, с. 203; по изд. 1842 г. Ст. 65 и 66, с. 11; по изд. 1857 г.— Ст. 65 и 66, с.14.
16. Свод законов Российской империи.— СПб., 1836. Т. 14. Ст. 51, с. 203.
17. Свод законов Российской империи.— СПб., 1842. Т. 14, с. 11; 1857 г. С. 14.
18. Свод законов Российской империи.— СПб., 1842. Т. 14, с. 12; 1857 г. С. 15.
19. Свод законов Российской империи: В 15-ти тт.— СПб., 1857. Т. 14, с. 16.
20. Там же.— С. 17.
21. Клеандрова В.М. Введение к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных //Российское законодательство X-XX вв.: В 9-ти тт.— М., 1988. Т. 6, с. 160.
22. Российское законодательство X-XX вв.: В 9-ти тт.— М., 1988. Т. 6, с. 217.
23. Свод законов Российской империи: В 15-ти тт. СПб., 1842. Т. 14, с. 12.
24. Российское законодательство X-XX вв.: В 9-ти тт.— М., 1988. Т.6, с. 219.
25. Российское законодательство X-XX вв.: В 9-ти тт.— М., 1988. Т. 6, с. 219.
26. Там же.— С. 220.
27. Собрание постановлений по части раскола /Под ред. В.И.Кельсиева: В 2-х тт.— Лондон, 1863. Т. 1, вып. 2, с. 358-359.
28. Полное собрание законов Российской империи.— Собр. 2-е: В 55-ти тт.— СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1.
29. Там же.— Отд. 2, с. 88-89.
30. Там же.— Отд. 2, с. 88-89.
31. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е: в 55-и тт.— СПб., 1866. Т. 38. Отд. 2, с. 264-265.
32. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е: В 55-ти тт.— СПб., 1866. Т. 38. Отд. 2, с. 264-265.
33. Там же.— С. 265.
34. Собрание постановлений по части раскола. Под ред. В.И.Кельсиева: В 2-х тт.— Лондон, 1863. Т. 1, вып. 2, с. 384.
35. Там же.— С. 363.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: В 55-ти тт.— СПб., 1868. Т. 41. Отд. 1, с. 186-187.
37. Там же.— С. 192-193.
38. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: В 55-ти тт.— СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1, с. 409-410.
39. Свод законов Российской империи: В 55-ти тт.— СПб. 1842. Т. 14, с. 12.
40. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: В 55-ти тт.— СПб., 1866. Т. 38. Отд. 2, с. 164-165.

* * *

Осилов В.И.

Миссионерское противораскольничье братство Александра Невского

В конце 17 — первой половине 18 вв. на территории Калужской губернии сложились три старообрядческих центра: города Калуга, Боровск и Жиздра с уездами (1).

Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи, на территории Калужской губернии в 1897г. проживало 1132843 человека. Из них принадлежавших к официальному православию было 1085634 человека (95,83%), старообрядцев — 42598 человек (3,76%), представителей остальных вероисповеданий — 3613 человек (0,41%) (2). К 1910г. население Калужской губернии выросло до 1419949 человек. 90% населения исповедовало официальную православную веру. Старообрядцев и уклоняющихся от православной веры официально числилось около 50000 человек (3).

На протяжении всей второй половины 19 в. правительство и официальная церковь пробовали найти эффективный путь борьбы со старообрядчеством. Одним из таких путей было создание миссионерских обществ и церковных противораскольничьих братств. Основные правила для учреждения церковных братств были объявлены указом 31 июля 1864 г. по Духовному ведомству. Первое братство было открыто в 1865 г. в Саратове при Спасо-Преображенском монастыре (братство св.Креста). Вскоре аналогичные братства были открыты в других городах. Это братство св.Троицы в Златоустове (1868 г.), св.Гурия в Казани (1869 г.), св.Ангела Хранителя в Глазове (1869г.), св.Петра в Москве (1872 г.) и др.

Для борьбы со старообрядцами на территории Калужской губернии в последней четверти 19в. было открыто три православных противораскольничьих братства:

св.Иоанна Богослова в Калуге (1879 г.), св.Пафнутия в Боровске (1883 г.) и св.Александра Невского в Жиздре (1893 г.).

Деятельность братства св.Александра Невского еще не рассматривалась исследователями. Источниками для его изучения являются Отчеты братства за 1896-1906гг., отчеты и рапорты участковых миссионеров Жиздринского уезда и епархиального миссионера И.Жарова (4).

Братство св. Александра Невского вело работу на территории Жиздринского уезда Калужской губернии. Жиздринский уезд являлся самым большим в Калужской губернии как по территории, так и по численности населения. В 1897г. здесь проживало 246351 человек. По официальным данным, 13725 человек были старообрядцами (в том числе 40 человек в г.Жиздра) (5).

Когда появились первые старообрядцы и их скиты на территории Жиздринского уезда, сказать трудно. Но уже Дмитрий Ростовский в книге «Розыск о раскольничьей Брынской вере» (1709г.) называет в Брынских лесах до 20 раскольничьих скитов, которые поставляли расколоучителей в другие уезды России. Вот что он пишет: «Дышит брынская пустыня на Церковь Божию своею злобою, аки агнем, рыкает хулами, аки лев, пасется самопустошно, безпастырно, без законно, аки коза, а якои змий во Апокалипсисе виденном хободом своим отторже третью часть звезд небесных и поверже я на землю; аже брынская пустыня хвосты своя змиоподобныя, учителя (глаголю) змиоправные посылая во грады и веси, отторгает от церковнаго неба, яко звезды, души людей православных и повергает я во свою пропасть» (6).

Таблица 1. Численность старообрядцев Жиздринского уезда в 19в.

Год	г.Жиздра	Уезд	Всего	Источник
1820	57	2395	2452	ГАКО.Ф.32.Оп.19.Т.2. Д.1204.Л.75, 149-208.
1822	13	3860	3873	Там же. Д.1307. Л.238-239.
1833	70	3834	3904	
1843	73	2965	3038	Там же. Оп.3. Т.1.Д.34. Л.103-104.
1857	21	4649	4870	Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Калужская губерния. Ч.1.Спб., 1864.С.278,279.
1897	40	13685	13725	Первая всеобщая перепись. С.3.

Из таблицы 1 видно, что число старообрядцев за первую половину 19 в. практически не изменилось. В первую очередь, это было связано с репрессивной политикой

правительства Николая I. Но со второй половины 19в. численность старообрядцев в Жиздринском уезде значительно увеличивается и к 1897г. достигает 13725 человек.

До учреждения братства Александра Невского в Жизд-ре миссионерскую работу со старообрядцами проводило братство Иоанна Богослова, открывшее в уезде три своих отделения: Брынское, Колодязцкое и Плохинское. В 1887-1890 гг. миссионерскую работу в с.Брынь вел священник местного прихода А.П.Соколов. За это время он провел более 40 бесед, всего же в Брынском отделении было проведено 54 беседы, а в Колодязцком — 5 бесед (7).

Ввиду невозможности братству Иоанна Богослова ве-

сти в Жиздринском уезде постоянную работу со старообрядцами, по распоряжению епископа Калужского и Боровского Анатолия было учреждено 12 ноября 1893г. братство св.Александра Невского. Сведения, содержащиеся в Отчетах братства, носят поверхностный характер. Единой формы подачи отчетов отделений не существовало, многие отделения на протяжении ряда лет не подавали сведений о своей работе, как это было, например, с Колодязцким отделением (См. табл. 2).

Табл. 2. Подача Отчетов отделениями братства А.Невского.

Отделение	1899	1901	1902	1903	1904	1905
Брынское	+	+	+	+	+	+
Людиновское	—	+	+	—	—	—
Плохинское	+	+	+	+	+	+
Фоминицкое	+	+	+	+	—	—
Кондрыкинское	+	—	+	+	+	—
Колодязцкое	—	—	—	+	—	—
Песоченско—Заводское	—	—	—	—	—	—

Согласно Уставу Братства, членами его являлись все причты церквей Жиздринского уезда а также лица, вносящие годовой взнос (3 рубля). К 1898г. братство Александра Невского имело в Жиздринском уезде 7 отделений: Брынское, Людиновское, Плохинское, Фоминицкое, Кондрыкинское, Колодязцкое, Песоченско-Заводское и Уколецкое в Козельском уезде. (В Уколецком отделении миссионеры вели работу со штундистами, старообрядцев здесь не было).

Задача братства св. Александра Невского, так же как и других братств, состояла в искоренении предрассудков, суеверий у населения, возвращении на истинный путь заблудших и склонившихся в раскол.»

Для достижения этих целей братство вело работу по следующим направлениям: 1) публичные собеседования со старообрядцами; 2) содержание миссионеров из духовных и светских лиц и оказание им посильной материальной помощи; 3) открытие своих отделений в местностях, где распространено старообрядчество, 4) содержание библиотеки и оказание помощи школам.

Главной своей задачей миссионеры братства считали публичные собеседования со старообрядцами. С 1898 г. в Жиздре Совет братства состоял из председателя (священника городского собора А.Смирнова; он же исполнял должность казначея и библиотекаря), товарища председателя (И.П.Григорьева) и 6 членов. В воскресные и праздничные дни в соборном храме священник А.Соколов проводил религиозно-нравственные чтения для всех желающих (а не только для старообрядцев) с 6 до 9 часов вечера. Количество слушателей доходило до 300 человек, а иногда и до 600.

В самом городе беседы со старообрядцами не проводились, т.к. их здесь было немного (8). В 1888/89 гг. было проведено 20 бесед, а в 1901 г. в Брынском отделении — 18, в Плохинском отделении — 2, Кондрыкинском отделении — 8, а всего за год — 28. За 1902-1903гг. сведений нет. В 1904г. проведены 43 беседы в Жиздре, в Брынском отделении — 36 (из них 16 бесед были направлены про-

тив старообрядцев). В 1905г., по Отчетам братства, проходило 13 бесед, из них 10 провел миссионер священник А.Соколов и 3-участковый миссионер священник Л.Тверской.

Беседы епархиального и участковых миссионеров затрагивали вопросы обрядности, истинности старообрядческой церкви и т.д. В населенных пунктах, где старообрядцев проживало мало, миссионерские беседы проходили мирно. Там же, где старообрядцы составляли большинство, возникал спор с миссионером, переходивший в обоюдные обвинения в ереси и кончавшийся обычно скандалом. Так, участковые миссионеры Жиздринского уезда священник с.Бересны И.Добров и священник с.Боянович П.Казанский провели 26 ноября 1900г. беседу в с.Колодязцы, заселенном старообрядцами. Беседа закончилась спором. 10 декабря 1900г. они посетили Рессетинские Дворики, где в 40 дворах проживали старообрядцы. До них в этом селении миссионеров никогда не было. Беседа также не удалась (9).

Основная тяжесть работы со старообрядцами падала на епархиального миссионера, который два раза в год обязан был объезжать селения, «зараженные расколом», оказывать помощь местным священникам и сам общаться со старообрядцами. С этой целью в феврале 1901г. епархиальный миссионер И.Жаров объехал 10 селений Жиздринского уезда.

Каждая беседа длилась от 2 до 4 часов. С 13-26 января 1906г. он объехал 9 селений семи приходов, где провел 8 официальных бесед и 3 неофициальные (10). И.Жаров в своем отчете за 1899г. так характеризует отношение старообрядцев к этим мероприятиям. «Вся масса раскольников смотрит на беседы вообще как-то нелюбовно; идут на них почти всегда с неохотой, как будто-то бы отбывая очередь какой-нибудь тяжелой невыносимой для них повинности» (11).

После Манифеста 17 октября 1905г. и 17 апреля 1905г. работа епархиального и участковых миссионеров усложнилась, т.к. старообрядцы стали более активно отстаивать

свои религиозные взгляды. В Отчете братства за 1905-1906гг. отмечалось, что деятельность его за это время не отличалась чем-либо особенным. На чтениях в соборном храме г.Жиздры собиралось от 150 до 200 человек. Но «меньшее число слушателей бывает в те дни, когда одновременно с чтениями в соборе бывают чтения в устроенном близ собора народном доме, куда уходит молодежь,

более интересующаяся светским чтением и туманными картинками» (12).

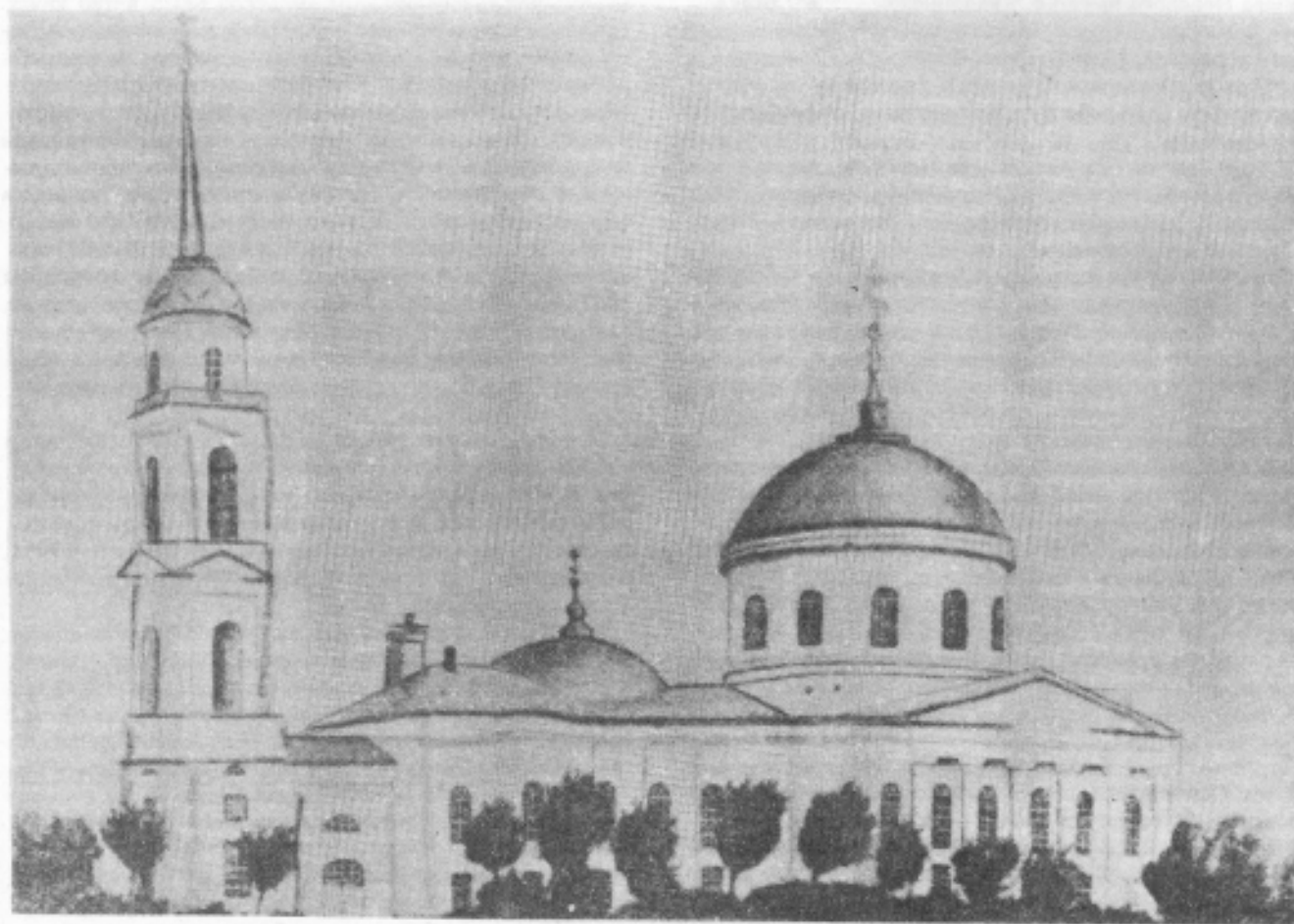
В Отчетах братства А.Невского очень мало сведений о присоединении к православной вере старообрядцев, и совсем не отмечаются случаи уклонения православных в старообрядчество. (По Отчетам братства, только в 1903г. в Плохинском отделении «уклонился в раскол» 1 человек).

Табл.3. Количество присоединенных из старообрядчества за 6 лет.

Отделение	1899	1901	1902	1903	1904	1905
г.Жиздра	—	1	—	—	—	—
Брынское	5	5(6)	3	11	7	—
Людиновское	1	—	—	—	—	—
Плохинское	5	3(4)	3	3	—	—
Фоминицкое	1	4	2	—	—	—
Кондрыкинское	3	—	3	4	2	—
Колодезяцкое	—	—	—	—	—	—
Итого:	15	13(15)	10	18	9	

Ежегодно из старообрядчества в официальное православие переходило в среднем 10 человек. Причины присоединения были самыми различными, например: один

из членов семьи, ранее находившийся в православии, в результате женитьбы или замужества был вынужден перейти в старообрядчество, но спустя некоторое время

Собор Александра Невского в г.Жиздре

возвращался к прежней вере.

Часто большой исцелялся у мощей православных святых. Так, в 1903г. в Брынском отделении была присоединена семья старообрядца Ефима Павловича Барановского. Это произошло после посещения им с больной женой обители Серафима Саровского и ее последующего выздоровления (13).

Братство постоянно пополняло свою библиотеку и уделяло внимание школам, расположенным в местах распространения старообрядчества. В 1901г. в библиотеке братства насчитывалось 135 книг, которыми воспользовались в этот год 48 человек. В этом же году в Людиновском отделении во время бесед было роздано около 600 книг и брошюр. Для библиотеки братство выписывало журналы «Миссионерское Обозрение», «Братское Слово», «Вера и Церковь». В 1899г. было выделено 50руб. на устройство школьного здания в старообрядческом селе Колодязцы, а в 1901г. — 10 руб. на школу в д.Валой Фоминического отделения. В этой деревне дети старообрядцев не учились, т.к. им это запретили старообрядческий священник Карп Тимофеев и уставщик Егор Иларионов. Их поддерживал председатель волостного суда старообрядец Емельян Жариков. Местный православный священник пробовал бороться со старообрядческим, но Карп Тимофеев дал понять ему, что дети не будут ходить в школу, пока он в ней не будет «законоучительствовать». При населении 2000 человек в школе было всего 7 учеников (4 раскольника, 3 православны) (14).

В своих отчетах миссионеры иногда говорили о том, что «раскол слабеет». (Например, отчет Фоминического отделения за 1903 — 1904 гг. (15). Жиздринский уездный исправник в рапорте от 30 марта 1906г. отмечал тот же факт: «Проблеск сознания о необходимости обучать своих детей грамоте... молодежь если держится старых заветов, то скорее лишь из-за страха к старикам. Движение раскола уже перестало идти вперед и случаев соращения раскольниками православных не было, равно не было и присоединения раскольников к православию. К местным властям и православному населению раскольники относятся с уважением и дружелюбно» (16).

Но эти рассуждения не были основаны на реальных фактах. Статистические данные по отделениям показывают, что количество старообрядцев оставалось почти неизменным. В Брынском отделении в 1901г. насчитывалось 2013 старообрядцев, в 1903г. — 1998 человек, в 1905г. — 2713 человек. В Плохинском отделении в 1901г. — 1426 человек, в 1903г. — 1671 человек, в 1905г. — 1671 человек.

После 1905г. наблюдается активизация деятельности старообрядческих общин. В 1907г. в Жиздринском уезде было зарегистрировано 7 новых общин, в 1908г. — 1, в 1910г. — 1, в 1913г. — 1, причем во всех общинах имелись священники и молитвенные дома. В 1916г. в уезде было 9 старообрядческих священников (17).

В 1914г. священник А.Азбукин делает следующий вывод: «Не назревает ли вопрос, что же теперь делать? Австрийское священство все увеличивается в числе, и проявляет

поползновение стать равночестным с православным.

Сколько на св.Руси семейств, где старoverы и православные живут под одною кровлею, обедают за одним столом, молятся на одни и те же св.иконы, а между тем чем-то разделены.

Близок ли тот день, когда падет эта перегородка и все соединится воедино?» (18).

Таким образом, можно заключить, что после 1905г. активность братства св. А.Невского заметно снижается, постепенно теряя смысл, но все же оно продолжает существовать некоторое время как общественная организация, занимающаяся просветительской деятельностью и помощью церковно-приходским школам.

Примечания

1. Тихомиров И. Раскол в пределах Калужской губернии. Калуга, 1900; Он же. Краткий исторический очерк развития и современного состояния расколистанства в Калужской епархии в связи с условиями епархиальной миссии // Калужские епархиальные ведомости. 1902. №12. С.291-303; №13. С.315-330.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. Т.ХV. Калужская губерния. 1903. С.1X, 2-3.
3. Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С.21.
4. Отчеты братства Александра Невского за 1898-1906гг. // КЕВ. 1899. №13*. 1901. №5*; 1902. №14*, 14; 1903. №7-8*; 1904. №9*; 1905. №5*; 1906. №16*; Отчеты и рапорты участковых миссионеров и епархиального миссионера И.Жарова // КЕВ. 1901. №6*, 10*, 16-18; Тихомиров И. Раскол в пределах. С.129-130.
5. Первая всеобщая перепись... С.3.
6. Цит. по: О начале раскола в пределах Калужской епархии // КЕВ. 1874. №16. С.334.
7. Отчет братства Иоанна Богослова за 1892г. Калуга, 1893. С.4; Краткий отчет братства Иоанна Богослова за 11 лет его существования. 1879-1890гг. Калуга, 1891. С.58-59; Отчет братства Иоанна Богослова за 1893г. Калуга, 1894. С.15.
8. КЕВ. 1902. №14*. С.262; 1901. №5*. С.68.
9. КЕВ. 1901. №16. С.417-424; №17. С.454-461; №18. С.480-486.
10. КЕВ. №10*. С.171-180; 1906. №16*. С.302.
11. КЕВ. 1901. №6*. С.109.
12. КЕВ. 1906. №16*. С.30.
13. КЕВ. 1904. №9*. С. .
14. КЕВ. 1901. №5*. С.68-74.
15. КЕВ. 1904. №9*.
16. ГАКО. Ф.32. Оп.1. Д.2136. Л.439.
17. ГАКО. Ф.32. Оп.4. Т.3. Д.1597. Лл.16-16об., 24-24об.
18. Калужский общественно-церковный вестник. 1914. №.1. С.13-14.

* * *

Публикация архивных материалов

В новой рубрике предполагается знакомить читателей с некоторыми архивными материалами, посвященными различным сторонам жизни старообрядцев.

Традиционно молебни служили центрами жизни старообрядческих общин, местом, где староверы имели возможность собраться, скрывались от посторонних глаз.

Размещались молебни, как правило, в домах старообрядцев, занимая одну или две комнаты. Иногда строились здания специально для этих целей.

Однако на протяжении веков положение их не отличалось стабильностью и менялось вместе с отношением официальных властей к расколу. Для административных органов данные проблемы становились предметом особого внимания. Местные власти рассматривали вопросы: запечатать алтари существующих молебен, давать разрешение на строительство новых, ремонт старых зданий и т.д. Менялась и законодательная основа: политика открытой реакции в отношении раскола, в период правления Екатерины II стала более лояльной, разрешено было и строительство молебен, активизировалась жизнь старообрядческого общества. Но в 1817 г. было принято постановление, запрещающее строить церкви, часовни и молитвенные дома; в 1826 году было разрешено без изменений оставлять уже построенные здания, но впредь нельзя было не только строить, но и ремонтировать уже существующие постройки. Предусматривалось и наказание за нарушение этих постановлений: тюремное заключение от одного до двух лет. Но несмотря ни на что, старообрядцы ревностно относились к своим святыням, молитвенным домам.

I

Состоящий при Московском Военном Генерал-Губернаторе статский советник князь Трубецкой, гвардии капитан Аверкиев и следственных дел губернский стряпчий Павловский 7 ноября 1849 г. прибыли в дом Московского 2 гильдии купца Федора Алексеича Гучкова для снятия с него показания, усмотрели в прихожей комнате дверь, через которую сквозился лампадный огонь — немедленно приказали оную дверь открыть и нашли за оною довольно просторную комнату, в коей устроена настоящая моленная, совершенно подобная тем, кои существуют в Преображенском богадельном доме, с иконостасом, в коем сверху до низу вделаны местные образа, пред ними церковные паникадила с местными свечами и горящими лампадами и налоями. На противной стороне иконостаса устроены хоры. В моленной найдены в довольно большом количестве подушечки, которые раскольники употребляют при моленной для подкладки под руки, все доказывает, что в той моленной бывает значительный сбор людей для присутствия при раскольничьем служении.

По предписанию Его Снятельства произведена опись моленных комнат. В передней комнате стоит котел медный с деревянным маслом примерно около двух пудов.

Из передней в самую моленную ведет створчатая дверь, крашенная зеленой краской. Моленная по поперечнику 10 и 1/4 аршина, помещается она в нижнем этаже дома с 4 окнами, выходящими на двор, в ней хоры с двумя окнами, без рам с деревянными затворами, посредине комнаты стоят три налоя, покрытые пеленами, из коих на переднем стоят два Евангелия, одно покрытое пеленой, обложено с лицевой стороны бронзой с изображением Евангелистов и распятия в бархатном переплете и другое, обложено бархатом; на налое с левой стороны находится часослов; перед двумя боковыми налоями иконы в серебряных окладах с большим медным подсвечником. Иконостас в четыре ряда с пола до потолка снизу с пьедесталом. В нижнем 7-мь больших разных икон с большими местными свечами без окладов, между ними повешены 7 икон небольшой формы и два деревянных креста. Во втором ряду 17 икон и при них 17 медных подсвечников на кронштейнах; в третьем ряду 17 икон. В числе икон некоторые в серебряных, а некоторые в медных вызолоченных окладах.

В среднем иконостасе повешен на бечевке спусковой подсвечник для нескольких свечей. При иконостасе най-

дены шесть теплищихся лампадок, на боковых стенах моленной иконы Святцев, по шести на стороне в рамках, кроме того, две таблицы нотные на стене за стеклами, называемые стихарями, 65 моленных подушечек, которые в случае молитвы кладутся на пол молящимися, одна кадильница медная с ручкой, ладану в двух жестяных коробочках около полфунта и около полпуда в кулке, комод деревянный со свечами восковыми разной величины, для

зажигания и гашения свечей разных подсвечников и щипцев трое, медный колокол, подвешенный под хорамми, фунтов примерно около пяти с привязанной с позолоченным вверху бордюром; лестовок кожаных четыре, 10 книг нотных, писанных полууставом и 20 печатных книг разного наименования и величины.

(ЦГА г. Москвы. Ф203, оп. 271, д. 19, лл. 1-4)

II

№ 698 18 мая 1855 г. Секретно.

**Снятельнойший Граф,
Милостивый Государь!**

Из доходящих до меня по Епархиальному управлению сведений открылось, между прочим, следующее: Бывшая крестьянка Московского уезда, Дворецкого села Коломенского, вдова Александра Лапшина, раскольница, принадлежащая к поповщинской секте, прихожанка к Казанской в оном селе церкви, имела в своем доме моленную, которая вместе с домом, по праву наследства, поступила в приданое ее дочери, вышедшей в замужество за Московского мещанина Молочникова. И она моленная с 1853 года, как в бывшем без хозяев доме, сама собою было уничтожилась; служб раскольничьих в ней не производилось, и иконы из оной взяты наследницею. Ныне оный дом купил приход Вознесенской церкви того же села крестьянин Федор Кошкин, который хочет снова открыть оную уничтожившуюся было моленную, и в ней

совершать обычное раскольническое служение, чему признаком служит то, что он купил оставшийся без икон иконостас.

Сколько мне известно, сия моленная и прежде не была в числе тех, которые пользовались терпимостью по известному закону.

Посему долгом поставлю покорнейше просить Ваше Снятельство обратить на сие начальственное внимание и не допустить незаконное устройство раскольнической моленной.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть,

**Вашего Снятельства
Милостивого Государя
покорнейший слуга
Филарет Митрополит Московский**

(ЦГА г. Москвы. Ф16, оп. 110, д. 283, лл. 1-1 об.)

III

№ 58 «16» мая 1855

**Его Снятельству,
Г.Московскому Военному Генерал-Губернатору
Графу Арсеню Андреевичу Закревскому**

Краткая выписка

Из следственного дела о моленной, помещающейся в доме крестьянина Московского Уезда, села Коломенского, Федора Кошкина — прежде бывшем крестьянки Лапшиной.

Вследствие предписания Его Снятельства Господина Начальника Московской Губернии о произведении исследования об устройстве моленной в доме крестьянина села Коломенского Федора Кошкина и о том: не было ли в ней исправлений — сделан был осмотр моленной, по которому оказалось, что средняя часть верхнего яруса Иконостаса в десять икон вызолочена вновь по дереву на племете не более полугода тому назад, под Иконостасом базики и плинт, на которых держится Иконостас — сделаны вновь; остальная же часть Иконостаса золочена не более тридцати лет тому назад; растворы в рамках, новые — сделаны не более году назад; исправлена шекатурка в потолке. По исследованию же прежняя владельница дома, крестьянка того же села Анна Тимофеевна Лапши-

на показала, что по выходе ее замуж за купца Молошникова четыре года тому назад продала она дом, в коем ныне помещается моленная, крестьянину Федору Кошкину; но образа из моленной были разобраны, и частью взяты ею в приданое, частью остались у матери; был ли же разобран и самый Иконостас — она не припомнит. Крестьянин Федор Кошкин, сначала показавший, что моленная находится в том же самом виде, как была у Лапшиной без всяких перемен, на очной ставке с Молошниковой сознался, что 49 образов, имеющихся в настоящее время в моленной, 42 поставлены им после покупки дома, а 7 остались от Лапшиной, но какие именно отказался указать по забыванию. При оказании же моленной купчихи Молошниковой, она объяснила, что имеющихся в настоящее время в моленной образов она не продавала Кошкину и кому они принадлежат — ей неизвестно. — О времени же устройства моленной оной прежними владельцами Лапшиными производилось исследование, бывши в рассмотрении 1-го Департамента Московского Уездного Суда, по определению которого и выдана Кошкину, имеющаяся при сем деле копия с резолюции 6-го Марта 1857 г. за № 341.

Чиновник Особых Поручений Правднн.

(ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 110, д. 983, л. 11-11 об.)

IV

ОПИСЬ

Составленная во Исполнение Предписания г. Московского Исправника от 13 Октября за № 3928 последовавшего по таковому же Его Святельства Г. Начальника Московской Губернии от 9 Октября за № 2388м при личности домохозяина и понятых Крестьян Раскольнической Моленной и иконам в оной находящимся, состоящей села Коломенского в доме Крестьянина Федора Кошкина

№	Название Вещей
---	----------------

	<p>Взойдя на двор на левой Стороне парадное Крыльцо и внутри Лесница о трех Поворотах во 2-й Этаж, где направо дверь в моленную и над нею медный Крест врезан в рамку а против оного Ломпада внутри Моленной две Комнаты 1-я имеет величину Передняя 5 арш., а в ширину 9 арш.; Во 2-й Комнате все стены по 9 арш. на правой Стороне Галанская печь с лежанкою израсцовая на левой руке створчатые двери с рамами но без стекол завешаны Голубым Колинкором; В Вышину Моленная 4 арш. с четвертью, В оной Три кресла и один Тубурет деревянные простые на левой руке; а на правой руке Скомейка Дубовая в 4 аршина, 22 подушки, которая кладутся под руки по время моленья из разнаго Ситца которая лежат на лежанки, по передней стене устроен Иконостас вышиною в 4 арш. позолоченный под оным по бокам два Полукрытых угольника посредине в Полтора Аршина вышиною, Шкапчик с тремя дверками, угольники и Шкапчик пустые, в Иконостасе 15-ть шести вершковых Икон из коих 4-е в медных ризах; в середине Иконостаса в нижнем Ярусе 4 Иконы каждая Икона 5 четв. вышины и 3 четв. Ширины,</p>
--	---

во имя Спасителя, Св. Троицы, Казанския и Тифинской Божий Матери, из коих Казанская Божия Матерь в Медных ризе в верхнем Ярусе 9 Икон Апостолов каждая Ширины 5 вершков а вышины 1 арш. и в середине Икона Спасителя мерою в 1 арш. на стине с Правой Стороны Икона Всех Святых мерою Квадратный Аршин налевой Стороне Скорбящая Божия Матери обе Иконы в позолоченном рамах, Ломпад 28 Штук разной Величины Два налейчика вышины в 1 1/2 ар. а ширины 1/2 ар. обиты ветхой материей на оных по маленькой Иконе, 5 Медных под свечников с свечами желтого Воска, Один Медный Крест Литой в четвер. вышины, Стойных Два налая обшиты Сафьяном Стены и Потолок выкрашены Масляной темно Желтоватой краской, а стены уже поленяли, Посредине Моленной Поникодила о 14 подсвечниках в Коих вставлены желтая свечи, в Передней Комнате Моленной над дверми 3 Иконы каждая по 3 чет. и в той же Комнате Убрус Спасителя мерою 1 1/2 ар. ширины и (?) 5 четв. Краска во многих местах слупилась без рамы в нижнем Этаже под Маленной Жилой Покой.

Пристав Крылов

При сем находились Понятые Крестьяне Села Коломенского Веры Православной, Гаврило Иванов, Сидор Герасимов, Василий Семенов Алексей Гаврилов Федор Федоров за неграмотных Выше-поименованных крестьян поих личной Прозбе Крестьянин Михайла Герасимов Чимин руку приложил

Пристав Крылов

(ЦГИА г. Москвы, ф. 16, оп. 110, д. 983, л. 20-21)

• • •

Памятные места Москвы

Соколова Е.И.

Протопоп Аввакум в Москве

Эта заметка не содержит подробного пересказа ни истории раннего раскола, ни биографии Аввакума Петровича. Речь в ней пойдет лишь о том относительно недолгом времени, которое знаменитый протопоп провел в нашем городе, и на те уголки современной Москвы, которые так или иначе связаны с его именем.

Сразу же уточним: Аввакум Петрович прожил в Москве всего около двух лет, да и то — в общей сложности, так как все его приезды сюда были, в конечном итоге, вынужденными, и к тому же весьма кратковременными. И все же Москва в жизни Аввакума сыграла важную роль.

Первая его встреча со столицей русского государства состоялась в конце 40-х гг. XVII в., когда никому еще не известный двадцатисемилетний сельский священник Аввакум, выгнанный из своего прихода неким «начальником», «прибрел к Москве» /1/, чтобы добиться здесь правды и вновь получить приход, а значит, и средства к существованию для себя и своей семьи. В тот раз Аввакум пробыл в Москве совсем недолго: обратив на себя внимание членов т.н. «Кружка ревнителей благочестия», в

том числе самого царя, он был отправлен на свое прежнее место с распоряжением продолжать свою деятельность, а в случае обнаружения каких-либо беспорядков в церковной жизни — сообщать об этом в Москву.

Где останавливался Аввакум в тот свой приезд, как и в следующий, спустя четыре года, мы не знаем. Первым достоверно известным сейчас местом в Москве, связанным с именем Аввакума, является знаменитый Казанский собор на Красной площади, уничтоженный в 1936 г. и выстроенный заново в 1993 г. Тот самый храм, настоятелем которого был в свое время знаменитый Иван (Иоанн) Неронов, духовный отец Аввакума, в будущем — активный противник патриарха Никона.

Аввакум Петрович служил в одной из придельных церквей Казанского храма, только что тогда отстроенной — свв. Гурия и Варсонофия. Вслед за своим духовным отцом и учителем он начал говорить публичные проповеди (ранее они в Древней России не были приняты) и «чел народу книги. Много людей приходило», что и не удивительно: храм стоял на «бойком» торговом месте; к тому же Авва-

Казанский собор на Красной площади. На этом месте стоял храм, в котором священствовали Иван Неронов и Аввакум.

Государственный музей-заповедник «Коломенское». Башня Братского острога.

кум, по наблюдениям других священников Казанского собора, читая «поучение на паперти... лишние слова говорил, что и не подобает говорить»...

Поселился Аввакум также у Ивана Неронова, чья усадьба (или, как тогда говорили, «двор»), размещалась недалеко от Казанского собора. Что же собой представляла эта усадьба? Приведу описание «двора» другого московского священника, современника наших героев: площадью приблизительно 30х32 м; «а на том дворе хоромного (т.е. жилого - Е.С.) строения; ...горница с комнатою на жилых подклетах; ...позади горницы и комнаты сени. Баня... Погреб дубовый... А по другую сторону ворот

конюшня, а на ней сушило старое. А около того двора с трех сторон огорожено забором... ворота с двух щитах да калитка...» На таких «дворах» обычно проживали, кроме хозяйской семьи, родственники, домочадцы и слуги владельца усадьбы, в том числе иногда и священники домовых храмов (так, например, родной брат Аввакума, Козьма Петрович, будучи впоследствии священником домово́й церкви дворянина Ивана Юрьевича Бахметева, жил у него во дворе, в т.н. Барашах — это район современной ул. Чернышевского, т.е. Маросейки). У Ивана же Неронова, помимо его собственной семьи и семьи Аввакума, на усадьбе жили еще дьяконы Казанской церкви Федор Зиновьев «со товарищи», некто Петр Моисеевич и Семен Бебехов.

На этом - то дворе, уже после ареста Неронова, Аввакум и устроил знаменитое «всенощное бдение» в сушиле /2/ — «в некоторое время и конюшня де иные церкви лучше», за что, вкупе с «выписками о сложении перст и о поклонах», поданными им царю Алексею, и был арестован.

Следующие четыре недели Аввакум находился в знаменитом Андроньеве монастыре — «на чепи (т.е. на цепи — Е.С.) кинули в темную палатку, ушла в землю», а затем был привезен в Успенский собор московского Кремля, где совершали расстрижения священнослужителей. В тот раз, однако, сан с Аввакума не сняли; его просто отвели в Сибирский приказ — учреждение, ведавшее в том числе и ссыльными, — благо приказ этот тогда размещался буквально в двух шагах от Успенского собора, рядом с колокольней Ивана Великого, во втором этаже так называемой Посольской палаты, где находились и все остальные приказы.

Следующие десять лет ссыльный протопоп и его семья провели за Уральским хребтом. Интересно, что в Москве сейчас находится памятник пребывания Аввакума Петровича в Забайкалье: это одна из четырех башен т.н. Братского /3/ острога — небольшой деревянной крепости. Башня была перевезена в Москву в 1959 г. из зоны затопления и установлена в музее — заповеднике «Коломенское». Невозможно, конечно, утверждать, что это та самая башня, которую воевода А.Ф.Пашков использовал в качестве тюрьмы для своего непокорного полкового

На этой иллюстрации — Вознесенский монастырь, как он выглядел в конце XIX — начале XX вв. В 1664 г. рядом с ним находился двор Аввакума Петровича.

священника Аввакума, но в этом случае мы, люди XX века, уже имеем право на творческую фантазию: все башни Братского острога практически идентичны.

Из ссылки царь вернул Аввакума в Москву в 1664 г. «Реабилитированного» протопопа поселили на территории Московского Кремля. Двор Аввакума располагался около Спасских ворот, на территории бывшего подворья Московского Новодевичьего монастыря, рядом со знаменитым Вознесенским (в тот момент там монашествовали две духовные дочери Аввакума — жена и сноха А.Ф.Пашкова). Впрочем, в те дни Аввакум Петрович, по собственному признанию, дома почти не бывал; его деятельность протекала в самых различных частях Москвы.

Бывал в царском дворце — уже по приезде был «поставлен к руке», что само по себе представляло большую честь. Часто бывал в доме Ф.М.Ртищева, где велись споры между «никонианами» и первыми старообрядцами. Дом этот стоял за Боровицкими воротами, в начале ул. Знаменки (в 1925 г. она стала называться улицей Фрунзе; сейчас ей возвращено прежнее название). По несколько дней подряд проводил в доме своей духовной дочери боярыни Ф.П.Морозовой — в районе нынешней Тверской, там, где к ней примыкает сейчас улица Белинского. Мог бывать у брата в Барашах, а также — в Кожевниках (в районе современной станции метро «Павелецкая»), где, скорее всего, проживал его духовный сын и стойкий последователь, двадцатипятилетний Лука Лаврентьевич, «усмьрь чином».

Бывал, конечно, и в других концах города, так что впоследствии Ивану Неронову пришлось оправдывать его перед царем: «Оклеветали его тебе, Великому Государю, власти», — пишет Неронов, — «...будто он, протопоп, ходячи по улицам и по стогнам градским, развращает народы, уча, чтоб к церквам Божиим не приходили». «Оклеветали» или нет — это сейчас выяснить вряд ли возможно, но что именно в этот период у Аввакума появилось множество новых учеников — не подлежит сомнению. А вслед за этим последовала новая ссылка — на Мезень.

С тех пор его привозили в Москву еще несколько раз — теперь уже как еретика, для суда над ним. Сначала — в 1666 г. — он предстал перед Собором (т.е. съездом) русских иерархов в Крестовой палате Патриаршего дворца, после чего был расстрижен в Успенском соборе и вывезен за пределы города в Николо-Угренский монастырь. Еще через год его, в числе шестнадцати других несоглас-

ных с реформой, «поставили перед вселенских патриархов». Это было в Кремлевском Чудовом монастыре, а держали Аввакума в это время на подворье Пафнутьева монастыря, размещавшемся на Посольской улице (сейчас — проезд Владимирова).

17 июня 1667 г. Аввакума вместе с будущими его пустоозерскими «соузниками» Лазарем и Епифанием повезли на Воробьевы горы, т.е. в село Воробьево, а оттуда — в «Савину слободку». Память о слободе Саввинского монастыря, находившегося напротив Новодевичьего (примерно там, где сейчас кинотеатр «Спорт»), сохранилась в названии Саввинской набережной и переулков, располагающихся в районе станции метро «Спортивная», относительно недалеко от Воробьевых гор и Андреевского монастыря, где Аввакум, кажется, тоже «побывал» — это правый берег Москвы-реки, вблизи Нескучного сада.

И, наконец, узников «опять ввезли в Москву... на Никольское подворье» в Кремле, а оттуда 27 августа отправили на «Болото» — Болотную площадь (с 1962 г. — площадь Репина), где обычно производились казни. Лазарю и Епифанию «урезали» языки; Аввакума в тот раз не тронули.

Это и была последняя «встреча» протопопа Аввакума Петровича с Москвой. В тот же день он был увезен в Пустозерск, где провел последние, самые страшные, пятнадцать лет своей жизни. В Москве остались его единомышленники, духовные дети, с которыми он вел из тюрьмы активную переписку; в Москве оставался «обманутый», как очень долго думал Аввакум Петрович, царь, «поверивший» «еретику» Никону; московские события очень интересовали пустоозерских узников, и, можно сказать, постоянно присутствовали в их жизни. Но это уже тема специальной статьи.

Примечания

1. Здесь и далее цитируется «Житие Аввакума, им самим написанное».
2. Сушило — это хозяйственная постройка многофункционального назначения. Собственно «сушить» там можно было практически все — и зерно, и рыболовецкие сети, и белье после стирки.
3. Т.е. «Бурятского». «Братами» казаки-землепроходцы называли бурятов.

На этой старой фотографии, наряду с дошедшими до наших дней кремлевскими постройками — Патриаршим дворцом (в центре) и Успенским собором (фрагмент слева), вы видите также келейный корпус того самого Чудова монастыря, в котором Аввакум Петрович предстал перед Собором Вселенских патриархов в 1667 г.

Лукина М.И.

Из истории Рогожского кладбища

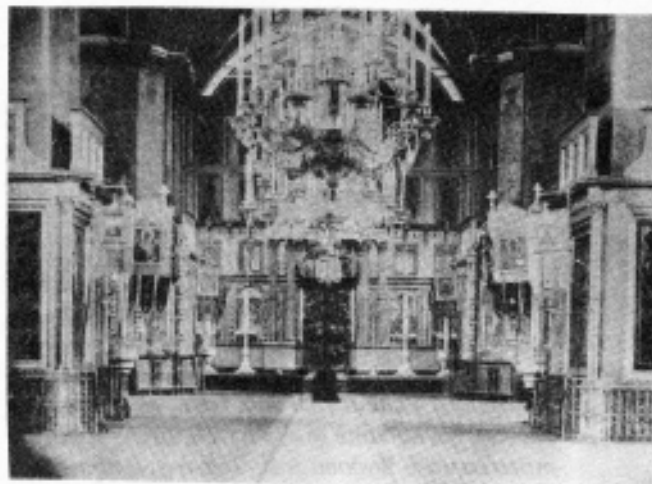
Место, о котором здесь будет рассказано, к сожалению, не принадлежит к числу тех достопримечательностей, которым современные путеводители по Москве отводят многие страницы. Сведения, приводимые о нем в печати, как правило, слишком скупы, чтобы дать читателю представление о той огромной роли, которую некогда играло Рогожское кладбище в жизни значительной части москвичей. Речь идет о так называемых старообрядцах, или староверах, которых официальные власти вплоть до начала нынешнего столетия предпочитали именовать «раскольниками». В середине XIX века, по секретным правительственным сведениям, таких раскольников в Москве и Московской губернии насчитывалось до 186 тысяч человек. Из них подавляющее большинство — почти 2/3 — составляли поповцы, или «старообрядцы, приемлющие священство». Их было 120 тысяч человек, причем примерно половина из них проживала в самой Москве. Это и были прихожане Рогожского кладбища.

В то время это место располагалось за чертой города, в трех верстах от Камер-Коллежского вала. Сюда можно было добраться, проезжая либо через Покровскую, либо через Рогожскую заставу. Большинство московских старообрядцев-поповцев предпочитало селиться в непосредственной близости к этим заставам, в районах Таганки и Рогожской слободы. Жители последней издавна, еще с XVI века, занимались перевозками по дороге на село Рогожь — будущий город Богородск (впоследствии г. Ногинск Московской области). Отсюда происходит название и самого кладбища — Рогожское.

Впрочем, понятие «кладбище», в данном случае, очень условно. Возникнув в 1771 году именно как кладбище, где были захоронены жертвы свирепствовавшей тогда в Москве чумы, это место вскоре становится средоточием религиозной и общественной жизни московских старо-

Колокольня с церковью Воскресения Христова. Архитектор Ф.И.Горностаев. 1908 — 1913.

Интерьер Покровского храма Рогожского кладбища. Фото нач. XX в.

веров. Здесь возводятся величественные молитвенные здания, строятся частные дома, кельи, богадельни. В XIX веке Рогожское кладбище представляло собой целый старообрядческий поселок, население которого, как писали очевидцы, превышало население некоторых уездных городов. Этот поселок со всех сторон был обнесен очень высоким и глухим деревянным забором, единственные ворота которого были обращены в сторону города. За этим забором протекала своя жизнь, почти недоступная для взгляда постороннего наблюдателя и во многом для него непонятная. Весь уклад этой жизни, по заветному желанию староверов, должен был максимально соответствовать образу жизни допетровской и дониконовской Руси, с ее древними традициями и обрядами. Причем, это относилось к обрядам не только церковным, но и домашним, бытовым. Вплоть до второй половины XIX века старообрядческая семья жила по «Домострою», во всем стараясь следовать предписаниям старомосковских книжников. Но парадоксальность исторического

Общественное здание нач. XX в. Ныне Дом Ребенка

развития заключалась в том, что именно старообрядческая среда выдвинула тех передовых деятелей, которые, фактически, и создавали российскую промышленность и коммерцию. Среди прихожан Рогожского кладбища видное место занимали такие крупные фигуры в истории отечественного предпринимательства, как Морозовы, Рябушинские, Бутиковы, Рахмановы, Солдатенковы, Кузнецовы и другие. Многие из них внесли заметный вклад и в развитие русской культуры.

Но вернемся к тому моменту, когда история Рогожского кладбища еще только начиналась. Шел 1771 год. Вся Москва уже несколько месяцев была охвачена страшной эпидемией чумы, которая унесла десятки тысяч человеческих жизней. Все кладбища в черте города были закрыты из-за боязни заражения. Был запрещен въезд и выезд из Москвы, прекратился подвоз продуктов из окрестностей, начался голод. Все действия властей против этого страшного бедствия оказались бессильны. Обстановкой охватившей всех паники сумели воспользоваться московские старообрядцы, взявшие инициативу борьбы с чумой в свои руки. Они сумели добиться у графа Григория Орлова, командированного Екатериной II в Москву для организации борьбы с чумой, разрешения устроить свои собственные кладбища и карантин для бежавших из города жителей. Самоотверженно ухаживая за больными и умирающими, они способствовали привлечению к «старой вере» все новых и новых сторонников.

Так было положено начало вполне легальному осуществлению в Москве двух старообрядческих центров, получивших наименования «кладбища». Один из них, беспоповщинский, возникает у Преображенской заставы. Это так называемое Преображенское кладбище, вокруг которого сосредоточивается деятельность старообрядцев федосеевского толка во главе с купцом И.А.Ковылиным. Другим, поповщинским, старообрядческим центром отныне становится Рогожское кладбище.

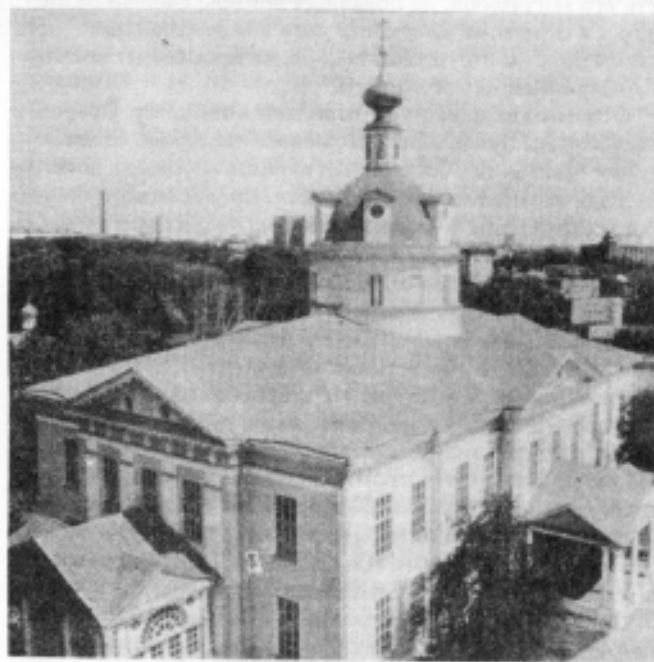
Сразу же при основании кладбища, в 1771 году, здесь была построена небольшая деревянная часовня, в которой старожилы отпевали своих умерших. Уже пять лет

спустя, в 1776 году, строится каменная часовня, более обширная, во имя св. Николая Чудотворца. Впоследствии, во второй половине XIX века, она была перестроена, получив свое пятиглавие и нарядное декоративное убранство в соответствии с очень популярным в то время «русским стилем», подражавшим многокрасочному «узорочью» древнерусских храмов XVII века. Тогда же возникает и новая колокольня, воздвигнутая взамен первоначальной деревянной.

Очень скоро, с ростом численности прихожан Рогожского кладбища в Москве и ее губернии, с увеличением капиталов и связанной с этим общественной влиятельности рогожских купцов, Никольская часовня уже перестает удовлетворять их потребностям. Возникает необходимость строительства нового, более вместительного и более репрезентативного молитвенного здания, которое, помимо всего прочего, отвечало бы возникшим притязаниям рогожцев на лидирующую роль во всем поповщинском согласии.

Архитектурные памятники Рогожского кладбища, к сожалению, до сих пор практически не изучены, хотя многие из них представляют несомненный интерес и в художественном отношении. История их строительства загадочна и темна. В обстановке постоянных гонений и репрессивных мер со стороны царского правительства, старообрядцы старались осуществлять все свои начинания тайно, как можно меньше привлекая к ним внимание властей и умело обходя ограничивающие их деятельность предписания. Поэтому архивные материалы здесь не в состоянии дать достаточно полной и объективной информации. Все сказанное относится и к самому крупному из рогожских старообрядческих храмов — знаменитой Покровской часовне, — несмотря на то, что время ее строительства, 1790-1792 годы, приходилось на царствование Екатерины II — период, относительно благоприятный для российских старообрядцев.

Этот памятник традиционно связывается с именем знаменитого зодчего XVIII века М.Ф.Козакова, одного из

Покровский кафедральный собор Рогожского кладбища

самых выдающихся представителей русского классицизма. Однако несомненно известно лишь то, что старообрядцы, во главе с видным рогожским деятелем тех лет, именитым гражданином Никитой Павловым, обратились к московскому главнокомандующему князю А.Прозоровскому с просьбой разрешить им построить новую часовню по плану архитектора Казакова. Главнокомандующий дал свое позволение, «надеясь несомненно, что архитектор Казаков сочинит оный пристойно с их положением». Однако вскоре последовал протест со стороны официальных церковных властей. Выяснилось, что рогожские старообрядцы «начали строить церковь, превышающую пространством и огромностию Успенский собор: он длиною 17, шириною 12, а их церковь длиною 25, шириною 15 сажений,— чтобы огромностию сего храма унижать первую в России церковь...» Так писал в своем донесении правительству митрополит Новгородский и Петербургский Гавриил. Кроме того, выяснилось, что рогожцы предусмотрели специальные выпуски для алтаря и собираются поставить над новой часовней пять глав. Князь Прозоровский вынужден был давать свои объяснения перед императрицей, ссылаясь на то, что «они заложили не по плану архитектора Казакова, а сняли сами план с церкви, что в Бутырской слободе», плана же Казакова он отыскать не смог. Поскольку Покровская часовня к тому времени уже была доведена до карниза, рогожские старообрядцы и власти пошли на вынужденный компромисс: князь Прозоровский приказал «выпуски для алтаря отломать, величины убавить и сделать план с одной главой и крестом».

Приведенные выдержки из документов отчасти объясняют, почему рогожский Покровский храм не упоминается в числе шедевров русского классицизма. Монографии о Казакове также обходят молчанием этот памятник. Тем не менее, несмотря на некоторое несоответствие пропорций его верхней и нижней частей, во всем чувствуется рука очень опытного архитектора. Строгий, величественный по своему стилю храм, при всей грандиозности его масштабов, не подавляет зрителя своими размерами, а огромные плоскости стен его фасадов, даже при почти полном отсутствии декора, не производят впечатления унылой монотонности.

Особым великолепием отличается интерьер Покровского храма. Прихожане Рогожского кладбища, среди которых было много богатейших купцов, не жалели денег и сил для украшения своих часовен. Превосходные иконы древнего письма в серебряных и позлащенных ризах драгоценными камнями, серебряные паникадила и подсвечники с пудовыми свечами, богатые плащаницы, резные золоченые иконостасы, дорогая утварь,— все это придавало богослужению то особое «благолепие», которое так ценили приверженцы «древлего благочестия». Несомненна огромная заслуга старообрядцев в сохранении древних, «дониконовских», икон, рукописей и других памятников древнерусской культуры. Староверы покупали их за бесценок у промотавшихся потомков бывшей старомосковской знати, у которых эти древние родовые реликвии валялись на чердаках и в пыльных чуланах, как никому ненужный хлам. И в сущности, одни лишь старообрядцы в то время знали их истинную цену.

Однако огромная Покровская часовня былалетней, неотапливаемой, и в холодное время года совершать в ней церковную службу было невозможно. В 1804 году рогожские старообрядцы возводят рядом с ней еще одну

Рогожское старообрядческое кладбище. Семейная усыпальница Морозовых

часовню, во имя Рождества Христова, предназначенную для зимних богослужений.

К сожалению, в настоящее время этот архитектурный памятник представляет собой поистине удручающее зрелище. В конце 1920-х годов в помещении храма была устроена столовая для рабочих соседних заводов, что повлекло за собой разрушение купола и другие перестройки этого здания, искажившие и обезобразившие его облик. Интерьер храма, включая настенные росписи, погиб безвозвратно. Истинное представление об этом памятнике дают лишь старые фотографии.

Меньшая по размерам, чем соседняя Покровская, эта часовня все же производила очень величественное впечатление. Строгие формы классицизма, характерные для архитектуры этого времени, соединялись здесь с почти барочным силуэтом верхней части храма. Коринфские колонны, расположенные вокруг барабана и в основании увенчивающей здание небольшой главки-луковки, придавали его облику особую нарядность и торжественность. Необычные по форме декоративные детали — круги с отходящими от них четырьмя «лучами», ромбы и т.п., многократное использование мотива стрельчатой арки, «готические» оконные переплеты, контрастное сочетание красного и белого цветов,— все это позволяет связать архитектурное решение Рождественской часовни с тем стилевым направлением второй половины XVIII — начала XIX века, которое принято называть «национально-романтическим стилем» или «псевдоготикой». Блестящим образцом этого стиля является архитектурный ансамбль Царицына, созданный выдающимися зодчими В.И.Баженовым и М.Ф.Казаковым. Вероятно, именно поэтому автором рогожской Рождественской часовни иногда называют Баженова, который, однако, умер в 1799 году, то есть за пять лет до начала ее строительства. Старые источники в связи с этой часовней упоминают другое имя — архитектора Жукова.

Первая четверть XIX века была временем блестящего расцвета Рогожского кладбища. Хотя эти великолепные

молитвенные здания не были и не могли быть освящены — для этого требовался свой архиерей, которого старообрядцы тогда еще не имели — и использовались лишь как часовни, у рогожцев не было недостатка в беглых попах, которых они переманивали из господствующей, синодальной православной церкви. Однако с началом царствования Николая I вновь начинается полоса гонений на старообрядцев. В 1827 году последовал указ, запрещающий им принимать вновь беглых попов. Это был серьезный удар по старообрядчеству. В это время на Рогожском кладбище оставалось всего пять священников, которые должны были обслуживать до 95 тысяч прихожан только лишь в Москве и Московской губернии. Вскоре по всей России у старообрядцев наступает «оскудение священства». Полиция строго следила, чтобы после смерти старых, дозволенных попов раскольники не держали у себя вновь принятых, «тайных». Чтобы обвенчаться, крестить младенца, исповедоваться и причаститься у священника — старообрядцы даже из самых отдаленных уголков страны вынуждены были ехать на Рогожское кладбище. Здесь последние из дозволенных попов дожили вплоть до 1854 года. Но они уже были не в состоянии исправить всех церковных треб так, как полагалось по уставу. Свадьбы венчали «гуськом», по десять и более одновременно, а последний рогожский поп, Петр Ермилович Русанов, прославился тем, что однажды обвел вокруг аналая 24 свадьбы сразу. В Рождественской часовне, где обычно крестили младенцев, для этих целей имелось 46 купелей. Все это, разумеется, приносило рогожским попам огромные доходы. Более того, именно в этот трудный для сторонников старой веры период гонений Рогожское кладбище сумело приобрести совершенно исключительное значение, став отныне главным духовным центром для всех российских старообрядцев поповщинского согласия.

В то время на Рогожском кладбище, помимо трех уже упоминавшихся часовен, существовало еще множество деревянных и каменных строений. Среди них были богадельни, размещавшиеся в шести особых зданиях, именуемых «палатами», дом для умалишенных, приют для так называемых «рогожских подкидышей» — «сиротский дом». В 1835 году кладбищу было присвоено официальное наименование «Рогожского богадельного дома» и учреждена особая должность казенного смотрителя. Это была одна из тех мер, при помощи которых николаевское правительство пыталось взять под свой контроль деятельность рогожских староверов. Было также закрыто рогожское училище.

Вид Рогожского кладбища в начале XX в.

Несмотря на это, роль и значение Рогожского кладбища в старообрядческом мире все возрастает. Специальное здание гостиницы — «приюта» — не в силах было вместить всех приезжающих. Беднейшие из них ютились в нижнем этаже одной из богадельных палат, где в одной большой комнате с нарами размещались одновременно по 100 и более человек. Самые богатые останавливались в специально обставленных помещениях в здании рогожской конторы. Это был огромный двухэтажный дом, в котором, помимо всего прочего, имелась особая «комната для совещаний», где заседали так называемые «малые старообрядческие соборы». Бывали еще и «большие старообрядческие соборы», с участием духовенства и иногородних депутатов. Они происходили в зимней Рождественской часовне и решали вопросы, затрагивающие интересы всех российских староверов-поповцев. Кроме того, внутри ограды кладбища было множество частных домов, построенных на средства богатых купцов, большой пруд с «Иорданью» для торжественных водосвятий, общественный сад.

Говоря о Рогожском кладбище, нельзя не упомянуть и о существовавших здесь женских обителях. Самой известной из них была обитель матери Пульхерии, слава о которой выходила далеко за пределы собственно старообрядческого мира. Рассказывали, что даже сам Московский митрополит Филарет оказывал глубокое уважение этой известной начетнице и постнице. Ей приписывался особый дар прозорливости, и московские купчихи-раскольницы не принимали никаких решений в своих семейных делах, не посоветовавшись прежде с матушкой Пульхерией. Не менее высоко ценили ее мнение и в далеких керженских скитах, описанных в известных романах П.И.Мельникова-Печерского. В обители матери Пульхерии постоянно укрывались от полиции беглые попы, служились в полотняных церквях тайные литургии, имелись запасные дары, которые она с надежными людьми рассылала по всей стране.

В 1846 году произошло важнейшее событие в истории старообрядцев поповщинского согласия — у них появился собственный архиерей. Была создана так называемая Белокрыницкая, или австрийская, старообрядческая иерархия — по названию местечка на территории Австрийской империи, где был принят в старообрядчество бывший Босно-Сараевский митрополит Амвросий. Вскоре был поставлен и первый архиерей для России — епископ Симбирский Софроний, прежде бывший одним из певчих на Рогожском кладбище. В учреждении собственной иерархии самое деятельное участие принимали рогожцы. В числе ее инициаторов были известный рогожский поп Иван Матвеевич Ястребов и попечитель кладбища, московский купец Федор Рахманов. Последний из них за участие в этом деле был привлечен к суду и кончил жизнь в каземате Суздальского монастыря. Из-за суровых правительственных преследований новые архиереи не могли открыто появляться на Рогожском кладбище и скрывались в домах богатых купцов-прихожан. Рогожские часовни так и не были освящены.

Вскоре Рогожское кладбище лишилось последнего из своих «дозволенных» попов. В 1854 году Петр Ермилович Русанов, изменив «старой вере», вернулся в лоно господствующей церкви. За ним последовало несколько прихожан. Воспользовавшись этим обстоятельством, правительство отобрало у рогожских старообрядцев Никольскую часовню и превратило ее в единоверческую

церковь. Спустя два года последовал новый удар, еще более сокрушительный. В 1856 году были запечатаны алтари рогожских часовен. Сквозь стены иконостаса, царские и северные двери был пропущен толстый шнур, на котором лежали огромные печати, и почти полвека ни один человек не мог войти внутрь. За это время рогожские алтари подверглись страшному разрушению: пол сгнил, священные одежды и облачения истлели, стенная живопись повредилась от сырости и пыли, бесценные иконы погибли безвозвратно.

1905 год был началом новой эпохи в жизни русского старообрядчества. 17 апреля, в день Светлого Воскресения Христова, царское правительство, напуганное ростом революционной борьбы, обнародовало наконец Манифест о веротерпимости. Накануне, 16 апреля, были торжественно распечатаны алтари рогожских часовен. Вскоре на Рогожском кладбище начинают открыто совершаться архиерейские богослужения, и Покровская часовня становится кафедральным старообрядческим собором. В 1907 году была официально зарегистрирована старообрядческая община Рогожского кладбища. С ее деятельностью связывается новый этап строительства на его территории.

В 1912 - 1913 годах в память о распечатании рогожских алтарей здесь была воздвигнута грандиозная колокольня. По замыслу ее автора, архитектора Ф.И.Горностаева, в монументальных и лаконичных формах этого памятника должны были возродиться лучшие достижения древнерусского зодчества. Изобилие и разнообразие мотивов каменной резьбы с ее сложными, тщательно выполненными орнаментами свидетельствуют о хорошем знании исторических традиций. Но, в отличие от «русского стиля» предшествующей эпохи, Горностаев не только использует отдельные мотивы древнерусского зодчества — в данном случае, уже не XVII века, а более древних памятников владимирской и московской архитектуры XII — XVI столетий — но пытается передать самый дух этой архитектуры, строгий и изысканно-сдержанный. Вместе с

тем, в общем силуэте колокольни с ее тремя подчеркнута вытянутыми главками-луковками, в преувеличенно текучих, энергичных формах позакомарных перекрытий дает о себе знать совершенно иная эстетика, связанная с господствующим в начале XX века стилем модерн.

В нижнем ярусе колокольни располагалась небольшая церковь, освященная во имя Воскресения Христова. Кроме того, было предусмотрено особое помещение, предназначенное для размещения здесь знаменитой рогожской библиотеки, включающей в себя ценнейшие древние рукописи и старопечатные книги.

В 1912 году начались занятия в первом в истории старообрядчества высшем учебном заведении — Богословско-учительском институте. Вскоре на Рогожском кладбище по проекту архитектора Ф.А.Ганешина для него было построено специальное здание. Здесь строится также здание вновь открытого рогожского училища, действует школа древнецерковного пения, которое в этот период начинает завоевывать известность в широких слоях русской публики. Кроме того, к 1917 году на территории кладбища возникает несколько новых зданий богаделен, новый приют для душевнобольных, хорошо оборудованная больница имени С.И.Морозова. Последняя в годы Первой Мировой войны была превращена в лазарет для раненых, где жены и дочери именитых старообрядцев несли нелегкий труд сестер милосердия.

Но этот последний, самый блестящий расцвет Рогожского кладбища оказался слишком недолгим. Вскоре последовали десятилетия новых испытаний, еще более суровых, чем прежде, гонений и репрессий...

19 июля 1989 года, во время торжеств по случаю празднования 1000-летия Крещения Руси, был избран первый старообрядческий митрополит Московский и всея Руси Алимпий. Он является главой Русской православной старообрядческой церкви. Ее духовный и административный центр, как и прежде, находится на Рогожском кладбище.

Критика и библиография

Русское медное художественное литье. Составитель и научный редактор, кандидат искусствоведения С.В.Гнутова. Вып. 1-2. М., Сол. систем, 1993.

Событием для почитателей медного литья стало появление двух небольших сборников. Сборники включают в свой состав материалы двух Семинаров по вопросам изучения, хранения и реставрации медного художественного литья XI-XIX вв., проходивших в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (1989 г.) и Звенигородском историко-архитектурном и художественном музее (1992 г.).

Впервые объектом столь пристального внимания хранителей стали меднолитые иконы, складни и кресты, большое количество которых сосредоточено в музейных и частных собраниях. По определению доктора искусствоведения А.В.Рындиной, «меднолитая пластика — крупный пласт русской культуры, уникальный по богатству связей со всеми ее проявлениями, настоятельно требует всестороннего исследования — от отдельных публикаций памятников до теоретического и технологического осмысления». Обзоры фондов медного литья дают представление о двадцати одной коллекции, сформировавшейся в гг. Иркутске, Красноярске, Перми, Муроме, Ярославле, Рыбинске, Петрозаводске, Новгороде, Киеве и др. Первая публикация музейных коллекций содержит некоторые неточности в атрибуции памятников XI-XIX вв., но данный материал еще находится в процессе изучения. В основном, это старообрядческое литье различных мастерских, существовавших по всей территории России в XVIII-нач. XX вв. Крупнейшему центру старообрядчества Выговской пустыни, ее знаменитой меднице посвящено несколько статей, содержащих архивные сведения. Традиции выговского литья нашли продолжение во всех регионах от Белого моря до скитов Сибири. Сборники содержат новые сведения о литейных мастерских Урала и Красного села Костромской губернии. Отрадно отметить, что не забыты имена собирателей и первых исследователей второй половины XIX-XX вв., пытавшихся сберечь меднолитые предметы как остатки старины, — краеведов Д.Г.Бурюлина и Н.Г.Добрынкина, одного из первых исследователей выговского литья В.Г.Дружинина. Особую ценность имеют архивные материалы, опубликованные во втором выпуске сборника. Это впервые изданный корректурный оттиск «Введения» из подготовленной к печати в 1920-е гг. книги В.Г.Дружи-

нина «О поморском литье». Этот текст, чудом сохранившийся в архиве Гос. Русского музея, впервые публикуется Т.В.Берестецкой. Уникальные рукописные источники «Указ о медном мастерстве» и «Указ как финифтом наводить» приведены на страницах сборника В.М.Тетеряниковым вместе с переводом и комментарием, значительно облегчающим знакомство с материалом. О технологии литья в мастерской Красного села Костромской губ. в начале XX в. повествует рукопись мастера А.П.Серова. Эта мастерская поддерживала тесные связи со старообрядческой Преображенской общиной в Москве.

Впервые все известные источники по истории и технологии литья, становятся доступными широкому кругу специалистов и любителей этого вида искусства.

Осипов В.И., Осипова А.И. К вопросу о времени постройки старообрядческих храмов в г. Боровске // Бюллетень РНИА «Верхнее Поочье». Калуга, 1993. С. 23-25.

К 1914 г. в г. Боровске старообрядцами было построено за короткое время три храма. Анализ таких источников, как журнал «Церковь» и «Отчеты Братства св. Пафнутия» позволил уточнить даты и подробности строительства старообрядческих храмов. Первым был построен храм во имя Всех Святых на Успенской улице. На месте модельной, построенной во второй половине 90-х годов 19 в., 29 июня 1908 г. состоялась закладка колокольни, а к марту 1909 г. она была отстроена.

13 июля 1908 г. состоялась закладка престола в уже построенном храме Покрова 1-ой старообрядческой общины. Освящение храма произошло 18 декабря 1908 г.

Позднее других был построен храм Покрова 2-й старообрядческой общины. 2 апреля 1909 г. на его строительство была произведена подписка среди прихожан, а 18 июня 1912 г. храм был торжественно освящен.

Пуцко В.Г. Отечественная война 1812 г. и калужские старообрядцы // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии. Малоярославец, 1993. С. 102-107.

Статья В.Г.Пуцко носит искусствоведческий характер и совершенно не показывает роль калужских старообрядцев в событиях 1812 г. Автор рассматривает ряд икон, хранящихся в Калужском областном художественном му-

зее: св. Дмитрия Солунского (инв. № 328, размер 146x109 см), св. Георгия (инв. № 326, размер 144x104 см), митрополита Филиппа (инв. № 340, размер 161x110 см), царевича Дмитрия (инв. № 331, размер 143,5x84,5 см). Иконы датируются 16-17 вв. и созданы не для калужских храмов, а московских. Автор делает предположение, что эти иконы в 1812 г. были вынесены старообрядцами из московских церквей и осели в калужских старообрядческих храмах.

Компанец С.Е. К истории старообрядчества в Боровском крае // Материалы Боровских чтений (Археология, история, краеведение). Боровск, 1988. С. 32-40.

С.Е.Компанец показывает роль старообрядцев в истории Боровского края, начиная с протопла Аввакума, заточенного в Пафнутьевом монастыре, и его сподвижниц боярыни Морозовой и княгини Урусовой, умерших в заточении в боровской тюрьме и захороненных на территории острога. Собранный автором материал показывает роль старообрядческих молелен в д. Инютино и Боровске.

Макаров И.Ю. Источники по истории старообрядческих локально-конфессиональных групп 19-20 вв. на территории Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии // Рефераты докладов и сообщений VI Всероссийского научно-практического совещания по изучению и изданию писцовых книг и других историко-географических источников (Ферапонтово, 27-29 мая 1993 г.). СПб., 1993. С. 106-108.

Автор считает, что раскол играл огромную роль в общественной жизни России и «заставлял правительство корректировать свою внутреннюю политику с поправкой» на старообрядцев. Это заставляло правительство проводить сбор статистических данных по стране. Анализируя опубликованные и архивные материалы по Новоладожскому уезду СПб. губернии И.Ю.Макаров приходит к выводу, что численность старообрядцев на территории данного уезда с 1853 по 1897 гг. уменьшилась на 42,3%.

**«СТАРООБРЯДЧЕСТВО»
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ».**

В ы п у с к 2

Подписано к печати 16.01.95 г.

Формат 60×84/8. Печать офсетная.

Печ. л. 8,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 109

Отпечатано на фабрике офсетной печати
249020 г. Обнинск, ул. Королева, 6.

Патриарх Никон. Из титулярника 1672 г.